

Вестник Московского университета

ISSN 2074-6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

4/2018

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 4 • 2018 • ОКТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

- Гу Цзюньлин.* Десятилетнее развитие *Вестника МГУ. Серия 22. Теория перевода*: специфика и перспективы. 3
- Методология перевода**
- Гу Хонфэй.* Об устном переводе с китайского языка на русский на основе интенциональности текста 14
- История перевода и переводческих учений**
- Цю Ши.* История переводов повести «Чёрный монах» А.П. Чехова в Китае в XX веке. 23
- Лингвистические и культурологические аспекты перевода**
- Артемяева Ю.В., Разыграева С.А., Явари Ю.В.* Роль языковой личности при переводе реалий в произведениях И.С. Тургенева 35
- Санчо Инсаути И.* Вклад русской литературы в становлении баскской литературной системы: 1956–2017. 46
- Вопросы терминологии**
- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.* Путь к дискурсивному терминоведению (к 90-летию В.М. Лейчика). 78
- Иконникова В.А.* Теория терминологического знака В.М. Лейчика и исследование лингвокультурологической составляющей отраслевых терминологий 93
- Казанова Е.М.* Терминообразующие потенции разноязычных минералогических эпонимов в свете когнитивного терминообразования 107
- Новодранова В.Ф., Манерко Л.А.* В.М. Лейчик: жизненный и научный путь филолога, терминолога и специалиста по переводу. 124
- Сложеникина Ю.В., Зайцева А.С.* Категоризация действительности в специальной картине мира. 137
- Сорокина Э.А.* Проблемы анализа неоднословных терминов. 150
- Хроника научной жизни**
- Гарбовский Н.К.* Китайско-российский педагогический форум «Один пояс — один путь». Сиань 21–23 октября 2018 г. 159
- Есакова М.Н.* VIII Международная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» 165
- Костикова О.И.* Литературный перевод как средство культурной дипломатии. 168
- Манерко Л.А., Мешкова Е.М.* Международный конгресс по когнитивной лингвистике, Москва, МГУ 10–12 октября 2018 г. 172
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода за 2018 год 179

Contents

<i>Gu Jun-ling</i> . A review of the 10th anniversary of <i>Vestnik Moskovskogo universiteta</i> . Seria 22. <i>Teoria perevoda</i> : features and prospects	3
Translation Methodology	
<i>Gu Hong-fei</i> . An analysis of Chinese-Russian interpreting based on the intentionality of discourse	14
History of Translation and Translation Schools	
<i>Qiu Shi</i> . The history of translations of Anton Chekhov's <i>The Black Monk</i> in China in the 20th century	23
Linguistic and Culturological Aspects of Translation	
<i>Artemyeva, Ju. V., Razygrayeva, S.A., Yavary Ju. V.</i> The role of language personality in translating realia found in literary works by Ivan Turgenev	35
<i>Insausti, I.S.</i> Contribution of Russian literature to the establishment of the Basque literary system: 1956–2017	46
Terminology Issues	
<i>Alekseyeva, L.M., Mishlanova, S.L.</i> The way to Discourse Terminology: celebrating the 90 th anniversary of Vladimir M. Leitchik's birth	78
<i>Ikonnikova, V.A.</i> The theory of terminological sign by Vladimir M. Leitchik and a study of the socio-cultural component of branch terminologies	93
<i>Kakzanova, E.M.</i> Term-formation potentials of multilingual mineralogical eponyms in the light of cognitive term-formation	107
<i>Novodranova, V.F., Manerko, L.A.</i> Vladimir M. Leitchik: the life and scientific path of the philologist, terminologist and specialist in translation	124
<i>Slozhenikina, Yu. V., Zaitseva, A.S.</i> Categorization of reality in a special world picture	137
<i>Sorokina, E.A.</i> Issues of analyzing multiword terms	150
Chronicles of Scientific Life	
<i>Garbovsky, N.K.</i> The Russian-Chinese Pedagogical Forum. Xi'an, October 21–23, 2018	159
<i>Yesakova, M.N.</i> The 8 th International Conference "The Russian Language and Culture in the Mirror of Translation"	165
<i>Kostikova, O.I.</i> Literary translation as a tool of cultural diplomacy	168
<i>Manerko, L.A., Meshkova, Ye.M.</i> The International Congress on Cognitive Linguistics. Moscow, Lomonosov MSU, October 10–12, 2018	172

Гу Цзюньлин,

доктор филологических наук, старший преподаватель
Чжэнчжоуского университета;
e-mail: 852600325@qq.com

ДЕСЯТИЛЕТНЕЕ РАЗВИТИЕ ВЕСТНИКА МГУ. СЕРИЯ 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА: СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

На основе анализа сорока номеров (в течение десяти лет) научного журнала Вестник Московского государственного университета. Серия 22. Теория перевода, используя методы количественного и качественного анализа с учётом исторического контекста российского общества, в настоящей статье описываются общие характеристики журнала, показывается процесс его развития, обобщаются достоинства и пути развития журнала на протяжении десяти лет, а также даются предложения по будущему расширению журнала.

Ключевые слова: Вестник МГУ; теория перевода; установки рубрик, перечней, обзор, предложения.

1. Введение

Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода (далее — «Журнал») является основным журналом в России, который специализируется на исследованиях в области теории перевода. Он был основан 4 июля 2007 года. Учредителем является Московский государственный университет, а издающим подразделением — Высшая школа перевода (факультет) МГУ. Настоящий журнал индексируется Российским индексом цитирования (РИНЦ) и регулярно предоставляет РИНЦ новые опубликованные академические статьи по контракту № 59-02 / 2015. В 2016 году пятилетний составной коэффициент воздействия настоящего журнала в индексе цитирования Российской науки составил 0,095.

«Журнал» включён в каталог журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК РФ), в качестве рекомендованного рецензируемого журнала для опубликования результатов исследований в области культуры, литературы, лингвистики и содержит статьи докторов и кандидатов наук, аспирантов и других исследователей.

Целью «Журнала» является развитие научных традиций русских переводческих школ, объединение теоретиков и практиков перево-

да, лингвистов, переводчиков и учёных-культурологов. Публикации посвящены социальным и культурным вопросам перевода, мировому языковому ландшафту.

Статус русского языка в многоязычном мире всегда поддерживает обращение к известным учёным. В основном публикации включают академические статьи, обзоры, академическую историю, информацию о конференциях и рекомендуемые книги. Первый номер настоящего журнала был опубликован в 2008 году, 2018 год — это его юбилей, десятая годовщина со дня основания.

Наблюдая за изменениями в содержании разделов «Журнала» с 2008 по 2017 год, используя методы количественного и качественного анализа опишем и проанализируем процесс его развития, обобщим характеристики его трансформации, а также представим рекомендации относительно будущего расширения журнала. Изучая статьи, опубликованные в «Журнале», попытаемся описать его научную деятельность.

2. Распространение разделов сорока номеров

Рассматривая статьи в сорока выпусках «Журнала», отметим, что наиболее очевидным является изменение разделов перечней, как показано в табл. 1. Из настройки разделов мы можем определить научные интересы и горячие темы для коллег из России и некоторых других стран, а также развитие и изменение основной цели журналов.

2.1. Частота появления разделов

Из табл. 1 видно, за первые 10 лет было опубликовано всего 40 номеров, по разделам видятся следующие: тема «методология перевода» присутствует в 29 номерах, что составляет 72,5%, и занимает первое место в таблице, это указывает на то, что «Журнал» сосредоточивает своё внимание на субстанции переводоведения, что не только следует за изменениями теорий перевода, но и обращает внимание на изучение методов и методики переводоведения. Разделы «Лингвокультурологические аспекты перевода» и «Общая теория перевода» замечаем в 27 выпусках, что составляет 67,5% от общего объёма, это указывает на то, что журналы придают большое значение теоретическим исследованиям. На основе продолжения традиционных исследований «Журнал» также расширяет направления изучения перспективы языковой культуры. Раздел «Хроника научной жизни» в 21 номере, что составляет 52,5%, это говорит о том, что журнал обращает внимание на различную динамику исследований перевода и следуют за передовыми теориями. Разделы

Сводка разделов

Содержание	Номера																				Кол-во номеров																
	9-1	9-2	9-3	10-1	10-4	11-1	11-2	11-3	11-4	12-1	13-1	13-2	13-3	13-4	14-1	14-2	14-3	15-1	15-3	15-4		16-1	16-2	16-3	16-4	17-1	17-2	8-1	17-3	17-4	29						
Методология перевода																																					
Лингвокультурологические аспекты перевода	8-1	8-2	8-3	9-3	10-4	11-1	11-2	11-3	11-4	12-1	12-3	13-1	13-2	13-3	14-2	14-3	14-4	15-2	15-3	15-4	16-1	16-2	16-4	17-1	17-2	9-2	17-3									27	
Общая теория перевода	8-4	9-2	10-1	10-2	10-4	11-1	11-3	11-4	12-1	13-2	13-3	13-4	14-1	14-2	14-3	15-1	15-2	15-3	15-4	16-1	16-2	16-3	16-4	17-1	17-2	17-3	17-4									27	
Хроника научной жизни	8-1	8-2	8-3	8-4	9-1	9-3	9-4	10-1	10-3	10-3	13-3	13-4	14-1	14-2	15-2	15-4	16-1	16-2	16-3	16-4	17-1	14-4														21	
Вопросы терминологии / терминология	8-2	8-3	8-4	9-1	9-3	10-1	11-2	12-3	14-2	14-3	15-2	15-4	6-2	16-3	16-4	17-1	17-2	9-2	17-4																	19	
История перевода и переводческих учений	8-2	8-3	9-1	9-3	10-1	10-4	11-1	11-2	11-4	12-1	13-2	13-3	15-4	16-4	10-2	14-1	14-4																			17	
Дидактика перевода	8-1	8-2	8-4	9-1	11-3	13-2	13-4	14-2	14-4	17-3																										9	
Обзоры	8-2	8-4	8-4	12-1	12-2	14-3	15-1	15-3																												8	
Художественный перевод	8-3	10-3	13-3	14-1	14-4	15-1																														6	
Рецензии	12-3	13-2	16-1	16-3	16-4																															5	
Перевод и лингвистика	10-1	14-1	16-3																																	3	
Лингводидактика	13-4	14-4																																		2	
Теория переводческой критики	10-3	12-3																																		2	
Вопросы устного перевода	8-1	8-2																																		2	
Перевод и языковая политика	16-4	17-1																																		2	
Перевод в системе гуманитарного знания	8-1																																			1	
А.П. Чехов в национальных культурах	10-3																																			1	
Поэтика перевода	14-4																																			1	
Памяти	9-1	9-4	15-2	17-4																																4	
Не разделённое содержание	9-4	12-2	12-4																																	3	
Подсравления	8-1	13-1																																		2	

«Вопросы терминологии» / «Терминология» присутствуют в 19 выпусках. Основная терминология является основой дисциплины, а динамика этого термина также отражает развитие и изменение дисциплины, поэтому она занимает важное место в Вестнике. Историографическое исследование также является основой дисциплинарных исследований и относится к чисто теоретической части, раздел «История перевода» присутствует в 17 выпусках, это указывает на то, что журналы уделяют больше внимания базовой теории. Раздел «Художественный перевод» наблюдаем в 6 выпусках из сорока, что составляет 15%. Это намного меньше, чем раздел «Лингвокультурологические аспекты перевода», это указывает на то, что учебные интересы большинства учёных сосредоточены на лингвокультурологических переводах.

Спор между лингвистической и художественной парадигмами уже. Вне зависимости от того, какой перевод, литературный или прикладной, конечной целью переводной деятельности является осуществление культурного понимания средством языковых обменов. Кроме того, журнал также обращает внимание на подготовку кадров перевода, раздел «Дидактика перевода» присутствует в 9 выпусках, что составляет 22,5%.

2.2. Разделы перечней стабилизируются постепенно

Согласно хронометрической статистике разделы перечней публикаций в начале более подробны, а затем постепенно стабилизируются. Четвёртый номер 2009 года и второй и четвёртый номера 2012 года не разделили перечни. После основания журнал содержал 21 раздел, наименование разделов иногда изменялось. Согласно повторной частоте в табл. 1 можно судить о том, что основные разделы журнала постепенно фиксируются на 5–7 рубрик, что указывает на то, что цель журналов со временем становится более понятной. Главные разделы включают в себя такие: «Методы перевода», «Перевод с языка и перспективы культуры», «Общая теория перевода», «Хроника научной деятельности», «История перевода», «Терминологические вопросы», «Дидактика перевода» (см. табл. 1: расположены по частоте появления). С 2016 по 2017 год в журнале около 5 разделов.

Разделы «Книжная рецензия» и «Обзор» были разделены на две отдельные части (см. 08-2, 08-4, 09-1, 12-1, 12-2, 14-3, 15-1, 15-3), были и объединения в один двух разделов в таких журналах, как 12-3, 13-2, 16-1, 16-3, 16-4. «История переводов» и «преподавание перевода» также были объединены в один раздел, например в 09-1. В табл. 1 также показано, что частота появления следу-

ющих разделов: «Художественный перевод», «Рецензия и обзор книг», «Перевод и лингвистика», «Вопрос об устном переводе», «Критика перевода», «Языковое обучение» «Перевод и языковая политика» очень низка, это тесно связано с публикацией журнала и темой рукописи.

3. Изменение наименований разделов и статистика количества статей в разных подразделениях

Количество статей, опубликованных в разных разделах, также может отражать законы и тенденции развития журнала. Кроме того, мы обнаружили, что наименования разделов журнала изменялись и корректировались (см. табл. 2).

Таблица 2

Статистика изменения наименования разделов и количества публикаций (2008–2017 г.)

Год	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Итого
Количество статей каждого года	43	32	46	34	20	40	58	43	45	43	404
Лингвокультурологические аспекты перевода / лингвистические культурологические аспекты перевода / лингвистические и культурологические аспекты перевода и межъязыковой коммуникации	9	8	4	14	6	13	11	13	7	8	93
Методология перевода / теория методологии и дидактика перевода	4	8	8	6	1	6	11	10	12	13	79
Общая теория перевода	6	1	6	6	2	4	6	8	7	10	56
История перевода и переводческих учений / история перевода	3	3	10	6	3	2	2	1	1		31
Хроника научной жизни	7	3	2			2	3	2	5	1	25
Вопросы терминологии / терминология	3	3	1	1	2		2	3	6	6	27
Дидактика перевода / преподавание перевода за рубежом	4	3		1		3	6			3	20
Художественный перевод / теория художественного перевода	1		3			3	5	2			14
Рецензии	3	1			2		1	3			10
Перевод и лингвистика / теория перевода и лингвистика			3				3		2		10
Лингводидактика						6	2				8
Рецензии, обзоры / рецензии, рефераты, обзоры					2	1			4		7
А.П. Чехов в национальных культурах			6								6
Теория переводческой критики			2		2						4
Поэтика перевода							4				4
Памяти		2						1			4
Вопросы устного перевода	2										2
Перевод и языковая полилирика									1	1	2
Перевод в системе гуманитарного знания	1										1
Языки и культуры в современном мире			1								1

3.1. Наименование разделов становится более общим

Наименования разделов изменяется в зависимости от темы опубликованных статей, и постепенно становится всё более обобщённым и коротким. Например, в теме терминологии были разделы «Вопросы терминологии» и «Терминология», в теме языков и культурных переводов было два наименования разделов: «Лингвокультурологические аспекты перевода» и «Лингвистические и культурологические аспекты перевода и межъязыковой коммуникации». Наименование раздела «Общая теория перевода» является наиболее общим.

Конечно, были случаи регулирования наименования разделов по теме опубликованной статьи. Например, в первом номере 2013 года, выпущенном к пятилетнему юбилею журнала, вначале опубликованы поздравления от коллег, университетов, общественных деятелей. Научные статьи объединены в два раздела: «Теория, методология и дидактика перевода» и «Лингвистические и культурологические аспекты перевода». В разделе по методологии перевода, кроме непосредственно «Методология перевода», существуют также «Наука о переводе: теория и методология» и «Теория, методология и дидактика перевода», где публиковались статьи на разные темы. Раздел «История перевода» иногда объединялся с разделом «История перевода и переводческих учений».

Среди наименований разделов было наименование «Дидактика перевода», но был случай замены данного наименования на «Преподавание перевода за рубежом». У разделов, посвящённых художественному переводу, в соответствии с содержанием опубликованных статей имеется два наименования: «Художественный перевод» и «Теория художественного перевода». Разделы о переводе и языке включали наименования: «Перевод и лингвистика» и «Теория перевода и лингвистика». Также были «Художественный перевод» и «Теория художественного перевода», «Перевод и лингвистика» и «Теория перевода и языкознания», «Теория критического перевода» и «Перевод и критика». Просмотрев восемь номеров за 1916–17 годы, можно отметить, что разделов было всего около пяти, и наименования становились более точными и ясными, приобретали обобщающий характер: «Общая теория перевода», «Лингвистические и культурологические аспекты перевода», «Методология перевода», «Вопросы терминологии», «Хроника научной жизни».

3.2. Разработка публикации идёт в ногу с научными тенденциями в Китае и за рубежом, не отставая от текущих событий

В первую и пятую годовщину журнала был создан раздел «Поздравительная речь», были опубликованы поздравления от коллег по отрасли. За последние десять лет с момента создания журнала был опубликован 21 номер, включающий раздел «Хроники академических событий», и опубликовано 25 обзоров о конференциях в России и за рубежом, освещающие новейшие тенденции переводоведения. Был создан специальный раздел для публикации статей, представленных на конференциях. Например, во втором номере 2012 года были опубликованы 13 статей по результатам Международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода». В третьем выпуске 2013 года был раздел «Чехов в национальной культуре», где были опубликованы шесть статей.

Проект «Один пояс, один путь», инициированный Китаем с 2015 года, оказал глубокое воздействие на экономику и общество Китая и стран Шёлкового пути. Соответственно, возрастает потребность в большом числе квалифицированных переводчиков с лингвистической компетенцией русский язык — китайский язык, способных обеспечивать межъязыковую коммуникацию во всех сферах российско-китайского сотрудничества [Гарбовский, 2017]. Подготовка высококвалифицированных переводческих кадров в соответствии с этой инициативой также привлекла внимание учёных как в Китае, так и за рубежом. В четвёртом номере в 2016 году и первом выпуске 2017 года присутствует раздел «Перевод и языковая политика», в каждом номере опубликовано по одной статье.

5–8 мая 2017 года Академическая конференция по теории устного перевода и педагогической практике: проблемы и перспективы «Один пояс и один путь» проходила в городе Сиань. Этот профессиональный форум, организованный Китайской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, Шэньсийским педагогическим университетом и Высшей школой перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, где в течение нескольких дней участники конференции из 35 вузов, общественных организаций и государственных структур Китая, Монголии и России обсудили несколько актуальных вопросов.

В третьем номере 2017 года в Вестнике опубликовано 12 академических статей на тему «Переводоведение в Китае», среди авторов 8 из Китая. Во втором номере 2017 года были опубликованы три

статьи китайских авторов. Кроме того, также публиковались статьи зарубежных авторов, уделяя особое внимание развитию исследований перевода в других странах мира.

4. Особенности опубликованных статей

4.1. Статьи о теоретических и прикладных исследованиях: место и роль в журнале

Из расстановки разделов мы заметим, что «Журнал» обращает внимание не только на теоретические темы, например, «общая теория перевода», «терминология», «теория художественного перевода», «теория переводческой критики», «поэтика перевода», «история перевода», но и на прикладные исследования, например, «дидактика перевода», «преподавание перевода за рубежом», «лингводидактика», «переводческие учения». В «Журнале» за десять лет было опубликовано 404 статьи. По статистике разделов и публикаций, большинство исследований по теории перевода, и аспект исследований достаточно широк. В том числе 93 статьи о языке и культуре перевода, 56 статей об общей теории перевода, 25 статей об истории перевода, 27 статей о терминологии, 14 статей о художественной теории перевода, 10 статей о переводе и лингвистике, что соответствует цели основания «Журнала».

В 4 номере 2014 года был раздел «поэтика перевода», где было опубликовано 4 статьи, этот раздел появился единственный раз. Кроме того, среди исследований, посвящённых прикладным аспектам перевода: 79 статей о методах перевода, 20 статей о преподавании перевода, 14 статей, содержащих обзор, 10 статей о критике перевода, 8 статей об обучении языку.

Кроме того, «Журнал» уделяет большое внимание социокультурным аспектам перевода, проблемам отражения языковой картины мира, месту русского языка в многоязычном мире.

4.2. Журнал придерживается идеи «интернационализации»

В течение десяти лет Вестник придерживается идеи «интернационализации», сосредоточившись не только на исследованиях перевода в России, но и на результатах исследований зарубежных коллег. В разделах «общая теория перевода», «теория и методология перевода», «лингвистические и культурологические аспекты перевода», «терминология», «история перевода» и др. опубликованы статьи иностранных авторов. Большинство авторов 404 статей из

России, но «Журнал» всегда настаивал на том, чтобы принимать статьи иностранных учёных. По статистике можно увидеть, в 16 номерах была опубликована 31 статья китайских авторов, в 23 номерах опубликовали 38 статей, чьи авторы из других стран, что составляет около 17,1%. В третьем номере 2017 года были опубликованы статьи китайской конференции. Восемь из 12 опубликованных статей были написаны китайскими авторами. Как указано в первом редакционном номере 2008 года, «...наш журнал открыт не только для учёных Московского университета: мы хотели бы видеть на его страницах рассуждения об общей теории, истории, методологии, критике, дидактике и практическом переводческом опыте наших коллег из России и других стран, как признанных мастеров, известных всему миру, так и молодых учёных. Чем шире и разнообразнее будет палитра представленных в нём взглядов, тем чётче будет вырисовываться её объект-переводческая деятельность во всей своей вариативности. Надеемся, что наш журнал найдёт своих читателей».

Профессор Института русского языка имени А.С. Пушкина Ю.А. Вьюнов (2013 (1): 3), а в настоящее время профессор Высшей школы перевода МГУ, считает, что приверженность журнала лучшим традициям отечественной школы перевода, объединение теоретиков и практиков, лингвистов, переводчиков и культурологов, общественных деятелей, привлечение к работе в журнале известных авторов — всё это составляет характерные черты работы «Журнала».

5. Перспектива «Журнала» в будущем

«Журнал» является главным местом для опубликования трудов по исследованию переводоведения в России, вносит важный вклад в развитие русского переводоведения. В настоящее время ему десять лет, и в будущем его ждут большие перспективы. По взглядам китайских читателей и исследователей, для улучшения «Журнала» предлагаются нижеследующие советы.

Во-первых, определить конкретную и яркую цель публикаций. В начале создания журнала обычно определяются основные идеи и основные интересы публикаций, то есть цель журнала, которая указывает журналу сферу и сторону приёма статей. Хотя мы можем обобщать характеристики публикаций исходя из тематики статей, опубликованных в «Журнале», но, если мы сможем прояснить цель и идею публикации, которая будет напечатана на странице ката-

лога, получим возможность эффективно руководить читателями и авторами.

Во-вторых, можно было бы создать раздел «Динамика исследований переводоведения за рубежом», обратив внимание на развитие исследований перевода вне России, специализируясь на статьях зарубежных авторов или публикуя комментарии (рецензии) российских авторов по зарубежным теориям, ещё больше укрепить международное значение публикаций и выделить характеристики интернационализации «Журнала».

В-третьих, можно выделить раздел «Местная и внерегиональная инновационная теория перевода и дисциплина», поощрять инновационные дисциплины и теории перевода, а также подводить итоги и выявлять тенденции развития как в России, так и за рубежом. Раздел также может быть местом публикации передовых статей с важных конференций.

В-четвёртых, можно время от времени приглашать известных учёных и специалистов из разных стран, писать статьи по горячим темам, или работать ведущим раздела, публикуя труды своих коллег, чтобы подчеркнуть ведущую роль «Журнала» среди переводоведения России.

Список литературы

Гарбовский Н.К. От главного редактора. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2008. № 1. С. 4.

Гарбовский Н.К. Устный перевод в глобальном мире: теория, практика, дидактика. Опыт российской школы. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2017. № 3. С. 6.

Вьюнов Ю.А. Поздравления от коллег, университетов, общественных организаций Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2013. № 1. С. 3.

Gu Jun-ling,

Dr. Sc. (Philology), Lecturer at Zhengzhou University, China;
e-mail: 852600325@qq.com

**A REVIEW OF THE 10TH ANNIVERSARY
OF VESTNIK MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA. SERIA 22.
TEORIA PEREVODA: FEATURES AND PROSPECTS**

The article is a detailed analysis of the column setting of *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22. Teoria perevoda* (2008–2017). Through both quantitative and qualitative analyses, the overall characteristics as well as the development and changes in the journal over the past ten years have been presented. A possible explanation has been proposed by linking the changes with the historical context of Russian society. By analyzing and summarizing the achievements of the journal, suggestions have also been made regarding its future development.

Key words: Vestnik Moskovskogo universiteta, translation volume, column setting, review, prospects.

Reference

Garbovskij N.K. Ot glavnogo redaktora [Editor-in-Chief's Foreword]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2008. No. 1, pp. 4 (In Russian).

Garbovskij N.K. Ustnyj perevod v global'nom mire: teoriya, praktika, didaktika [Interpreting in the Globalized World: Theory, Praxis, Didactics]. *Opyt rossijskoj shkoly. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2017. No. 3, pp. 6 (In Russian).

Vyunov Y.A. Pozdravleniya ot kolleg, universitetov, obshchestvennykh organizacij [Congratulations from Colleagues, Universities and Organizations] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2013. No. 1, pp. 3 (In Russian).

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Гу Хонфэй,

доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков и культуры Сямэньского университета КНР;
e-mail: hongfeigu@126.com

ОБ УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ НА ОСНОВЕ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА

Интенциональность — один из основных признаков современного текста. На качество устного перевода влияет то, как переводчик понимает интенциональность в оригинале и как передаёт намерение говорящего с учётом исходной интенциональности. Интенциональность текста открывает новые перспективы для исследований устного перевода и практики устного перевода. В данной статье в качестве примера мы приведём перевод «Выступления председателя КНР Си Цзиньпина на неофициальной встрече лидеров БРИКС в городе Ханчжоу в 2016 году», чтобы объяснить причины классификации интенциональности и их употребление в тексте, проанализировать и сравнить интенциональность исходного и переводного текстов, рассмотреть главенствующую роль интенциональности текста в устном переводе на основе интенциональности текста. В результате по типам интенциональности обобщаются средства и методы выражения интенциональности при устном переводе для повышения эффективности устного перевода, совершенствования и улучшения способов обучения устному переводу.

Ключевые слова: интенциональность текста, устный перевод с китайского языка на русский, средства выражения интенциональности.

Центральным понятием лингвистики является понятие «текст». Это целая речь, состоящая из последовательных сегментов или предложений. Тем более эти сегменты и предложения, соединяясь по смыслу и значению, имеют единство формы и семантики, и передают всю информацию. Текст представляет собой основную единицу перевода и коммуникативную единицу, обладая внутренней организованной последовательностью отрезков письменной работы или звучащей речи. Речевая коммуникация обычно появляется в виде текста. А устный перевод является сложным видом межкультурной коммуникативно-речевой деятельности. При устном

переводе говорящий исходного языка начинает общение в устной форме, а переводчик на родном языке адресатов преобразует текст на основе понимания оригинальных статей и устно транслирует обеим сторонам коммуникации услышанную информацию в виде текста, чтобы люди, говорящие на разных языках, поняли друг друга.

Это показывает, что коммуникативная цель речи связывает деятельность по устному переводу с текстом. Понимание переводчиком исходного текста напрямую влияет на качество устного перевода, т.е. анализ текста ограничивает весь процесс устного перевода. Изучение текста может дать переводчикам более глубокое понимание текста в устной форме в теоретическом аспекте и решить ключевые проблемы устного перевода. Это помогает переводчику более точно и быстро переводить исходный текст.

1. Интенциональность текста и деятельность по устному переводу

Учёные Robert-Alain de Beaugrande и Wolfgang U. Dressler считают, что текст как коммуникативная деятельность должен иметь семь критериев: когезия (cohesion), когерентность (coherence), интенциональность (intentionality), воспринимаемость (acceptability), информативность (informativity), ситуативность (situationality) и интертекстуальность (intertextuality) [Beaugrande, Dressler, 1981: 3–11]. Среди них поверхностная когезия и внутренняя когерентность текста являются наиболее очевидными критериями текста. Однако в дальнейших исследованиях текста Beaugrande и Dressler обнаружили, что когезия и когерентность не определяют разницу между текстом и не-текстом. Чтобы восполнить пробелы в определении текста в отношении когезии и когерентности, Beaugrande и Dressler ввели концепцию «интенциональность» в критерии оценки текста.

Иногда текст, сформулированный автором из разных соображений, не имеет очевидной когезии и когерентности, например, «Вот, смотри! Надо мной ты смеёшься?». Когезия и когерентность в этих двух предложениях не очевидны, но мы всё ещё можем понять, что хочет выразить оратор: оратор нашёл удивительную вещь, и хочет, чтобы его компаньон её увидел, но когда он повернулся, то обнаружил, что его компаньон смеётся над ним, а затем оратор выразил свои сомнения.

Интенциональность состоит в том, что оратор выразил свою цель через последовательное языковое выражение в контексте, чтобы заставить слушателей и (или) читателей создать определённую психологическую или оперативную реакцию. Только тогда, когда слушатели и (или) читатели поймут намерения говорящего, они

смогут правильно интерпретировать выражение другой стороны в устной или письменной формах, создать разумную реакцию, и в конечном итоге достичь цели общения. Интенциональность текста сосредоточена не на текстовых фразах, а на обеих сторонах текстовой коммуникации. Можно сказать, что интенциональность текста является одной из характеристик, которые занимают важное место в текстовых стандартах. Некоторые учёные даже считают, что интенциональность занимает центральное место среди семи критериев текста, а когезия, и когерентность, и воспринимаемость, и информативность, и ситуативность, и интертекстуальность текста служат интенциональности.

Устный перевод — это коммуникационная деятельность. В отличие от письменного перевода, устный перевод имеет мгновенный характер, который требует, чтобы переводчик переводил исходный текст за очень короткий промежуток времени, поэтому устный перевод не преследует красоту и элегантность перевода; точность, грамотность, логичность и скорость являются основными стандартами устного перевода. Среди них наиболее важное значение имеет точность устного перевода, а грамотность, логичность и скорость основаны на точности. Точность требует, чтобы переводчик правильно понял намерение говорящего и ясно выразил его. Процесс устного перевода включает четыре аспекта: понимание и восприятие речи на слух, запоминание, концептуализация и выражение. Понимание и восприятие речи на слух означает, что переводчик полностью понимает содержание речи носителя исходного языка, в том числе поверхностное значение и значение вне текста, то есть намерение говорящего. В речевой коммуникации люди не заинтересованы в самом языке (словообразование, грамматика, синтаксис и др.), вместо этого они хотят получить информацию, идеи и намерения, выраженные другой стороной коммуникации. Выдающийся американский лингвист-дескриптивист Юджин Альберт Найда говорит о том, что в любом языке существует набор своеобразных способов выражения, а разные языки имеют одинаковую выразительность. Итак, стратегии перевода должны основываться на функциях, а не на формальной эквивалентности [Nida, 2004: 159]. Эквивалентность минимальной функции, которую может достичь переводчик — это познание того, что выражает оратор текста-источника (т. е. — Что имеет в виду другая сторона? О чём идёт речь?). А самая большая функция — это сообщение аудитории о потенциальной глубокой аллегории исходного текста, то есть исходный текст показывает внутренние потенциальные намерения говорящего, рассуждения и мнения о вещах и явлениях через свой тон и формулировку [Nida,

1993: 118]. Переводчик может сделать перевод таким же, как исходный текст, только если слушатели поймут намерения оратора исходного языка, то есть достичь так называемой динамической эквивалентности. В таком случае деятельность по устному переводу считается успешной, потому что она выполнила коммуникативную цель обеих сторон.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что устный перевод начинается с определения намерения выступающего на языке источника и заканчивается с целью максимальной передачи его намерения.

2. Переводческий анализ в устном переводе с китайского языка на русский на основе интенциональности текста

Публичное выступление, совершённое из-за потребностей какого-то политического движения или социальной деятельности, выполняется в устной форме, является одной из важных форм текста и имеет сильную социальную коммуникацию. Речь выступления обычно точна, стандартизирована, имеет характеристики передачи информации, разъяснения точек зрения и выражения эмоций. Чтобы достичь практических целей и потребностей социальной деятельности, оратор пытается произвести впечатление на аудиторию художественным воздействием, богатством языка, больше используются фразеологизмы и идиомы и др., часто применяются соответствующие риторические методы, чтобы сделать речь громкой, благозвучной, красивым тоном. Такие риторические методы и поэтические слова, которые делают язык более красивым, добавляют блеск речи, но становятся трудностями для устного перевода.

Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на неофициальной встрече лидеров БРИКС в городе Ханчжоу в 2016 году является типичным речевым текстом. В нём сжатая композиция, изысканное употребление слов, имеющих собственные языковые особенности Си Цзиньпина, при этом не теряются типичные особенности речевого текста. Интеграция поэтических идиом в речь выступления заставила аудиторию почувствовать как красоту китайского языка, так и понять важность укрепления сотрудничества между странами БРИКС из текста. С этой целью в данной статье намерение автора, выраженное в речи, используется в качестве критерия классификации, чтобы разделить интенциональность текста на: интенциональность с характером повествования и описания; интенциональность с характером разъяснения и качественного определения; интенциональность с характером эмоции и отношения.

2.1. Интенциональность с характером повествования и описания

Данная интенциональность сосредоточена на описании, повествовании и рассуждении. В предложениях часто содержатся богатые эпитеты, используемые для описания вещей, среди них немало идиом.

Пример 1: 杭州素有“人间天堂”美誉，楚楚西湖，巍巍钱塘，吸引了无数中外游客。

Перевод: Ханчжоу всегда называется как рай на земле, очаровательное озеро Сиху, великолепная река Чиатан, как магнит привлекает миллионов китайских и зарубежных туристов. (Правильный перевод: Ханчжоу всегда назывался «рай на земле», очаровательное озеро Сиху, великолепная река Чиатан, как магнит привлекают миллионы китайских и зарубежных туристов.).

Пример 1 относится к описательно-повествовательное описательному предложению. В этом предложении 2 словосочетания “楚楚西湖，巍巍钱塘” являются трудностями перевода. В китайском языке оба они имеют риторические особенности китайских сложных слов и характеристику полуфразеологизаций, не существующих в русском языке. Из-за того, что деятельность устного переводчика ограничена по времени, он должен уделить своё внимание тому, чтобы отбросить внешнюю форму языка и уловить намерение говорящего. Смысл этого предложения состоит в восхвалении красивых пейзажей города Ханчжоу. При устном переводе переводчик непосредственно захватил описание пейзажа озера Сиху в исходном тексте, чётко выразил намерение говорящего, преодолев трудности перевода идиом, в частности, словосочетание “楚楚” было переведено как «очаровательное», а 巍巍 — «великолепная». Такой перевод прост, точен и понятен.

Пример 2: 杭州既有千年古都的历史气韵、钟灵毓秀的自然风光，也有锐意进取的创新活力、海纳百川的开放胸怀。

Перевод: Ханчжоу с тысячелетней историей, чудесный природы и с красотой, мощными инновационными силами и широкой душой. (Правильный перевод: Ханчжоу с тысячелетней историей, чудесной природой и с красотой, мощными инновационными силами и широкой душой).

Трудности перевода в этом предложении — это четырёхсимвольные идиомы. Говорящий намерен похвалить Ханчжоу и представить его с точки зрения истории, пейзажа и городского духа. Переводчик перевёл словосочетание “千年古都的历史气韵” как «с тысячелетней историей», “钟灵毓秀的自然风光” как «чудесной природой и с красо-

той». При переводе двух словосочетаний «锐意进取的创新活力、海纳百川的开放胸怀» переводчик опустил некоторые эпитеты в этих словосочетаниях, используя метод интерпретации, перевёл их как «мощные инновационные силы и широкая душа». Хотя намерения говорящего в основном были переданы, но выражения были скучными и потеряли размах, великолепие и грандиозность, которые оратор хотел выразить.

На основании вышеизложенного получается, что трудностями перевода предложений с интенциональностью с характером повествования и описания часто являются идиомы, стихи, недомолвки с последующим раскрытием национальных особенностей. При письменном переводе таких предложений переводчик не только должен перевести содержание оригинального текста, но и продемонстрировать риторический эффект в тексте и художественную выразительность в словах. Устный перевод — это переводческая деятельность на месте с мгновенными характеристиками. При преобразовании языка время мышления ограничено, обработка переводчиком информации об исходном тексте должна быть завершена мгновенно, поэтому при устном переводе основное внимание переводчика следует уделять выражению намерения говорящего, выбирая слова, соответствующие намерениям оратора — комплименты, уничижительные или нейтральные слова, чтобы выразить его точку зрения.

2.2. Интенциональность с характером разъяснения и качественного определения

Модель предложения с интенциональностью с характером разъяснения и качественного определения часто представляется как «Что является чем?». Подобные изъяснительные предложения являются предложениями с характеристикой описания и повествования, не имеющими эмоционально-экспрессивной окраски. Они обычно имеют явную окраску рассуждения и очень распространены в выступлении. Эти предложения характеризуются большим количеством определений и обстоятельств, и являются более длинными сложными предложениями. Намерение этих предложений заключается только в описании фактов и изложении ситуации. Поскольку каждое, сказанное автором текста слово, и (или) каждое выражение были подобраны автором, поэтому каждое слово и (или) каждое выражение в предложении имеют своё место, своё значение и свою незаменимую роль, и важность.

Пример 3: 新兴市场国家和发展中国家群体性崛起, 是当代国际关系中意义最为深远的变化之一。金砖国家是新兴市场国家和发展中国家的领头羊, 也是二十国集团重要成员。

Перевод: Совместный подъём стран с формирующимися рынками и развивающихся стран, пожалуй, — одна из глубоко значимых перемен в современном мире. Страны БРИКС — командир этого процесса и в то же время весомые члены группы 20. (Правильный перевод: Совместный подъём стран с формирующимися рынками и развивающихся стран, пожалуй, — одна из глубоко значимых перемен в современном мире. Страны БРИКС — лидеры этого процесса и в то же время весомые члены Большой двадцатки).

В примере 3 употребляет много выражений, как “新兴市场国家”、“发展中国家”、“崛起”、“变化”、“金砖国家”、“重要成员”、“二十国集团”. Эти термины или выражения в русском языке устойчивые. При устном переводе не нужно использовать никакой стратегии перевода. Поскольку подобные предложения не имеют эмоциональной окраски. Эти предложения просто принимают объективное суждение об установленных фактах, поэтому содержание этих предложений является намерением автора. Перевод таких предложений требует того, чтобы переводчик во время повседневной работы активно копил различные профессиональные термины и устойчивые выражения.

2.3. Интенциональность с характером эмоции и отношения

В речи председателя Си Цзиньпина есть ещё один тип вводных предложений, таких как “很高兴同大家相聚在杭州西子湖畔。”，“我期待着今天的非正式会晤取得丰硕成果。” В этих предложениях, содержащих “很高兴” (очень рад...), “很期待” (очень надеюсь...), “我相信” (я верю...) и др., выражаются эмоции, отношение и психологическое состояние говорящего. Структуру предложения можно разделить на эмоцию, отношение и денотат, среди них 高兴 (радоваться), 期盼 (надеяться), 相信 (верить) и другие подобные выражения относятся к категории эмоций и отношения, а денотат этих слов (радость, надежда и др.) говорят о том, что страны БРИКС собираются, встречаются и строят платформу сотрудничества БРИКС. Эмоциональные изменения у оратора исходного текста тесно связаны с его психологической деятельностью, и эта психологическая деятельность имеет определённую цель. Допустим, основным намерением говорящего является выражение эмоции и отношения, тогда денотат эмоции и отношения тоже относится к главному содержанию в предложении.

Пример 4: 同时我也要欢迎特梅尔总统加入金砖国家合作的大家庭, 并祝贺巴西举办了一届成功精彩的奥运会。

Перевод: Также хочу поприветствовать президента Темера как новый член большой семьи БРИКС, и поздравить Бразилию с успешной организацией Олимпийских игр. (Правильный перевод: Также хочу поприветствовать президента Темера, как нового члена большой семьи БРИКС, и поздравить Бразилию с успешной организацией Олимпийских игр.)

Трудности этого предложения заключается в следующем: «приветствовать» (эмоция, отношение) + «президента Темера, как нового члена стран БРИКС» (денотат), и также «поздравить» + «Бразилию с успешной организацией Олимпийских игр» (денотат).

Пример 5: 很高兴同大家相聚在杭州西子湖畔。

Перевод: Очень рад возможности встретиться с Вами в городе Ханчжоу на берегу озера Сиху.

Трудности в переводе этого предложения заключаются в следующем: «очень рад...» (эмоция, отношение) + «мы встретимся» (денотат). Переводчик может передать намерение говорящего, просто переведя эти два ключевых слова. Если в переводе только содержатся эмоция (рад) и денотат (встретиться с Вами), ни перевод “西子湖畔” на «в городе Ханчжоу», ни перевод “西子湖畔” на «на берегу озера Сиху» не влияет на передачу намерения говорящего. Такие предложения являются классическими предложениями, которые появляются в выступлении и имеют устойчивое выражение: субъект (я, мы, разрешите мне представить...); эмоция, отношение (добро пожаловать, очень рад, поздравить, верить...); денотат (приехать, встретиться, мероприятия удачно организованы...). Намерение таких предложений заключается в отношении автора к денотату, поэтому при устном переводе основное внимание следует уделять ключевым словам и денотату, отражающим отношение автора.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: каждая категория интенциональности текста имеет свои собственные характеристики в модели предложений и акценты в переводе. При устном переводе переводчики должны принципиально сосредоточиться на передаче намерений исходного текста. Для совершения этой деятельности переводчик должен переработать источник-текст, акцентируя внимание на главной мысли, эпитеты, которые не отражают главную мысль, могут быть выражены кратко.

3. Заключение

Интенциональность текста сосредоточена не на самом тексте, а на обеих сторонах коммуникации. При изучении интенциональности текста подчеркнута передача намерений обеих сторон коммуникации. Переводчику, передавая информацию исходного текста,

необходимо также передать намерение источника-говорящего. Чтобы полностью отразить намерение говорящего в переводе, при устном переводе переводчик может нарушить стиль речи, упустив идиомы и другие непередаваемые слова исходного текста.

Список литературы

Beaugrande R.D., Dressler W. Introduction to Text Linguistics [M]. London: Longman, 1981.

Nida E.A. Toward a Science of Translation [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004.

Nida E.A. Language, Culture and Translating [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 1993.

Wilss W. The science of Translation — Problem and methods [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001.

Gu Hong-fei.

Dr. Sc. (Philology), Professor at the College of Foreign Languages and Cultures, Xiamen University, China; e-mail: hongfeigu@126.com

AN ANALYSIS OF CHINESE-RUSSIAN INTERPRETING BASED ON THE INTENTIONALITY OF DISCOURSE

Intentionality is one of the most important features of discourse. The way interpreting conveys the speaker's intention directly affects the results of communication. The intentionality of discourse has shed new light on interpreting research and practice. Using the interpreting notes of Chinese President Xi's speech at the 2016 Hangzhou BRICS Summit as analytical material, the author of this article summarizes various interpreting methods based on different intentions and provides relevant strategies to help interpreters do their job well.

Key words: intentionality, Chinese-Russian interpreting, expressing intentionality.

Reference

Beaugrande R.D., Dressler W. Introduction to Text Linguistics [M]. London: Longman, 1981.

Nida E.A. Toward a Science of Translation [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004.

Nida E.A. Language, Culture and Translating [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 1993.

Wilss W. The science of Translation — Problem and methods [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Цю Ши,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: qs8610@126.com

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ «ЧЁРНЫЙ МОНАХ» А.П. ЧЕХОВА В КИТАЕ В XX ВЕКЕ

Статья посвящена изучению разновременных переводов повести А.П. Чехова «Чёрный монах» в Китае. Первое знакомство китайских читателей с переводами русской литературы состоялось в самом начале XX в., и примерно в это же время появились первые публикации произведений Чехова на китайском языке, в частности «Чёрный монах» считается первым переводом произведений Чехова. Рассматриваются особенности переводов в разных периодах XX века.

Ключевые слова: Чехов, художественный перевод, вэньянь и байхуа, опосредованный перевод.

Произведения А.П. Чехова проникли в Китай в начале XX века благодаря интересу к русской литературе и тому, что творчество Чехова отвечало идейным исканиям социума, было созвучно чаяниям китайского народа. XX век для Китая был очень тяжёлым и нестабильным периодом, стране неоднократно приходилось сражаться за свою независимость, поэтому китайский народ, обладая повышенным чувством социальной ответственности, принимал иностранные произведения с надеждой и ожиданием, стремясь найти в них ответы на злободневные проблемы. Художественный стиль и творческие мотивы Чехова были близки эстетическим представлениям китайцев. Та же тенденция наблюдалась, например, и в Японии [см. Гуревич, 2010: 166]. В то же время, специфичность китайской культуры, формировавшейся в течение столетий в обособленной среде, и стремление *освоить* плоды иного культурного ареала, естественным образом привели к тому, что чеховские произведения в переводе подвергались определённым изменениям. Такая стратегия «адаптирующего» перевода существует в Китае ещё со времён первого периода распространения буддийских учений в на-

чале прошлого тысячелетия. [Костикова, Шуи, 2012: 37]. С другой стороны, на протяжении XX века менялись и сами подходы к переводу согласно национальной логике развития.

В начале XX века большинство переводчиков в Китае владели в основном английским и японским языками, поэтому при переводе произведений с других языков им приходилось опираться на английскую или японскую версию таких произведений. Такое явление, как перевод с языка-посредника или опосредованный перевод, не могло не сказаться на качестве перевода на китайский язык: в переведённом тексте невозможно было избежать следов английских и японских версий, выполнявших роль посредников для перевода на китайский язык. Тем самым в китайском переводе в той или иной степени проявлялось влияние английской или японской культуры. Такое влияние включало много аспектов, например, выбор тем, методы перевода, осмысление содержания произведения и т.д. [Ян Фэнминь, 1930: 10].

Первым чеховским произведением, переведённым на китайский язык, стал «Чёрный монах» (黑衣教士). Издательство «Шаньбу» выпустило книгу в 1907 году, переизданную затем в 1913 году. Перевод был выполнен У Тао на основе японского варианта. Однако вполне может быть, что этот японский вариант также в свою очередь был сделан с языка-посредника — одного из западноевропейских языков (скорее всего, английского) [Гуревич, 2010: 166].

Важно отметить и то, что начало XX века в Китае стало переломным моментом для литературного языка: осуществлялся переход китайского с вэньяня (文言文 — литературного языка древнего Китая) на байхуа (白话文 — современный китайский язык). Перевод У Тао в основном выполнен на байхуа, однако в нём были использованы отдельные элементы, характерные для стилистики вэньяня.

Таким образом, путь читателей к оригинальному тексту Чехова шёл через тройственный языковой барьер — английский, японский и собственно китайский (имеется в виду барьер в переходе с вэньяня на байхуа).

Отметим, что ещё долгое время китайские переводчики не смогут переводить напрямую с русского языка и будут обращаться к языкам-посредникам (японскому, английскому и немецкому). Опосредованный перевод увеличивал вероятность появления ошибок и неточностей. Исследователь распространения творческого наследия Чехова в Китае Е.А. Серебряков приводит два ярких примера искажений содержания чеховского текста. Первый связан с асимметрией системы личного имени в русском и китайском языке. Так, на первой странице перевода «Чёрного монаха» имя и отчество

(не свойственное для системы китайских антропонимов) персонажа Андрей Васильевич превратились в его фамилию, а фамилия Коврин оказалась именем. Далее, учёная степень героя — «магистр» в китайском переводе воспринимается как название местности, где он жил. Эти искажения, по мнению Серебрякова, свидетельствуют о некоторой адаптации текста, поскольку рассказ приобрёл зачин, привычный для китайской традиционной прозы эпохи династии Тан, например, где наряду с именем и фамилией героя всегда назывался его родной уезд. Второй пример — добавление переводчика, продиктованное этическими соображениями. Исследователь предполагает, что китайский читатель в то время мог не одобрить действий женщины, описанных Чеховым следующим образом: «Кстати же пришло длинное письмо от Тани Песоцкой, которая просила его приехать в Борисовку и погостить», поэтому в переводе уточняется: «чтобы пожить вместе с её отцом» [Серебряков, 2005: 6].

Отношение к Чехову и восприятие его произведений академическими кругами Японии сильно повлияли на У Тао. В версии «Чёрного монаха» июльского издания «Коротких рассказов» в 1907 году издательства “Commercial Press” У Тао цитирует переведённое им с японского послесловие японского переводчика, где он в частности затронул чеховские «лаконичность и остроту, желание описывать недостатки мира людей, мысли о том, что такой мир людей невозможно спасти, невозможно сделать лучше, поэтому остаётся только наблюдать за обществом со стороны холодным непричастным взглядом» [У Тао, 1907: 87].

Можно заметить, что восприятие Чехова для У Тао базируется на переводе японского переводчика, который особенно внимательно относился к чеховскому стилю «беспристрастного и холодного повествователя».

Когда У Тао переводил «Чёрного монаха», переводная литература в Китае уже получила определённую степень развития, читатели стали «всё более радушно принимать переведённую литературу». Однако это приятие имело одну важную особенность: переводы должны были адаптироваться к традиционной национальной литературной традиции.

У Тао очень старался приблизиться в своих переводах к читателю, поэтому переводил с японского, стараясь передать содержимое в максимально простой и привычной для читателя манере.

Следующая волна интереса к «Чёрному монаху» прослеживается в Китае в 30-е годы. В 1929 году в сборнике «Рассказ художника» (так было переведено название рассказа «Дом с мезонином»), публикуется перевод этого рассказа, на этот раз с английского языка. Сборник

подготовил Се Цзыдунь. В него вошло всего пять рассказов, и все пять были переведены с английского языка.

Через год в 1930 г. в издательстве «Каймин» («开明») вышел новый перевод произведения «Чёрный монах» (黑衣僧), включённого в восьмитомный «Сборник лучших рассказов Чехова» (том 3). Это была масштабная переводческая работа Чжао Цзиншэня (赵景深), ставшая важной вехой в истории переводов Чехова на китайский язык. Перевод был выполнен с английского языка, стратегия переводчика — близкая принципам У Тао — была ориентирована главным образом на то, чтобы сделать текст доступным для китайского читателя. Об этом Чжао Цзиншэнь написал год спустя в своей статье «О переводе». По мнению переводчика, наличие ошибок в переводе не так важно, как качество языка, на котором выполнен перевод. Сравнивая провозглашаемые Чжао Цзиншэнем принципы перевода с традициями, описанными в западной науке о переводе со времён Гёте и Шлейермахера и зафиксированные в современной теории перевода в терминах «доместикации» (или одомашнивания) и «форенизации» (очужения) [Venuti, 1995: 20], можно смело утверждать, что китайский переводчик Чехова придерживается первого принципа, то есть доместикации. Он пишет, что переводная книга должна ориентироваться на читателя. А критерий «доступности» (达/да), таким образом, превалирует над двумя другими критериями — «верность» (信/синь) и «изящество» (雅/я), о которых писал в XIX в. Янь Фу, но которые он ранжировал в другом порядке: «верность», «доступность», «изящество» (信/синь/да/да/雅/я — «достоверность», «норма», «стиль» в терминологии Ван Мэняо) [Лу Синь, 1932: 334; Ван Мэняо, 2014: 46–47; Серебряков, 2005: 11–12]. Отметим, что стратегия Чжао Цзиншэня порицалась его современниками — видными литераторами и переводчиками Цюй Цюбо и Лу Сином.

Новая волна изданий «Чёрного монаха» наступает в середине столетия. В 1952 году был опубликован в виде книги третий перевод повести, выполненный Мэй Си. Книга содержит параллельные тексты на китайском и русском языках. Прочитав перевод Мэй Си в сопоставлении с оригиналом, очевидно, что Мэй Си стремится к единству формы и содержания в передаче оригинала. Переводчик старательно придерживается стандартов функционального подобия оригиналу, осуществляет тщательный поиск замен, в том числе и стилистических, в китайском языке.

По-настоящему познакомил китайского читателя с Чеховым Жу Лун (汝龙). С 1950 по 1958 год в переводах Жу Луна было издано 27 томов избранных произведений Чехова, куда вошло 220 рас-

сказов и повестей. Как подчёркивает Гэ Баоцюань, «по сравнению с “Собранием лучших рассказов Чехова”, изданным в 1930 г., это издание было дальнейшим шагом вперёд, и дало нам возможность познакомиться с ещё большим числом чеховских произведений» [Гэ Баоцюань, 1960: 86].

Переводы Жу Луна были сделаны с английского перевода, и чтобы приблизить перевод к оригиналу и прочувствовать стиль Чехова, а также тон его произведений, Жу Лун самостоятельно изучал русский язык.

Начиная с 1975 года, Жу Лун приступил к проверке переводов собраний сочинений Чехова, некоторые переводы он нашёл неудовлетворительными и перевёл их заново, при этом ориентируясь на переводы на английском языке, он от начала до конца осуществил корректировку текстов. В 1980 году благодаря горячей помощи Ба Цзиня Жу Лун подготовил к изданию переводы для первого тома «Собрания сочинений Чехова», который был опубликован Шанхайским издательством переводной литературы. К 1995 году все 10 томов «Собрания сочинений Чехова» полностью были изданы [Ван Пэйюань, 2013: 34].

Перевод «Чёрного монаха» (黑修士) включён в эти тома и знаменует собой четвёртую волну.

Вслед за Жу Луном над переводом «Чёрного монаха» трудились и другие переводчики. В 1982 году — Ли Хэлин, Ян Нань, Ян Яньсун и Инь Шуцу, а в 2015 — году Лю Иньмэй и Лю Кэйхуа. В течение ста лет «Чёрный монах» был неоднократно переведён разными переводчиками, переводы включались в сборники и выходили отдельными изданиями. Поскольку «...всякий новый перевод — довольно рискованное предприятие, ставящее переводчика, нередко помимо его желания, в положение соперника по отношению к предшественникам» [Гарбовский; 2011: 3], можно сказать, что китайские переводчики в какой-то мере состязались друг с другом, в стремлении увидеть, понять и передать подлинного Чехова. Очевидно они преуспели в этом, ведь как отмечал Га Баоцюнь ещё в 60-е годы, «С начала XX в., когда произведения Чехова были переведены на китайский язык, до сегодняшнего дня его проза и драматургия любимы нашими читателями». Однако сегодня перед переводчиками стоит новая задача — раскрыть китайскому читателю своеобразие языка писателя, богатство изобразительных и выразительных средств. Возможно наступает такой момент истории перевода Чеховского наследия, когда три принципа — «верность», «доступность» и «изящество» не будут оспаривать своё первенство в переводе на китайский язык, но будут гармонично сочетаться и позволят «...раскрыть эстетическое

значение наследия русского писателя, сделать доступными многоплановость и сложность содержания произведений, присущий им подтекст, тонкий психологизм и юмор» [Серебряков, 2005: 46].

«Повторный перевод, — писал Лу Синь, — подразумевает не только отказ от вольного перевода, но и является необходимым для уже хорошо переведённых текстов... Пусть даже появившийся раньше перевод на байхуа заслужил признание, но если переводчики считают, что можно перевести ещё лучше, тогда не мешает перевести ещё раз. Не нужно скромничать и уж тем более не нужно обращать внимания на всякие лишённые смысла разглагольствования. Пользуясь преимуществами «старых переводов» и нашими новыми достижениями, можно успешно создать близкий к совершенству аутентичный текст. Из-за того, что язык меняется вместе с развитием общества, будут появляться и новые повторные переводы, и не будет ничего удивительного, если их количество достигнет семи или восьми» [Лу Синь; 1935].

Сопоставительный анализ переводов отдельных отрывков разных вариантов «Чёрного монаха» в разные периоды показывает разницу в избираемых переводчиками методах.

Разберём первый пример:

Оригинал: «— Вот, Андрюша, почитайте статьи отца, — сказала она, подавая ему пачку брошюр и оттисков. — Прекрасные статьи. Он отлично пишет.»

Перевод 1:

不一刻, 丹霞踱了进来说道, 那个, 柯林哥哥, 你瞧我父亲写下来的东西, 当真好咧, 没一个不要称赞的。[У Тао, 1907: 25]

Перевод 2:

——噢, 安德楼夏, 请您看看我父亲的论文, ——她说时就交给他一小包册子和校样。——这些都是极有意思的论文, 他写得好极了。[Мэй Си, 1952: 29]

Перевод 3:

“喏, 安德留沙, 您看看我父亲的论文吧,” 她递给他一叠小册子和校样, 说。“出色的论文。他写得好极了。” [Жу Лун, 1980: 28]

Обратим внимание на то, что в трёх переводах Таня называет Коврина «Андрюша». Н.К. Гарбовский справедливо отмечает, что имена собственные «несмотря на внешнюю простоту, нередко заставляют переводчиков задуматься над тем, какой выбрать эквивалент для их передачи на языке перевода» [Гарбовский, 2007: 469]. Кажущаяся простота имени «Андрюша» — поверхностная и переводчики по-разному вводят это имя в текст. В переводах Мэй Си и Жу Луна непосредственно дана транскрипция ласкового обращения к Андрею — «Андрюша». Читателям, которые недоста-

точно хорошо знают исходный текст и не совсем глубоко понимают русскую культуру, постоянно приходится догадываться о происходящих изменениях в обращении к главному герою. Для них Андрей и Андрюша могут представляться двумя разными персонажами. Кроме того, транскрипция не способна передать перемену чувств главной героини к главному герою. Ведь «Андрюша» — это ласковое обращение к человеку, в котором передаётся и нежность, и любовь, и близость. В переводе Жу Луна при первом появлении «Андрюша» после него в скобках стоит пояснение «это ласковое обращение к Андрею». У Тао перевёл обращение «Андрюша» как «Коврин старший брат». Такой выбор не делает перевод ошибочным, так как в китайском языке одна из функций при использовании обращения «старший брат» — уменьшительно-ласкательная. Таким образом, три переводчика используют три разных способа передачи имени собственного: 1) транскрипция; 2) транскрипция + комментарий; 3) функциональная замена имени собственного именем нарицательным для передачи прагматического эффекта.

В оригинале повести Коврин пытается разобраться, что за песню разучивали Таня Песоцкая с его гостьей, и наконец он понимает: «девушка, больная воображением, слышала ночью в саду какие-то таинственные звуки, до такой степени прекрасные и странные, что должна была признать их гармонией священной, которая нам, смертным, непонятна и потому обратно улетает в небеса». В разных переводах была переведена по-разному, в частности в переде У Тао.

Перевод 1:

—美人兮，想像忽更兮，灿烂之花园兮，忽听悠扬奥妙之音声兮。音声之美妙，音律之精微，非世人所能端倪兮。彼美人兮，神往悠然兮，言此音声飞回天上，不落人间兮。[У Тао, 1907: 18]

Перевод 2:

一个姑娘充满了凌乱的幻想，有一天晚上在她的花园里听见神秘的声音，非常奇怪而且可爱，她便相信这声音是神圣的和谐，是我们人类难于了解的，因此飞升到天上去了。[Чжао Цзиншэнь, 1930: 11]

Перевод 3:

原来有个姑娘凭着病态的想象，一天晚上在花园里听到某种神秘的声音，它非常美妙，奇特，使人只能认为这是神圣的和声，总之，我们凡人听不懂，因此它飞回天上去了。[Жу Лун, 1980: 23]

По сравнению с переводами Жу Луном и Чжао Цзиншэнем в переводе У Тао этот осмысляемый Ковриным фрагмент превращается непосредственно в песню, и переводчик облекает её форму такого жанра китайской поэзии, как Чу цы. Речь идёт о чуских строфах — стиле поэзии, созданном в Чуском царстве такими по-

этами, как Цюй Юань на основе сочетаний с древнейшими мифами южных народных песен. Использование такого рода витиеватого литературного языка отличается от того лёгкого и простого для понимания, который переводчик использовал в других частях текста, чего мы не наблюдаем у Чехова. Использование Чу цы особым образом выделило фрагмент с песней, который резко отличается в переводе от остальных частей произведения, в то же время это сильнее проявляет деликатность скрытого смысла, возвышенность и изысканность колорита произведения; лаконичный и изящный вэньянь по сравнению с байхуа тоже более насыщен скрытыми смыслами и не настолько откровенен как байхуа.

При сравнении перевода У Тао и последующих переводов Жу Луна и Чжао Цзиншэня становится отчётливо ясно, что последующие переводы, возможно, очень честны по отношению к оригиналу, но по отношению к переводу песен и стихов и их описательной части перевод У Тао обладает большей литературной красотой и в большей степени может позволить читателю насладиться красотой песни, кроме того, такого рода перевод также органично вписывается в текст в целом и естественно и легко воспринимался читателем в своё время. Переводу У Тао свойственна стратегия доместикации в попытке внести в текст чеховского произведения тональность и стиль китайских литературно-поэтических традиций, созвучных гению русского писателя.

В настоящее время культурное разнообразие приобретает всё большую значимость. Разнообразие наций в мире определяет разную культурную среду. Под влиянием отечественной культуры людям трудно себе представлять культуру и жизнь других стран только путём переводческой деятельности. Таким образом, исходя из предпосылки уважения к различным культурам, точный перевод, содержащийся в оригинальном вкусе, играет важную роль в культурном развитии. В то же время, передача содержания и формы оригинала с использованием стратегии форенизации становится не только возможной, ведь в адаптированном виде многие произведения уже вошли в китайскую культуру, но и полезной, так как решает задачи обогащения выразительных средств на языке перевода.

В первой половине XX века художественные переводчики в Китае по большей части в качестве основного метода перевода использовали стратегию доместикации (одомашнивания) текста. Стратегия форенизации (очужения) как метод художественного перевода получила сравнительно широкое распространение лишь в последние 20 лет XX века. Стимулом её развития послужило знакомство с западной переводческой теорией, в результате чего

заново были оценены заслуги и недостатки обоих методов перевода — доместикации и форенизации.

Можно сказать, что на всех этапах своей эволюции китайские стратегии художественного перевода утверждали важность именно этих критериев: принципа верности по отношению к оригинальному тексту, и принципа свободы творческой инициативы переводчика. Вместе с тем признавался и такой фактор, как объективная ограниченность его возможностей в достижении идеальных результатов.

Во всех требованиях к переводу в той или иной мере учитывались культурные и языковые различия оригинального текста и перевода, а также социальная обстановка, восприятие читателем, творческая инициатива самого переводчика. Практически все участники споров вокруг антиномий «дословного и вольного переводов», «формы и духа», «стиля и смысла», «равенства по ценности и равенства по точности», «функциональности и равнозначности», «ориентации на читателя и ориентации на автора» в конце концов не покушались на принцип верности оригиналу.

Исследуя и оценивая разновременные переводы Чехова, следует помнить о поговорке “There are a thousand Hamlets in a thousand people’s eyes” («Тысяча людей — тысяча Гамлетов»). Это значит, что переводчики, живущие в разный период, имеющие разную базу знания, принимают различные решения и различные переводческие стратегии при встрече с проблемами в переводе.

Список литературы

Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития. Монография: диссерт. на соиск. ученой степени к.ф.н., М., 2014 г. 153 с.

Гарбовский Н.К. Новый перевод: свобода и необходимость. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 1, 2011. С. 3–16.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. 2-е изд. / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Гуревич Т.М. Чехов, прочитанный в Японии: проблема восприятия образов / Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы II международной научно-практической конференции. М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2010. С. 165–170.

Костикова О.И., Шуи Ч. Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория / Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 1, 2012. С. 31–48.

Серебряков Е.А. Чехов в Китае (обзор). Литературное наследство. Т. 100. Чехов и мировая литература: в 3 кн. Кн.3. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Чехов А.П. Чёрный монах. А.П. Чехов, 1893. — URL: <https://ilibrary.ru/text/985/p.1/index.html>

Чжан Цзяньхуа А.П. Чехов глазами китайских переводчиков и критиков / Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 3, 2010. С. 102–119.

Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. Routledge, 1995. 353 p.

Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. Routledge, 1998.

阿英. 俄罗斯文学翻译/晚清作品集卷1. 北京, 1961.

А Ин. Элосы вэньсюэй фаньи [Переводы русской литературы]. Пекин, 1961.

戈宝权. 契诃夫和中国. 文学评论. 1960, 77–89页 (In Chinese).

Гэ Баоцюань. Цихэфу хэ Чжунго [Чехов и Китай] // Вэньсюе пинлунь, 1960. No. 1, pp. 77–89 (In Chinese).

鲁迅. 非有复译不可. 文学月刊第四卷. 上海, 1935.

Лу Синь. Фэйю фуи букэ [Отсутствие повторных переводов невозможно]. Вэньсюэ юекань. Шанхай, 1935 (In Chinese).

鲁迅. 风马牛 // 二心集 [Сборник произведений Лу Суня в период 1930–1931 гг.], 1932 (In Chinese).

Лу Синь. Фэн ма ню [Ничего общего] // Эрсинь цзи [Сборник произведений Лу Суня в период 1930–1931 гг.], 1932 (In Chinese).

陆永昌. 俄汉文学翻译概论, 上海, 上海外语教育出版社, 2007, 319页

Лу Юнчан. Эхань вэньсюе фаньи гайлунь [Общий курс художественного перевода с русского языка на китайский], Шанхай: шанхай вайюй цзяоюй чубаньшэ, 2007, 319 p. (In Chinese).

汝龙. 黑修士. 契诃夫小说全集. 上海: 上海译文出版社, 2000.

Жу Лун. Хэйсюши [Чёрный монах. Пер. Жу Лун]. Цихэфу сяошю цюаньцзи [Полное собрание Чехова]. Шанхай: Шанхай Ивэнь чубаньшэ, 2000 (In Chinese).

童道明. 阅读契诃夫. 上海: 上海三联书店, 2008, 163.

Тун Даомин. Юеду цихэфу [Чтение Чехова]. Шанхай: шанхай саньяньшудянь, 2008, 163 (In Chinese).

王培元. 翻译家汝龙, 书城. 上海: 上海三联书店, 2013, 29–36.

Ван Пэйюань. Фаньицзя Жулун [Переводчик — Жу Лун]. Шучэн. Шанхай: шанхай саньяньшудянь, 2013, pp. 29–36 (In Chinese).

吴棹. 黑衣教士. 上海: 上海商务印书馆, 1907. 92页.

У Тао. Хэйи цяюши [Чёрный монах. Пер. У Тао] / Шанхай: Шанзай шану ишугуань, 1907, 92 p. (In Chinese).

赵景深. 黑衣僧. 柴霍甫短篇杰作集卷三. 上海: 开明书店, 1930.

Чжао Цзиншэнь. Хэйи сэн [Чёрный монах. Пер. Чжао Цзиншэнь]. Чайхофу дуаньпянь цзецзоци [Сборник избранных произведений Чехова. Т. 3 «Чёрный монах»]. Шанхай: КэйМин, 1930.

杨凤鸣. 近代中国文学翻译中的日本影响, 2014. 69页.

Ян Фэнминь. Цзиньдай Чжунго вэньсюе фаньи чжун дэ Жибэнь инсян [Влияние Японии на современный литературный перевод в Китае], 2014. 69 p. (In Chinese).

Qiu Shi,

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpreting,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: qs8610@126.com

THE HISTORY OF TRANSLATIONS OF ANTON CHEKHOV'S *THE BLACK MONK* IN CHINA IN THE 20TH CENTURY

The article deals with the history of translations of *The Black Monk* by Anton Chekhov in different periods of the 20th century in China. Chinese readers first got acquainted with translations of Russian literature at the beginning of the 20th century. Around that time, the first publications of Chekhov's works were made in Chinese, including *The Black Monk* which is considered to be the first Chinese translation of Chekhov's literary works ever. The author analyzes features of the translations in different periods of the 20th century.

Key words: Anton Chekhov, literary translation, classical Chinese (or literary Chinese) and vernacular Chinese, re-translation.

References

Chehov A.P. Chernyy monah [The black monk]. A.P. Chehov, 1893. Available at: <https://ilibrary.ru/text/985/p.1/index.html>

Garbovskiy N.K. Novyy perevod: svoboda i neobhodimost [New translation: freedom and necessity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, 2011, pp. 3–16 (In Russian).

Garbovskiy N.K. Teoriya perevoda: Uchebnik [Translation theory]. 2-e izd. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 544 p. (In Russian).

Gurevich T.M. Chekhov, pročitannyj v Yaponii: problema vospriyatija obrazov [Chekhov, read in Japan: the problem of perception of images]. *Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Moscow: Izd. Vysshaya shkola perevoda MGU. 2010, pp. 165–170 (In Russian).

Kostikova O.I., Shuyi Ch. Stanovlenie kitajskoj perevodcheskoj tradicii: praktika, kritika, teoriya [Formation of the Chinese translation tradition: practice, criticism, theory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, 2012, pp. 31–48 (In Russian).

Serebryakov E.A. Chehov v Kitae (obzor) [Chekhov in China (review)]. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 100. Chehov i mirovaya literatura: v 3 kn. In. 3. Moscow: IMLI RAN, 2005 (In Russian).

Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. Routledge, 1995. 353 p.

Venuti L. *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. Routledge, 1998.

Wang Menyao. *Sovremennaya nauka o perevode v Kitae: istoriya stanovleniya i tendentsii razvitiya* [Modern science of translation in China: the history of the formation and development trends]. Monograph: candidate's thesis fil. n., Moscow, 2014. 153 p. (In Russian).

Zhang Jianhua A.P. Chehov glazami kitayskih perevodchikov i kritikov [A.P. Chekhov through the eyes of Chinese translators and critics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, 2010, pp. 102–119 (In Russian).

阿英. 俄罗斯文学翻译/晚清作品集卷1. 北京, 1961. *A Ying. Eluosi wenxue fanyi* [Russian literature translation]. Wanqing zuopin ji I. Beijing, 1961 (In Chinese).

戈宝权. 契诃夫和中国. 文学评论. 1960, 77–89页. *Ge Baoquan. Qihefu he Zhongguo* [Chekhov and China]. *Wenxue pinglun*. 1960, p. 77–89 (In Chinese).

鲁迅. 非有复译不可. 文学月刊第四卷. 上海, 1935. *Lu Xun. Feiyou fuyi buke* [Lack of retranslation is impossible]. *Wenxue yuekan*. No. 4. Shanghai, 1935 (In Chinese).

鲁迅. 风马牛 // 二心集. 1932. *Lu Xun. Feng ma niu* [Nothing in common]. *Er xin ji*. 1932 (In Chinese).

陆永昌. 俄汉文学翻译概论, 上海, 上海外语教育出版社, 2007, 319页. *Lu Yongchang. Ehan wenxue fanyi gailun* [Introduction of Russian-Chinese Literature Translation], Shanghai, Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 2007, p. 319 (In Chinese).

汝龙. 黑修士. 契诃夫小说全集. 上海, 上海译文出版社, 2000. *Ru Long. Hei xiushi* [The black monk]. *Qihefu xiaoshuo quanji*. Shanghai, Shanghai yiwen chubanshe, 2000 (In Chinese).

童道明. 阅读契诃夫. 上海, 上海三联书店, 2008, p. 163. *Tong Daoming. Yuedu qihefu* [Read Chekhov]. Shanghai, Shanghai sanlian shudian, 2008, p. 163 (In Chinese).

王培元. 翻译家汝龙, 书城. 上海, 上海三联书店. 2013, 29–36. *Wang Peiyuan. Fanyijia Ru Long* [Translator Ru Long]. Shanghai, Shanghai sanlian shudian. 2013, pp. 29–36 (In Chinese).

吴涛. 黑衣教士. 上海, 上海商务印书馆, 1907. 92. 页. *Wu Tao. Heiyi jiaoshi* [The black monk]. Shanghai, Shanghai shangwu yinshuguan, 1907. 92 p. (In Chinese).

杨凤鸣. 近代中国文学翻译中的日本影响, 2014. 69页. *Yang Fengming. Jindai zhongguo wenxue fanyizhongde Riben yingxiang*, 2014. 69 p. (In Chinese).

赵景深. 黑衣僧. 柴霍甫短篇杰作集卷三. 上海, 开明书店, 1930. *Zhao Jingshen. Heiyi seng* [The black monk]. *Caihuofu duanpian jiezuoji jian san*. Shanghai. Kaiming shudian, 1930 (In Chinese).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Ю.В. Артемьева,

доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, Российский государственный социальный университет;
e-mail: artjul67@mail.ru

С.А. Разыграева,

магистрант лингвистического факультета,
Российский государственный социальный университет;
e-mail: sonyasonya108@gmail.com

Ю.В. Явари,

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Тверской государственный технический университет
e-mail: juliavyu@yandex.ru

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РЕАЛИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА

В статье кратко описываются промежуточные результаты исследования языковой личности переводчика. Авторы сравнивали переводы одних и тех же произведений разными переводчиками, иногда наблюдая зависимость качества перевода от гендерной идентификации переводчика. Однако данный факт ещё требует своего окончательного обоснования. Авторы статьи считают, что в любом случае переводчику необходимо учитывать интенцию автора, поэтому наличие реалий в дискурсе намного усложняет решение переводческой задачи — адекватно и полноценно перевести произведение. Поиск методов и приёмов сопряжён с методом проб и ошибок. Используя опыт перевода и опираясь на знание экстралингвистических факторов, можно достичь адекватного перевода.

Ключевые слова: переводчик, языковая личность, языковая культура, гендерная идентификация, интенция автора, дискурс, метод проб и ошибок, экстралингвистический фактор, реалия, адекватность в переводе.

Творчество И.С. Тургенева всегда представляло интерес для западной читающей публики, поэтому его произведения активно переводились на разные языки. Во второй половине XIX века французской и английской читающей публике стало известно содержание романа «Записки охотника». Француз Эрнест Шарьер был

одним из первых переводчиков произведений Тургенева, однако результатом его деятельности стало вольное переложение романа русского писателя, начиная с названия «Воспоминания русского помещика» — ‘M’ — «Mémoires d'un seigneur russe». Именно эта интерпретация впоследствии легла в основу первого перевода на английский язык, выполненного Джеймсом Майклджоном в 1855 году. Однако возможность составить более полное представление о творчестве И.С. Тургенева у зарубежных читателей появилась лишь в начале XX века благодаря трудам именитой английской переводчицы Констанс Гарнетт.

Неиссякаемый интерес иностранных читателей к работам И.С. Тургенева привёл к появлению новых переводов произведений классика. Так, например, в 1967 году Ричард Фриборн [Freeborn, 1990] представил на суд читателей свою интерпретацию книги «Записки охотника» известного русского писателя. Этот перевод, как и более ранний, выполненный Констанс Гарнетт, выступили в качестве материала изучения и сопоставления.

Наша цель — определить влияние гендерной принадлежности переводчика на точность перевода реалий с русского на английский язык. Методом сплошной выборки из 7 рассказов из цикла «Записки охотника» был отобран ряд реалий разных семантических категорий. Ниже приведены наиболее показательные, на наш взгляд, примеры и комментарии к ним.

Пример 1

Оригинал	Перевод (Констанс Гарнетт)	Перевод (Ричард Фриборн)
В качестве охотника посещая Жиздринский <i>уезд</i> , сошёлся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком, Полутыкиным, страстным охотником и, следовательно, отличным человеком.	On a visit to the Zhizdrinsky <i>district</i> in search of sport, I met in the fields a petty proprietor of the Kaluga province called Polutikin, and made his acquaintance. He was an enthusiastic sportsman; it follows, therefore, that he was an excellent fellow.	While out hunting in the Zhizdra <i>region</i> I became acquainted with a small Kaluga landowner, Polutykin, also a passionate hunter and, consequently, an excellent fellow.

Оба перевода являются адекватными, однако функциональный аналог, предложенный К. Гарнетт, является более точным, так как лексема “district”, согласно данным, представленным онлайн-словарём Dictionary.com означает «a region defined for an administrative purpose», что по смыслу наиболее близко к русской реалии «уезд».

Пример 2

Оригинал	Перевод (Констанс Гарнетт)	Перевод (Ричард Фриборн)
Мы отправились к нему. Посреди леса, на расчищенной и разработанной поляне, возвышалась одинокая <i>усадыба</i> Хоря.	We went in that direction. In a well-cultivated clearing in the middle of the forest rose Hor's solitary <i>homestead</i> .	We set off for his place. Khor's isolated <i>settlement</i> stood amid woodland in a clearing that had been given over to cultivation.

Мы полагаем, что перевод, выполненный Ричардом Фриборном, в данном случае неточен, так как он не только не передаёт смысл оригинала, но и искажает его изначальный смысл. Понятие «усадыба» предполагает наличие сложного архитектурного комплекса и парковых территорий, что не коррелирует с образом, вызванным в сознании читателя лексемой “settlement” (“A place, typically one that has hitherto been uninhabited, where people establish a community”).

Пример 3

Оригинал	Перевод (Констанс Гарнетт)	Перевод (Ричард Фриборн)
Ермолай принадлежал одному из моих соседей, <i>помещику</i> старинного покроя.	Yermolai belonged to one of my neighbours, a <i>land-owner</i> of the old style.	Yermolay belonged to one of my neighbours, a <i>land-owner</i> of the old school.

В данном случае переводчики едины в своём мнении, и, на наш взгляд, предложенный вариант перевода является адекватным.

Пример 4

Оригинал	Перевод (Констанс Гарнетт)	Перевод (Ричард Фриборн)
Лет двадцать пять тому назад <i>изба</i> у него сгорела.	Twenty-five years ago his <i>cottage</i> was burnt down.	About fifteen years ago his <i>hut</i> burned down.

На наш взгляд, наиболее точным вариантом является функциональный аналог, подобранный Ричардом Фриборном, так как понятие “hut” наиболее ясно даёт читателю понять уровень жизни крестьян того времени.

Проведённый анализ вариантов перевода русских реалий на английский язык показал, что перевод, выполненный женщиной, в большинстве своём более точный, тогда как варианты перевода, предложенные мужчиной — более обобщённые.

Многие исследователи отмечают значительные трудности, связанные с переводом реалий, некоторые же утверждают, что данные лексические единицы вообще не поддаются переводу. Например, С.И. Влахов и С.П. Флорин считают понятие «перевод реалий» дважды условным, поскольку «реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке) и опять-таки, как правило, она передаётся (в контексте) обычно не путём перевода» [Влахов, Флорин, 2009: 77]. Иржи Левый относит реалии к крестным мукам переводчика (*crucis translatorum*) [Левый, 1974: 149], а Л.Н. Соболев, говоря о непереводаемости, отмечает, что «именно реалии, как правило, непереводаемы» [Соболев, 1952: 281]. Однако существует и другое мнение по поводу перевода реалий, которого придерживается А.В. Федоров, отрицающий существование слова, «которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т.е. распространённым сочетанием слов данного языка» [Федоров, 1968: 182].

При работе с реалиями переводчика поджидают две основные трудности: отсутствие в переводящем языке, языке перевода, (ПЯ) точного однословного соответствия переводимой реалии из-за того, что в культуре и быте носителей языка перевода нет обозначаемого данной реалией объекта, т.е. самого референта, и необходимость не только передать предметное значение реалии, но и сохранить её национальный и исторический колорит.

Болгарские лингвисты, теоретики и практики перевода, С.И. Влахов и С.П. Флорин, обобщая, сводят способы передачи реалий в переводе к двум основным: транскрипции и переводу (в широком смысле слова) [Влахов, Флорин, 2009: 83]. Учитывая различные разновидности перевода, можно отметить, что Влахов и Флорин указывают на следующие способы передачи реалий на ПЯ: транскрипция; транслитерация; калькирование; полукалька; освоение; создание семантического неологизма и различные виды перевода (уподобляющий, описательный, контекстуальный); родовидовая замена; замена реалии ИЯ на реалию ПЯ [Там же: 89], В.С. Виноградов называет так же, как и болгарские лингвисты, транскрипцию и транслитерацию, гиперонимический перевод, уподобление, перифрастический перевод и калькирование в качестве способов перевода реалий [Виноградов, 2009: 118–120].

При сравнении переводов романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» [Тургенев, 1974] на английский [Turgenev, 1951] и немецкий [Turgenjew, 1947] языки можно отметить, что переводчики используют практически весь арсенал способов и средств передачи реалий на другой язык, причём частотность употребления того или иного способа является различной не только в переводах на английский

и немецкий, но и при передаче реалий на какой-то один из данных языков переводчики отдают предпочтение определённому способу. Эти расхождения обусловлены индивидуальностью переводчика, его личными предпочтениями и особенностями лексического состава переводящего языка. Так, например, оба переводчика используют транскрипцию. В большинстве случаев использования транскрипции при передаче реалий на английский язык речь идёт о «словарной», или «постоянной» [Явари, 2017: 222] транскрипции, т.е. о лексических единицах, освоенных ПЯ, которые когда-то были заимствованы из ИЯ при помощи транскрипции, заняли своё место в лексическом составе ПЯ и отражены в словарях. Примером такой «словарной» транскрипции может служить *muzhik* [Turgenev, 1051: 9] (a Russian peasant [Concise Oxford Dictionary, 1995: 899]). Наличие в ПЯ данной лексической единицы значительно облегчает задачу переводчика, в то время как из-за отсутствия в немецком языке заимствованной транскрибированной лексической единицы переводчику приходится прибегнуть к эквиваленту, который можно рассматривать как гиперонимический перевод — *Bauer* (крестьянин) [Turgenjew, 1947: 7]. «Словарная» транскрипция используется обоими переводчиками при передаче русской меры длины «верста» — *Verst* [Turgenev, 1951: 7] и *Werst* [Turgenjew, 1947: 6] соответственно. Говорить о словарной транскрипции в данном случае даёт право не только отражение данной лексической единицы в словарях: *verst* — a Russian measure of length, about 1.1 km (0.66 mile) [Concise Oxford Dictionary, 1995: 1558, 11], но и форма множественного числа *versts*, образованная по правилам грамматики английского языка при помощи окончания -s. Название русской денежной единицы *рубли* так же передаётся при помощи транскрипции — *rubles* (англ.) [Turgenev, 1951: 17] и *Rubel* [Turgenjew, 1947: 16]. При помощи «словарной» транскрипции оба переводчика передают название русского национального напитка «квас» — *kvass* (англ.) [Turgenev, 1951: 71] и *Kwaß* (немец.) [Turgenjew, 1947: 82], однако для передачи названия другого напитка — водка — переводчики выбирают различные способы: переводчик на английский выбирает транскрипцию *vodka* [Turgenev, 1951: 42], а переводчик на немецкий использует лексическую единицу *Schnaps* [Turgenjew, 1947: 48], что можно рассматривать и как замену реалии ИЯ на реалию ПЯ, и как использование эквивалента, поскольку электронный словарь АBBYU Lingvo x5 предлагает нем. *Schnaps* как эквивалент русск. *водка* [Электронный словарь].

«Переводческую» транскрипцию, т.е. транскрипцию, которую вводит переводчик именно при переводе данного произведения и которая, наиболее вероятно, в дальнейшем не появится при

переводе других произведений другими переводчиками, а также не войдёт в словарный состав ПЯ, найдя своё отображение в словарях данного языка [Явари, 2017: 222], оба переводчика практически не используют, возможно из-за необходимости давать пояснения. Исключение составляет лишь передача названия меры земли *четверть*. Переводчик на английский использует «переводческую» транскрипцию — *chetvert (of land)* [Turgenev, 1951: 30], а переводчик на немецкий заменяет русскую реалию четверть другой русской реалией, тоже обозначающей меру земли — *десятина*, которую так же, как и его коллега, транскрибирует — *Desßjatine Land* [Turgenjew, 1947: 32]. Ни один из переводчиков не приводит пояснения, однако в данном случае это и необязательно, поскольку читатели переводов из-за отсутствия в тексте переводов слов *land* (англ.), *Land* (немецк.) понимают, что речь идёт о некоей единице измерения земли, а её размер ни для развития сюжета произведения, ни для общего понимания читателями текста не является решающим. Иногда, при отсутствии в ПЯ эквивалента, для передачи одной и той же реалии переводчики прибегают к различным способам, так, например реалию *курная изба* (изба, отапливаемая печью без трубы [Тургенев, 1974: 5]) переводчик на немецкий передаёт описательно: *Hütte ohne Rauchfang (хижина без дымохода)* [Turgenjew, 1947: 7], а переводчик на английский использует функциональный аналог: *ramshackle hut (ветхая хижина)* [Turgenev, 1951: 9].

Рассказывая об образовании дворянских детей, И.С. Тургенев упоминает некоторые реалии того времени. Так, например, он упоминает, что одна из героинь провела несколько лет в институте [Тургенев, 1974: 4]. Русскоязычные читатели, знакомые с образом жизни XIX века, понимают, что речь идёт об институте благородных девиц, учебном заведении для дочерей из дворянских семей. Несмотря на то, что автор упоминает просто «институт», без каких-либо уточнений, переводчики и на английский язык, и на немецкий стараются донести до своих читателей назначение и уровень учебного заведения, причём переводчик на английский язык использует описательный перевод: *ladies institute* [Turgenev, 1951: 7], вводя англоязычную реалию *ladies* для обозначения «благородных девиц», а переводчик на немецкий язык выбирает дословный перевод: *Institut für adlige Töchter* [Turgenjew, 1947: 5] (институт для благородных дочерей). Другая героиня романа по окончании института получила *шифр* (знак отличия в виде вензеля царицы — высшая награда отлично окончившим курс институткам [Тургенев, 1974: 42]). Значение данного слова в связи с традицией награждения переводчики передают при помощи различных способов: переводчик на

английский язык использует дословный перевод — *received her cipher* и приводит пояснение в сноске внизу страницы: *a mark of distinction in the shape of monograma gold with the royal cipher* [Turgenev, 1951: 51], а переводчик на немецкий выбирает гиперонимический перевод: ... *hat eine Auszeichnung bekommen* (получила награду) [Turgenjew, 1947: 57]. Ещё один герой романа учился в университете и окончил его с чином действительного студента [Тургенев, 1974: 10] низшая учёная степень в дореволюционной России. Присваивалась лицам, закончившим университет без отличия [Онлайн-словарь], передавая данное понятие на английский язык, переводчик использует функциональный аналог — *degree of bachelor* [Turgenev, 1951: 15] (степень бакалавра), при передаче на немецкий язык переводчик даёт дословный перевод: *der Grad eines "wirklichen Studenten"* [Turgenjew, 1947: 14], таким образом читатели английского перевода получают более полное представление о полученном героем образовании и его успехах в этой области. В данном случае дословный перевод имел бы право на существование, если бы он сопровождался пояснением.

С точки зрения передачи на другой язык, интересно сравнить переводы на английский и немецкий языки устойчивого русского выражения «не заплатил ни копейки», содержащего реалию *копейка*, и, хотя при передаче названия другой денежной единицы *рубль* переводчик на английский язык использовал транскрипцию — *rubles* [Turgenev, 1951: 17], при переводе данного выражения, делает выбор в пользу замены реалии ИЯ *копейка* реалией ПЯ: *farthing* [Turgenev, 1951: 20], а переводчик на немецкий использует транскрипцию: *Kopeke* [Turgenjew, 1947: 20].

Реалия *степной барин* [Тургенев, 1974: 25] на английский язык передаётся описательно — *Landowner of the steppes* [Turgenev, 1951: 31], а при переводе на немецкий имеет место сочетание дословного перевода с заменой реалии *барин* на *барон* — *Steppenbaron* [Turgenjew, 1947: 32]. Такая реалия как *души* в качестве единицы измерения количества крепостных крестьян английский язык передаётся как *serfs* (крепостные) [Turgenev, 1951: 31], а на немецкий язык — как *Seelen*, т.е. дословно и сопровождается пояснением переводчика *Während der Leibeigenschaft im alten Rußland wurden die leibeigenen Bauern auch als "Seelen" gezählt.* (Во время крепостного права крепостные считались «душами») [Turgenjew, 1947: 33].

Названия слуг, представленные в романе, можно разделить на две группы: прислуга, характерная для различных стран (дворецкий, приказчик, лакей) и прислуга, встречающаяся только в России: казачок, девка, т.е. служанка из крепостных крестьян, люди (общее название прислуги в барском доме). Для передачи названий при-

слуги первой группы переводчики пользуются эквивалентами, имеющимися в ПЯ: *дворецкий* [Тургенев, 1974: 37] — *butler* (англ.) [Turgenev, 1951: 45] и *Haushofmeister* (нем.) [Turgenjew, 1947: 50], для передачи названий типично русских слуг из второй группы переводчики используют описательный или гиперонимический перевод: *казачок* [Тургенев, 1974: 6] (в старинном дворянском быту — мальчик-слуга, одетый в казакин или черкеску [Онлайн-словарь]) — *Servant boy* (англ.) [Turgenev, 1951: 10] и *kleine Bediente* (нем.) — *маленький слуга* [Turgenjew, 1947: 8], лексическую единицу *люди* [Тургенев, 1974: 34], обозначающую прислугу, оба переводчика передают посредством перевода денотата — *servants* (англ.) [Turgenev, 1951: 42] и *Dienstpersonal* (нем.) [Turgenjew, 1947: 46]. В случае с реалией *девка* (должность молодой крепостной крестьянки) оба переводчика используют эквиваленты ПЯ — *wench* (англ.) [Turgenev, 1951: 38] и *Magd* (нем.) [Turgenjew, 1947: 42], имеющие в обоих ПЯ значения и «девушка», и «служанка» [Электронный словарь].

Названия различных должностей и сословий, характерных для того времени на английский и немецкий языки передаются либо при помощи эквивалентов, существующих в ПЯ: *статский советник* [Тургенев, 1974: 5] — *Councillor* (англ.) [Turgenev, 1951: 10] и *Staatsrat* (нем.) [Turgenjew, 1947: 8]; губернский *прокурор* [Тургенев, 1974: 3] — *prosecutor of the gubernia* (англ.) [Turgenev, 1951: 7] и *Gouvernements staatsanwalt* (нем.) [Turgenjew, 1947: 5]; *умабс-потмиспр* [Тургенев, 1974: 9] — нем. *Stabsrittmeister* [Turgenjew, 1947: 14] или описательно: *попович* [Тургенев, 1974: 5] — *son of a village priest* (англ.) [Turgenev, 1951: 10] и *Popensohn* (нем.) [Turgenjew, 1947: 8]; *ремонтёр* (в дореволюционной русской армии — офицер, уполномоченный производить закупку лошадей по вольным ценам для ремонта, т. е. для пополнения убыли лошадей в войсках [Тургенев, 1974: 9] — *Army contractor* (англ.) [Turgenev, 1951: 13] и *Pferdehändler* (нем.) [Turgenjew, 1947: 12]. Название должности «чиновник по особым поручениям» [Тургенев, 1974: 9] передаётся при помощи дословного перевода — *Civil servant acting on special commissions* (англ.) [Turgenev, 1951: 14] и *Beamter für besonderen Verwendungen* (нем.) [Turgenjew, 1947: 13].

В последние десятилетия в современной лингвистике обнаруживаются две взаимосвязанные, чётко прослеживаемые тенденции: экспансионизм и антропоцентризм. Первую направленность можно охарактеризовать широким применением междисциплинарного подхода к языковым исследованиям. Вторая ставит во главу угла человека, а именно изучение языковой личности. Возникновение вышеупомянутых тенденций объясняется тем, что язык, как зна-

ковая система, созданная человеком, не может существовать изолированно от внешних факторов, которые влияют на жизнь общества, использующего данный конкретный язык. Таким образом, языковая личность объединяет в себе социальный, исторический, психологический и культурный аспект языка.

Список литературы

Артемяева Ю.В., Явари Ю.В. Средства осмысления реалий в кинематографе. Языки Культуры. Перевод, 2017. № 1. С. 5–9.

Виноградов В.С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 5 изд. М.: КДУУ, 2009. 238 с.

Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. 4 изд. М.: Р. Валент, 2009. 360 с.

Курбакова М.А., Боришанская М.М. Вариативность трансляции некоторых русских реалий в западную культуру. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2013. № 4, с. 24–31.

Левый Иржи. Искусство перевода. М., 1974. 394 с.

Ощепков А.Р. «Тургенев и Запад: Восприятие творчества И.С. Тургенева во Франции и Англии XIX века». Культурные константы. Москва: Институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2008. № 3. С. 41–46.

Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Лит. на иностр. яз., 1952. 402 с.

Тургенев И.С. Дворянское гнездо. Роман. М., Дет. лит., 1974. 176 с.

Тургенев И.С. Записки охотника. М.: Махаон, 2014. 128 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. 359 с.

Явари Ю.В. Транскрипция как один из способов передачи реалий в переводе. Вестник Тверского государственного университета Серия «Филология», 2017. № 2. С. 219–224.

Ivan Turgenev. A Nest of the Gentry. Moscow: Izdatelstvo literatury na inostrannyh yazykhah. 1951. 180 p.

Iwan Turgenjew. Ein Adelnest. Moscow: Verlag für fremdsprachige Literatur. 1947. 208 p.

Turgenev I.S. A Sportsman's Sketches translated by Garnett Constance, North Charleston, Create Space Independent Publishing Platform, 2014. 148 p.

Turgenev I.S. Sketches From A Hunter's Album, translated by Richard Freeborn, London: Published by the Penguin Group, 1990. 416 p.

Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed. Oxford University Press, 1995. 1674 p.

ABBYY Lingvo x5 Professional 20 [electronic resource]

ABBYY Lingvo x5 Professional 20 [electronic resource]

On-line dictionary Academic [electronic resource] — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/633735> (17. 02. 2018)

English Oxford Living Dictionaries [electronic resource] — URL: <https://en.oxford.dictionaries.com/>

Yulia V. Artemyeva,

Associate Professor at the Foreign Languages Department;
Cand. Sc. (Philology), Russian State Social University, Moscow, Russia;
e-mail: artjul67@mail.ru

Sofia A. Razygrayeva,

Graduate Student at the Linguistic Faculty, Russian State Social
University, Moscow, Russia; e-mail: sonyasonya108@gmail.com

Yulia V. Yavary,

Senior Lecturer at the Foreign Languages Department, Tver State
Technical University, Russia; e-mail: juliavy@yandex.ru

THE ROLE OF LANGUAGE PERSONALITY IN TRANSLATING REALIA FOUND IN LITERARY WORKS BY IVAN TURGENEV

The article covers intermediate results of the authors' research into translator's language personality. The authors compare translations of the same fiction works done by different translators, sometimes observing the dependence of quality of translation on the gender identification of the translators. However, this fact remains to be scientifically proved. The authors believe that in any case the interpreter is to take into account the intention of the original text; therefore, the presence of realia in the discourse makes it much harder for a translator to perform the main task, i.e. to achieve adequacy in translation. Searching translation methods is connected with the trial-and-error method. Using the experience of translation and knowledge of extralinguistic factors, it is possible to help translators achieve adequacy in translation.

Key words: translator; language personality; language culture; gender identification; author's intention; discourse; the trial-and-error method; extralinguistic factor; realia; adequacy in translation.

References

Artemyeva Y.V., Yavary Y.V. Sredstva osmysleniya realij v kinematografe [The means of realias comprehension in cinematography. Languages. Cultures. Translation]. *Yazyki. Kul'tury. Perevod*, 2017. No. 1, pp. 5–9 (In Russian).

Ivan Turgenev. A Nest of the Gentry. Moscow: Izdatelstvo literatury na inostrannyh yazykhah. 1951. 180 p.

Iwan Turgenjew. Ein Adelnest. Moscow: Verlag für fremdsprachige Literatur. 1947. 208 p.

Kurbakova M.A., Borishanskaya M.M. Variativnost' translyacii nekotoryh russkih realij v zapadnyu kul'turu [Some variants of translating Russian realia into the western culture]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Lingvistika*. 2013. No. 4, pp. 24–31 (In Russian).

Levyj Irzhi. Iskustvo perevoda [The art of translation]. Moskow, 1974. 394 p. (In Russian).

Oshchepkov A.R. “Turgenev i Zapad: Vospriyatie tvorchestva I.S. Turgeneva vo Francii i Anglii XIX veka” [“Turgenev and The West: Perception of I.S. Turgenev’s Creative Work in France and England of the XIX Century”]. *Kulturnye konstanty*. Moskow: Institut russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina, 2008. No. 3, pp. 41–46 (In Russian).

Sobolev L.N. Posobie po perevodu s russkogo yazyka na francuzskij [The text-book of translation from Russian into French]. Moskow: Lit. na inostr. yaz., 1952. 402 p. (In Russian).

Turgenev I.S. Dvoryanskoe gnezdo. Roman [A Nest of the Gentry. Novel]. Moskow: Det. lit., 1974. 176 p. (In Russian).

Turgenev I.S. Zapiski ohotnika [A Sportsman’s Sketches]. Moskow: Mahaon, 2014. 128 p. (In Russian).

Fedorov A.V. Osnovy obshchej teorii perevoda [The basis of general theory of translation]. Moskow: Vysshaya shkola, 1968. 359 p. (In Russian).

Vinogradov V.S. Perevod. Romanskije yazyki: obshchie i leksicheskie voprosy [Translation. Italic languages: general and lexical questions]. 5 izd. Moskow: KDUU, 2009. 238 p. (In Russian).

Vlahov S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. 4 izd. Moskow: R. Valent, 2009. 360 p. (In Russian).

Yavari Y.V. Transkripcija kak odin iz sposobov peredachi realij v perevode [Transcription as a means of realia translation]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Filologiya”*, 2017. No. 2, pp. 219–224 (In Russian).

Turgenev I.S. A Sportsman’s Sketches translated by Garnett Constance, North Charleston, Create Space Independent Publishing Platform, 2014. 148 p.

Turgenev I.S. Sketches From A Hunter’s Album, translated by Richard Freeborn, London: Published by the Penguin Group, 1990. 416 p.

Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed. Oxford University Press, 1995. 1674 p.

ABBYY Lingvo x5 Professional 20 [electronic resource]

ABBYY Lingvo x5 Professional 20 [electronic resource]

On-line dictionary Academic [electronic resource]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/633735> (February 17.2018)

English Oxford Living Dictionaries [electronic resource]. Available at: <https://en.oxford.dictionaries.com/>

Санчо Инсаusti, Икер

доктор филологических наук, Университет Страны Басков
(EHU-UPV), доцент;
e-mail: iker.sancho@ehu.eus

ВКЛАД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ БАСКСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СИСТЕМЫ: 1956–2017

История публикаций русской литературы на баскском языке является многолетним и сложным процессом, который обусловлен разными историческими, социальными и даже политическими факторами. С 1956 по 2017 г. было издано 91 русское литературное произведение на баскском языке. Историю перевода русской литературы, которая насчитывает более шестидесяти лет, можно разделить на три этапа: первый этап (1956–1970) охватывает вторую половину правления Франко. Второй этап (1982–1994) начинается уже после становления демократии. Третий этап (1995–2017) начинается с момента публикации романа «Мать» М. Горького, первого произведения русской литературы, переведённого непосредственно с русского языка, и заканчивается в 2017 году.

Ключевые слова: русская литература, баскский язык, перевод, литературная полисистема.

Введение

Начиная с 70-х годов, исследователи в области переводоведения почувствовали необходимость отказаться от норм, заранее предписывающих процесс перевода (прескриптивного переводоведения), и предложили перейти к дескриптивному (описательному) переводоведению. Важный теоретический и методологический вклад в развитие описательного переводоведения внесли теория полисистем [Even-Zohar, 1978: 117–127] и концепция «переводческих норм» [Toury, 1980, 1985, 1995]. В рамках теории полисистем, при анализе переводных текстов центр внимания смещается с исходной литературной системы на целевую систему. Теория полисистем позволяет включить переводную литературу в общую литературную систему целевой культуры так, что и переводная, и национальная литературы становятся частью одной и той же литературной системы. Общество, которое принимает переводную литературу, оказывает существенное влияние на процесс её создания. По словам Г. Тури, «...очевидно, что с точки зрения исходного текста и исходной системы, переводы не имеют большого значения, даже если все

члены исходной культуры знают о существовании этих переводов. Переводы покинули исходную систему, они уже не в состоянии повлиять на исходный текст. Зато они безусловно могут повлиять на целевую культуру, на целевой язык» [Toury, 1985]. Если применить данный взгляд на перевод к русско-баскским отношениям в области литературы, можно утверждать, что, когда мы переводим на баскский язык литературное произведение, написанное на русском языке, оно становится частью баскской культурной системы наравне с литературой, изначально написанной на баскском языке.

Важным моментом в теории Тури является концепция «норм»: переводчики находятся под влиянием неких норм, определяющих переводческую практику целевой культуры в данном месте и в данное время.

Кроме того, Тури утверждает, что процесс перевода может быть объяснён его системным положением и ролью в целевой культуре [Toury, 1995].

В рамках теории полисистем, Эвен-Зохар делает открытие, которое крайне актуально именно для баскского языка: он выделяет три ситуации, когда центральное место может занять именно переведённый текст [Even-Zohar, 1990: 47].

– Первая из них — это ситуация, когда «молодая» литература находится в процессе становления и ещё не сложилась в полисистему. В этом случае авторы «молодой» культуры обращаются к более зрелым литературам в поисках готовых моделей текстов разного типа.

– Вторая ситуация — это случай, когда литература небольшого народа периферийна или слаба по отношению к литературам доминирующим, более развитым.

– Третья ситуация развивается в переломные моменты, в периоды культурных или политических кризисов: вакуум, образовавшийся после отмирания старых моделей, быстро заполняется потоком новых идей и понятий, проникающих в культуру целевого языка через перевод.

Первые две ситуации явно относятся к баскской литературной системе, поскольку она является как молодой, так и периферийной, что обусловлено в первую очередь особенностями баскского языка. Речь идёт об изолированном языке, который не принадлежит ни к индоевропейским, ни к какой-либо из других известных нам семей языков, и генетические связи которого с другими языками не установлены. Согласно последнему, VI социолингвистическому опросу, проведённому в 2016 г. совместными усилиями правительств Страны Басков, Наварры и французской Страны Басков,

на баскском языке разговаривают 922 640 человек, большинство из них на севере Испании — в Автономной области Страна Басков и в Наварре и на юго-западе Франции, а число понимающих составляет 1 185 500 человек. Также значительное число его носителей проживает в других странах, прежде всего, в Европе и в Америке.

Это особенное положение по отношению к окружающим его языкам тормозило развитие баскской культуры, так как до относительно недавнего времени подавляющее большинство населения было либо безграмотным, либо обучались грамоте не на родном языке, а на испанском или французском языках.

К третьей из ситуаций, которые выделяет Эвен-Зохар, можно отнести 60-е годы XX века, которые оказались в высшей степени переломными: это время становления объединённого литературного языка на наддиалектном уровне, открытия тогда ещё полуправильных школ, проводящих обучение на баскском языке, основания издательств, публикующих материалы на баскском языке и т.д. Переводная литература может играть в полисистеме целевого языка самые разные роли — как подкреплять уже существующие модели, так и вводить в систему новые, оригинальные элементы. В этом смысле именно такие далёкие и «экзотические» языки как русский, — владение которым со стороны баскских писателей крайне невероятно, — и которые имеют богатую и признанную во всём мире литературу, вносят неоценимый вклад в баскскую литературную и культурную системы в качестве источника новых моделей для подражания.

Из всего этого следует, что в полисистеме баскского языка перевод занимает не периферийное, а безусловно центральное положение. Даже в таких языках, как русский или испанский, обладающих долгой и богатой литературной традицией, и на которых говорят миллионы людей на разных континентах, роль переводной литературы, скорее всего, не такая периферийная, как принято считать, поскольку трудно переоценить роль перевода как носителя полезной информации, способствующего обмену знаниями между людьми, говорящими на разных языках.

Разумеется, трудно дать положительную оценку поздней стандартизации языка или недостаточно развитой литературной традиции или же маленькой читательской аудитории. Однако именно «молодость» и «неразвитость» баскской литературной модели увеличивают значимость перевода как инструмента для проникновения в неё уже давно установленных литературных моделей вроде русской.

0. Баскские переводы русской художественной литературы: 1956–2017

В 1956 г. увидел свет рассказ «Отец семейства» А.П. Чехова на баскском языке. Это первый известный нам факт издания русского литературного произведения на баскском языке. А совсем недавно, в 2017 г., вышел баскский перевод повести Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат». Между этими двумя произведениями — 61 год неравномерной и относительно скромной истории появления переводов русской литературы на баскский язык.

Учитывая разные факторы, влияющие как на переводческую деятельность, так и на баскскую литературную систему в целом, можно выделить три этапа в истории распространения русской литературы на баскской литературной и, следовательно, культурной почве. Эти три этапа можно условно охарактеризовать как «детство», «юность» и «зрелость» перевода русской литературы на баскский язык.

Среди факторов, оказывающих влияние на проникновение русской литературы в баскскоязычный читательский мир, можно назвать в первую очередь те процессы, которые характерны для баскской культурной среды второй половины XX — начала XXI века.

Первый этап (1956–1970) охватывает вторую половину диктатуры генерала Франко, в высшей степени отрицательно сказывающейся на развитии всех миноритарных языков Испании в целом и баскского языка в частности. Тем не менее, несмотря на объективные трудности тех времён, именно этот период нашей истории является основополагающим для дальнейшего развития перевода русской литературы на баскском языке.

Второй этап (1982–1994) начинается уже после восстановления демократии и продолжается до 1994 года. Этот этап является промежуточным между периодом появления первых баскских переводов русских писателей и окончательным обретением зрелости в данной области.

Третий этап (1995–2017), который продолжается и по сей день, начинается с момента опубликования романа «Мать» М. Горького, первого произведения русской литературы, переведённого непосредственно с русского языка, что являет собой первый случай прямого перевода русского литературного произведения на баскский язык.

1. Первый этап — «Детство» (1956–1970)

1.1. Общая обстановка

Первый этап развития перевода произведений русских писателей на баскский язык относится ко второй половине диктатуры генерала Франко. В сверхцентралистской послевоенной Испании

трудностей для развития баскского языка и баскской культуры было более чем достаточно. Помимо ограничения свобод и жестоких репрессий, которые касались всех без исключения регионов Испании, у национальных меньшинств были и другие дополнительные проблемы: запрет открыто выражаться на других языках кроме испанского, наряду с политикой языковой ассимиляции всех меньшинств. Испанский язык стал единственным языком образования, культуры, общественной жизни на протяжении 40 лет. Пресекалась любая попытка каким-либо образом развивать баскский язык и культуру, которая и без внешнего воздействия пребывала в довольно бедственном состоянии [Torrealdei, 1998]. В этой связи не следует также забывать, что помимо внешней агрессии, язык традиционно не пользовался успехом у самих же носителей.

Кроме того, очень остро ощущалась нехватка людских ресурсов: все, кто до войны хоть как-то участвовал в развитии маленьких языков и культур или же защищал право регионов Испании на автономию, оказались на стороне, потерпевшей поражение в гражданской войне.

Однако несмотря на трудные условия работы и на непростую во многих случаях личную судьбу (ссылка, репрессии, тюремное заключение, запрет на въезд в Страну Басков и т.д.), даже в условиях полной диктатуры нашлись первооткрыватели, решившиеся заниматься неблагодарным и даже опасным делом развития баскского языка в области литературы и перевода. Тем более, когда речь шла о литературе страны, к которой франкистский режим относился крайне отрицательно.

1.2. Русская художественная литература на баскском языке с 1956 по 1970

Издание русских литературных текстов на баскском языке в период с 1956 по 1970 год ограничивается семью короткими произведениями, переведёнными четырьмя баскскими переводчиками (табл. 1).

За 14 лет переведены один рассказ А.П. Чехова и шесть стихотворений: две поэмы Б.Л. Пастернака, три стихотворения Е.А. Евтушенко и одно стихотворение И.С. Тургенева. Естественно, на первый взгляд семь коротких переводов за 14 лет кажется ничтожным показателем. Однако с учётом личных судеб этих четырёх переводчиков, а также исторических обстоятельств, которые сопровождали издание этих первых переводов, трудно себе представить, как им

Переводы 1956–1970

Год издания (баскский)	Название (баскский)	Название (русский)	Русский писатель	Баскский переводчик	Издание	Год издания (русский)	Жанр
1956	<i>Guraso zintzoa</i>	<i>Отец семейства</i>	Чехов А.П.	Elizalde (K. Mitxelena)	Журнал Hegan	1885	Рассказ
1959	<i>Getsemani'ko baratza</i>	<i>Гетсиманский сад</i>	Пастернак Б.Л.	J. San Martin	Журнал Oleriti	1949	Поэзия
1960	<i>Udaberria da</i>	<i>Весна</i>	Пастернак Б.Л.	J. San Martin	Журнал Oleriti	1918	Поэзия
1965*	<i>Errusiako mintzoa</i>	<i>Русский язык</i>	Тургенев И.С.	B. Ametzaga	Изд. Susa (2006)	1882	Поэзия
1967	<i>Bide-laguna / Eztegi ospatua</i>	<i>Спутница / Свадьбы</i>	Евтушенко Е.А.	S. Onaindia	Журнал Oleriti	1954/1955	Поэзия
1968	<i>Damia / Gizon bat il dabe / jazoten uatana / Gure beainaldiko onenai</i>	<i>Сожаление? / Человека убили / Со мною вот что происходит / Лучшим из поколения</i>	Евтушенко Е.А.	S. Onaindia	Журнал Oleriti	1956/1957/ 1957/1957	Поэзия
1970	<i>Biotz on, mutillak!</i>		Евтушенко Е.А.	S. Onaindia	Журнал Кармель (Календарь Богоматери Карменской)	1960??	Поэзия

всё-таки удалось опубликовать даже эти семь коротких произведений. Первый этап отличается от двух последующих тем, что в это время появились отдельные, яркие личности, одиноко работающие в культурной «пустыне» послевоенных лет. В связи с тем, что в этот период вообще не существовало литературной системы как таковой, тут следует остановиться на «жизни и деяниях» этих первопроходцев распространения русской литературы на баскском языке. Многие из них являются также крупными личностями в общей истории баскского языка, баскской культуры и литературы. Кроме того, их биографии, характерные для того времени, могут пролить свет на те обстоятельства, в которых им доводилось жить и работали и, соответственно, на то, как и почему они взялись переводить на баскский язык литературные тексты, написанные в далёкой, загадочной России.

Первое русское литературное произведение, которое стало доступным для баскскоязычных читателей, рассказ А.П. Чехова «Отец семейства», было опубликовано в 1956 г. в журнале «Эган», а автором перевода указан некий Элисальде. Очевидно, что это псевдоним, так как напоминает одноименную баскскую фамилию, но без упоминания имени, что крайне необычно в Стране Басков, где всегда указывается имя, фамилия и чаще всего даже вторая, фамилия матери. Кроме того, нам не известен ни один человек с такой фамилией и в без того ограниченном списке деятелей баскской культуры тех времён. Если наши предположения верны, то за псевдонимом Элисальде скрывается по всей видимости не кто иной, как Кольдо Мичелена Элиссальт (1915–1987), знаменитый лингвист, писатель и общественный деятель, ставший впоследствии «отцом» стандартизации баскского языка, которая проводилась во многом благодаря его исследованиям в области баскского языка.

Мичелена родился в 1915 г. в Рентерии, что неподалёку от Сан-Себастьяна, в семье мастера-корзинщика. В детстве он сильно заболел и ему пришлось долго лежать в кровати, благодаря чему он проникся страстью к чтению. В десять лет он получил стипендию и смог учиться дальше. Когда ему было 15 лет, его отец перенёс инсульт и стал нетрудоспособным, вследствие чего молодому Мичелене пришлось начать работать на заводе. Тем не менее, ему удалось совместить работу с учёбой. В 18 лет он стал членом Баскской Национальной Партии (БНП) и профсоюза Союз Баскских Рабочих (СБР). Представители довоенного расцвета баскской культуры и литературы оказали на него большое влияние, но началась война, и Мичелена стал членом баскского народного ополчения,

зависящего от баскского правительства, которое образовалось в самом начале гражданской войны. Однако после поражения в войне его посадили в тюрьму и даже приговорили к смертной казни, которую скоро заменили заключением сроком на 30 лет. В конечном итоге он провёл в тюрьме около пяти лет. Во время заключения он имел возможность общаться со многими представителями интеллигенции (их там оказалось очень много в те годы), которые подтолкнули его заниматься классическими языками и лингвистикой, что он и сделал в 1948 г., после уже второго периода заключения по обвинению в подрывной деятельности против франкистского режима. В 1953 г. он был назначен членом редколлегии журнала «Эган», где и был опубликован в 1956 г. рассказ «Отец семейства», под названием «Guraso zintzoa» (букв. «Добрый родитель»). Такова история появления первого русского литературного произведения, опубликованного на баскском языке.

С высокой степенью вероятности можно предположить, что рассказ переведён именно Мичеленой. Хотя не известно, с какого языка он перевёл этот рассказ на баскский, с испанского (“Un padre de familia”) или же с французского (“Le Père de famille”), имеются основания полагать, что он мог быть знаком с обширным испанским изданием коротких произведений Чехова, вышедшим всего за три года до этого [Podgurski, 1953].

Второй и третий по счёту переводы появились в 1959 г. и 1960 г., то есть через три года после выхода «Отца семейства», когда Хуан Сан Мартин опубликовал два стихотворения Б.Л. Пастернака в журнале «Ольберти»: «Гефсиманский сад» (баск. “Getsemani’ko baratza”) и «Весна» (баск. “Udaberria da”).

Хуан Сан Мартин родился в баскском городе Эйбар. Его отец, рабочий оружейного завода, придерживался левых, либеральных идей, и соответственно оказался на стороне побеждённых в гражданской войне. Семья была вынуждена покинуть родной город и поехала сначала в Бильбао, потом в Сантандер и в Хихон, откуда попытались добраться до французского города Бордо, однако франкисты перехватили корабль, на котором плыла семья Сан Мартина и заставили их вернуться в Эйбар, где к тому моменту от их дома остались одни развалины. После войны, когда Сан Мартину исполнилось 17 лет, он стал работать токарем в Эйбаре. Затем он проходил военную службу в Мадриде и Бургосе, и тут произошло событие, о котором рассказывал сам писатель и переводчик: он писал письмо матери на испанском, потому что его никогда не учили писать на баскском, но внезапно задумался о том, почему пишет на испанском языке, если

между собой они с матерью разговаривали исключительно на баскском. Это может показаться довольно нехитрым размышлением, но это очень распространённое явление в истории баскского народа и, в целом, в истории многих коренных малочисленных народов. Этот случай из жизни Сан Мартина, одного из главных культурных деятелей этого периода, показывает крайне бедственное положение баскского языка в 40-е годы XX века, когда даже будущие писатели и переводчики «случайно», уже повзрослев, задумываются о потребности писать на своём языке.

Сан Мартин писал под разными псевдонимами («Эгигурен», «Ауньяменди», «Очалар»...). Он был прежде всего поэтом, и перевёл на баскский язык произведения таких стихотворцев как Хуан Рамон Хименес, Бертольд Брехт, Рильке, Ф. Гарсия Лорка, Сальвадор Эсприу и другие. По словам самого Сан Мартина, мало кто осмеливался в то время писать на баскском языке или переводить на него произведения, написанные на других языках.

На первый взгляд, обращает на себя внимание то, что Сан Мартин успел опубликовать баскскую версию «Гефсиманского сада» всего лишь два года после самого первого издания, вышедшего в Милане в 1957 году. Можно предполагать, что Сан Мартин ознакомился с опубликованной всего лишь за год до этого первой испанской версией романа «Доктор Живаго», в последней главе которого и появилось впервые стихотворение «Гефсиманский сад». Кроме того, учитывая, что Пастернак был изгоем в СССР, публикация его произведений не могла не поощряться в правоконсервативном антикоммунистическом режиме Франко. Любопытным фактом может служить то, что баскскоязычный читатель ознакомился с этими стихотворениями раньше, чем советский читатель.

Сан Мартин сыграл выдающуюся роль в становлении литературного баскского языка во время своего пребывания в должности секретаря Эускальцайндии – Академии Баскского языка (1967–1978), именно в период, когда шли самые ожесточённые дискуссии по поводу единого литературного языка: нужен ли он вообще, каким он должен быть, какой диалект должен служить его основой и т.д.

В 1965 г., пять лет спустя после выхода «Весны» Пастернака, Бинген Амецага (1901–1969) перевёл знаменитое стихотворение И.С. Тургенева «Русский язык» (баск. “Errusiako mintzoa”), причём сделал он это в Каракасе, столице Венесуэлы, где он находился в вынужденной ссылке. Это стихотворение было опубликовано только в 2006 г., в сборнике произведений Амецаги, выпущенном издательством SUSA.

Бинген Амецага (1901–1969) родился в 1901 г. в бискайском городе Гечо, недалеко от Бильбао, в семье преуспевающего адвоката и предпринимателя. В результате дружбы его отца с Сабино Араной, основателем Баскской Национальной Партии, Амецага стал членом этой партии и активно участвовал в её деятельности. Хотя баскский язык был у его матери родным она, как подобало зажиточным семьям того времени, говорила с детьми по-испански. В 1915 г. Амецага решил, что в дальнейшем будет говорить с матерью исключительно по-баскски. В 1921 г. он окончил инженерный институт в Бильбао. Когда в 1931 г. республиканская коалиция победила на муниципальных выборах, Амецага и другие члены коалиции провозгласили вторую испанскую республику и одновременно с этим выступали перед общественностью с заявлением о проекте баскской республики.

В 1932 г. он был избран мировым судьёй своего города, где он работал до 1935 года. Во время пребывания в должности, он даже женил Хосе Антонио Агирре, друга юности и будущего президента Страны Басков в годы войны. Амецага курировал вопросы образования в этом правительстве. Во время войны, незадолго до падения города, Амецага занялся эвакуацией детей из Бильбао. Потом он вместе с женой эмигрировал в Англию, и оттуда в Южную Америку. Они какое-то время жили в Аргентине и в итоге поселились окончательно в Венесуэле. В столице Венесуэлы Каракасе он, кроме многочисленных рассказов, стихотворений и эссе, перевёл стихотворение «Русский язык», четвёртое по счёту русское произведение, изданное на баскском языке. Амецага отличился, прежде всего, именно своей переводческой деятельностью: он перевёл произведения Шекспира, Оскара Уайльда, Гёте, Хуана Рамона Хименеса и других великих имён мировой литературы.

В 1957 г. Бинген Амецага был назначен членом Академии баскского языка, умер в 1969 г. в Каракасе.

С 1967 по 1970 в журнале «Кармель» (расшифровывается как «Календарь Богоматери Карменской») и в поэтическом приложении к нему «Ольerti» (переводится как «Стихи») появилось несколько стихотворений Е.А. Евтушенко. Их переводчик — Санти Онаиндия (1909–1996), больше известен как Айта (баск. отец, батюшка) Онаиндия — незаурядный для своего времени человек, священник ордена босых кармелитов, известен в литературных кругах прежде всего как поэт. Он занимался переводом поэзии под разными псевдонимами («Якоба», «Игоц»...).

Айта Онаиндия родился в 1909 г. в деревне Аморото, недалеко от Бильбао. В 1921 г. его отдали на воспитание в монашеский

орден босых кармелитов, где он принял постриг в 1934 году. В 1936 г. участвовал в войне в качестве духовника батальона баскского народного ополчения. С 1937 по 1940 сидел в разных тюрьмах, но несмотря на то, что получил долгий тюремный срок, он скоро вышел на свободу с запретом на въезд в Страну Басков. Этот запрет длился 11 лет, до 1951 года. С момента возвращения на родину до его смерти в 1996 г., он будет активно участвовать в развитии баскского языка и литературы, прежде всего поэзии. В 1954 г. Айта Онаиндия издал собрание «Тысяча прекрасных баскских стихотворений», по примеру аналогичной работы по испанской поэзии «Тысяча лучших стихотворений на испанском языке» [Menéndez y Pelayo, 1928]. Кроме этого, в 1951 г. он участвовал в воссоздании после войны журнала «Кармель», а в 1959 г. основал «Ольерти», поэтическое приложение к журналу. Именно в «Ольерти» он опубликовал в 1967 г. «Спутницу» (баск. “Bide-laguna”) и «Свадьбы» (баск. “Eztegu ospatua”) Е.А. Евтушенко. В 1968 г. он издал ещё четыре перевода стихотворений этого автора, а именно «Сожаление» (баск. “Dama”), «Человека убили» (баск. “Gizon bat hil dabe’ ”), «Со мной вот что происходит» (баск. “Jazoten yatana”), «Лучшим из поколения» (баск. “Gure belaualdiko onenai’ ”). Наконец в 1970 г. Айта Онаиндия перевёл ещё одно стихотворение Евтушенко, но, к сожалению, нам не удалось узнать о каком именно произведении идёт речь; баскская версия называется “Biotz on, mutillak!”, что можно перевести, примерно, как «Имейте доброе сердце, ребята!». Возможен также вариант «Думайте сердцем, ребята!». Поскольку это довольно неоднозначный заголовок, вопрос о названии оригинала остаётся пока открытым, хотя некоторые обрывки совпадают с отдельными фрагментами разных стихотворений Евтушенко.

В 1970 г., после долгой борьбы с цензурой из-за публикации материалов на баскском языке «Ольерти» был закрыт министром информации и туризма диктатуры Мануэлем Фрагой Ирибарне, будущим основателем Народной Партии Испании. Запрет на публикацию «Ольерти» был снят только в 1980 г., пять лет спустя после смерти диктатора Франко. Кроме «Ольерти», Мануэль Фрага, родным языком матери которого был, как ни парадоксально, именно баскский, отличился особым рвением к преследованию всего, что было связано с баскским языком и баскской культурой. Ещё в послужной список этого министра входят закрытие радиостанции баскских иезуитов Лойола в 1965 г. и общественно-политического журнала «Якин» в 1969 г.

2. Второй этап — «Юность»: 1982–1994

2.1. Общая обстановка

Второй этап начинается в 1982 г., то есть уже после смерти Франко и становления демократии, и длится, условно говоря, до 1994 года. Этот период можно назвать промежуточным между появлением в 50–60-е годы первых отдельных переводов русских писателей и обретением зрелости в этом направлении с середины 90-х годов XX века.

Ситуация 80-х – начала 90-х принципиально отличается от предыдущей эпохи не только с точки зрения культуры, но и с учётом социального и политического положения в стране. В эти годы Страна Басков, как и вся Испания, переживает большие перемены: кардинально меняются общество, политический строй и практически все стороны общественной жизни. В отличие от предыдущего этапа, когда вся культурная и общественная деятельность проводилась отдельными лицами и в очень сложных полузаконных или даже незаконных условиях, картина 80-х годов выглядит совсем иначе: происходят глубокие преобразования в области языковой политики; создаются местные органы управления, которые обладают широкими полномочиями; баскский язык становится государственным языком наравне с испанским на всей территории автономной области Страны Басков и части Наварры; снимаются все запреты, связанные с языком и культурой; обучение в школах в массовом порядке начинает осуществляться на баскском, причём на едином литературном языке, который постепенно внедряется в систему образования; основан Государственный Университет Страны Басков; растёт число знающих баскский язык среди тех, кто раньше его не знал или же забыл в силу разных обстоятельств, а также распространяется грамотность среди тех, кто умел говорить, но никогда не имел возможности научиться читать и писать на родном языке.

2.2. Русская художественная литература на баскском языке с 1982 по 1994

С точки зрения количества переводимых текстов это самый плодотворный период во всей истории перевода русской литературы на баскский язык: с 1982 по 1994 было издано 45 русских литературных произведений на баскском языке. Речь идёт о 24 русских писателях, переведённых 20 баскскими переводчиками (табл. 2).

В период с 1982 по 1994 гг., за исключением 1989 и 1992 гг., каждый год издавалось хотя бы одно русское произведение на баскском языке. Это означает, что в течение 12 лет было переведено в среднем почти четыре произведения в год, а это вполне приличные результаты, учитывая все вышеуказанные обстоятельства (рис. 1).

Переводы 1982–1994

Год издания (баскский)	Название (баскский)	Название (русский)	Автор оригинала	Автор(ы) перевода	Издательство	Жанры
1982	<i>Sudurga</i>	Нос	Тоголь Н.В.	Kalekumeak kol.	Elkar	Рассказы/повести
1983	<i>Neure ama</i>	Мама	Евтушенко Е.А.	S. Opaindia	Журнал Oleriti	Поэзия
1984	<i>Dersu Uzala</i>	<i>Дерсу Узала</i>	Арсеньев В.К.	I. Iñurrieta	Изд. Nordago	Роман
1984	<i>Bihotz ahula</i>	<i>Слабое сердце</i>	Достоевский Ф.М.	J. Lasa	Изд. Nordago	Рассказы/повести
1984	<i>Ez naiz belu jaio</i>		Евтушенко Е.А.	S. Opaindia	Журнал Oleriti	Поэзия
1985	<i>Poetak</i>	<i>Стихи</i>	Ахмагова А.А.	L. Mintegi	Журнал Tu ttua	Поэзия
1985	<i>Idarokimena</i>	<i>Вдохновение</i>	Бабель И. Э.	A. Eguzkitza	Ramiela	Рассказы/повести
1985	<i>Zein-leinka</i>	<i>Карьера</i>	Евтушенко Е.А.	S. Opaindia	Журнал Oleriti	Поэзия
1985	<i>Daitokeena da bihar hiltzea</i>	<i>И может быть, я завтра умру</i>	Лермонтов М.Ю.	A. Argana	Журнал Hotsizki 2	Поэзия
1985	<i>Alegiak</i>	<i>Басни</i>	Толстой Л.Н.	B. Madina	Изд. La primitiva Casa Baroja	Рассказы/повести
1985	<i>Ispilu okerra</i>	<i>Кривое зеркало</i>	Чехов А.П.	P. Zabaleta	Журнал Hegan	Рассказы/повести
1986	<i>Eskiak gogortzen niñuen, palto ilunaren pean... / Azken aldiko kantua</i>	<i>Сжала руки под тёмной вуалью... / Песня последней встречи</i>	Ахмагова А.А.	I. Borda	Журнал Maiazki 2	Поэзия

Таблица 2 (продолжение)

1986	I/II	Из неосуществлённой книги «Великие поэты века»	Берггольд О.Ф.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Utz nezazu, zozaz menturaz	??	Галкина Н.В.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Hiri nagusiko		Евтушенко Е.А.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Nere sortertian bizitzeaz aspertua naiz	Устал я жить в родном краю...	Есенин С.А.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Parke menditsu, nahasi, buruhaitse... /Beldur eta ikara, beldur eta ikara, beldurra...	Холмистый, путаный, сквозной, головоломный Парк /...	Кушнер А.С.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Poetaren heriotza/ Untzia	Смерть поэта / Парус («Белеет парус одинокий...»)	Лермонтов М.Ю.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Eiortzeiko diren aroen balore durrundatsuen-gatik/Hotzaz dut dardar egiten	Есть ценностей незыблемая скала? / Я вздрагиваю от холода	Мандельштам О.Э.	A. Eguzkitza	Журнал Maiatz12	Поэзия

Таблица 2 (продолжение)

1986	Etorri gara / 150000000 obratik poesia zatiak / Esperantzaz	Мы идем? / 150000000 / На- дежда	Маяковский В.В.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Normalik bezala: maiatzi dut / Iruin latza	Я тоже любил / Страшная сказка	Пастернак Б.Л.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Antxarria	Анчар	Пушкин А.С.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Lasto usaina zegoen / Baihikako goizalde zapuztu hori bera	Пахло соломою в сарае... / Под утро?	Самойлов Д. (Кауфман)	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Dantza izarren aintzimean / Negua oihanean / Gero eta errea- goko bizitzaren...	Пляшет перед звёздами звезда... / Зима в лесу/??	Тарковский А.А.	I. Borda	Журнал Maiatz12	Поэзия
1986	Atezain eskolatua	Умный дворник	Чехов А.П.	P. Zabaleta	Журнал Hegap	Рассказы/повести
1986	Vanka	Ванька	Чехов А.П.	D' de l'A	Журнал Чисту & Тамболин	Рассказы/повести
1987	Bi kontu Petersburgoko	Петербургские новости	Гоголь Н.В.	P. Sastre	Изд. Txertoa	Рассказы/повести

Таблица 2 (продолжение)

1987	<i>Basarizitia</i>	Медведь	Чехов А.П.	V. Lasa	Изд. La primitiva Casa Baroja	Театр
1987	<i>Ezkopitzarako Baimena</i>	Предложение	Чехов А.П.	V. Lasa	Изд. La primitiva Casa Baroja	Театр
1988	<i>Mediku baten oroitzapenak</i>	Записки юного врача	Булгаков М.А.	V. Lasa	Изд. La primitiva Casa Baroja	Рассказы/повести
1990	<i>Eguzkiaren sartaldearantz</i>	Иван Толокно — труженник войны (В сторуку заката солнца)	Плагонов А.	K. Santisteban	Журнал Эгач 3	Рассказ
1990	<i>Neba-arreba</i>	Каши (рассказ о долге)	Федин К.А.	K. Santisteban	Журнал Эгач 3	Рассказ
1990	<i>Iruinak: Etsaiak / Seigarren pabilioia / Fraide beltza/Anna Ieroan / Etxe ganbaraduna/Dama txakurtxoduna/</i>	Повести	Чехов А.П.	X. Mendiguren	Изд. Ibaizabal	Рассказы/повести
1991	<i>Lehenengo maisua</i>	Первый учитель	Айтматов Ч.Т.	J.M. Lasa	Изд. Elkar	Рассказы/повести

Таблица 2 (окончание)

1991	<i>Hilargi betea</i>	Полный месяц встал над лугом...	Блок А.А.	J. Sarrionaindia	Изд. Elkar	Поэзия
1991	<i>Zinadearn kottika</i>	По городу бегал чёрный чело- век...	Блок А.А.	J. Sarrionaindia	Изд. Elkar	Поэзия
1991	<i>Hodeiak</i>	Тучи	Лермонтов М.Ю.	J. Sarrionaindia	Изд. Elkar	Поэзия
1991	<i>Bela izara</i>	Парус («Белеет парус одино- кой»)	Лермонтов М.Ю.	J. Sarrionaindia	Изд. Elkar	Поэзия
1991	<i>Goiz argiarekin</i>	Свободы сея- тель пустынь- ный...	Пушкин А.С.	J. Sarrionaindia	Изд. Elkar	Поэзия
1991	<i>Bohertiar kanta</i>	Цыганы	Пушкин А.С.	J. Sarrionaindia	Изд. Elkar	Поэзия
1991	<i>Iván Piltzen heriotza</i>	Смерть Ивана Ильича	Толстой Л.Н.	Х. Mendiguren	Изд. Ibaizabal	Рассказы/повести
1993	<i>Longaina</i>	Шинель	Гоголь Н.В.	Х. Mendiguren	Изд. Erein	Рассказы/повести
1993	<i>Jokalaria</i>	Игрок	Достоевский Ф.М.	A. Garikano	Изд. Ibaizabal	Роман
1993	<i>Roemak</i>	Стихи	Маяковский В.В.	K. Izagirre	Изд. Susa	Поэзия
1994	<i>Jamilia</i>	Джамиля	Айтматов Ч.Т.	J. K. Igerabide	Изд. Elkar	Рассказы/повести

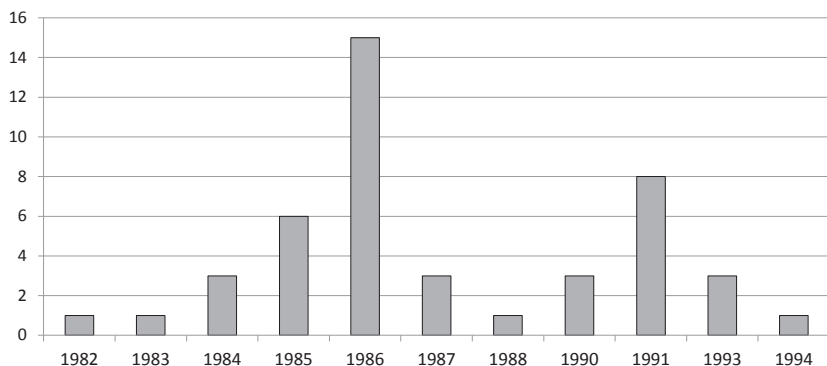

Рисунок 1. Количество переводов по годам (1982–1994)

Большое количество публикаций в 1986 г. обусловлено тем, что в этом году литературный журнал «Майац» выпустил специальный номер, посвящённый русской поэзии, и примерно то же самое происходит в 1991 г., когда шесть из восьми произведений включены в сборник мировой поэзии, выпущенный в этом же году. Тем не менее, важно, что наблюдается устойчивая тенденция к росту переводческой деятельности в течение этих 12 лет.

Налицо также ещё одна существенная разница по сравнению с предыдущим этапом: меняется состав жанров переводимых текстов (табл. 3).

Таблица 3

Переводимые жанры (1956–1994)

Жанр	1956–1970		1982–1994	
	Кол.	%	Кол.	%
Поэзия	6	86	25	56
Рассказы/повести	1	14	16	36
Романы	–		2	4
Пьесы	–		2	4
Итого	7	100	45	100

Наблюдается переход к более повествовательным жанрам, то есть переводимые тексты становятся всё более длинными и сложными: несмотря на продолжающееся превосходство поэзии (56% всего переведённого против 86% на предыдущем этапе), увеличивается доля рассказов/повестей до 36% (против 14% первого этапа) и даже переводятся две пьесы («Медведь» и «Предложение»

А.П. Чехова), но, наверное, самым важным моментом с жанровой точки зрения является появление первых двух русских романов на баскском языке: «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева (1984) и «Игрок» Ф.М. Достоевского (1993). Разумеется, прозаические жанры, будь то роман, повесть или рассказ, с переводоведческой точки зрения более значительны, поскольку переводить роман — намного более долгий и трудоёмкий процесс, который требует больше времени, усилий и средств как от переводчика, так и от других участников литературной полисистемы (читателей, издателей и т.п.), в то время как поэзию можно переводить относительно быстро и легко, по крайней мере, если речь идёт об отдельных стихотворениях.

2.3. Переведённые русские писатели (1982–1994)

Что касается набора русских писателей, переведённых за эти годы, примечательно то, что они поделены почти поровну между авторами XIX и XX веков (рис. 2).

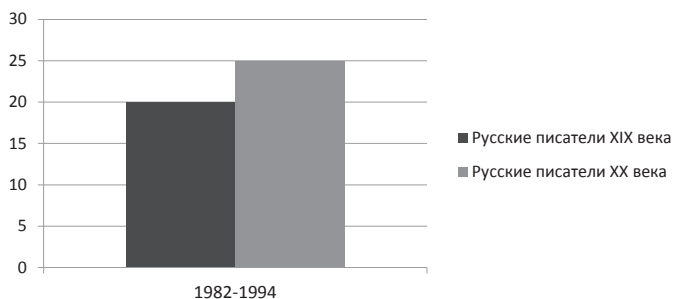

Рисунок 2. Переводимые русские авторы (1982–1994)

Очевидно, что выбор переводимых жанров и авторов в эти годы остаётся весьма произвольным и зависящим от отдельных переводчиков или же издателей, но всплеск энергии и переводческой деятельности, произошедший в данный период, обеспечил знакомство баскскоязычной публики с самыми различными русскими писателями.

Самыми переводимыми авторами оказались А.П. Чехов (6 раз), Е.А. Евтушенко и М.Ю. Лермонтов (каждый по 4 раза), А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь (по 3 раза), Л.Н. Толстой, А.А. Ахматова, Ч.Т. Айтматов, В.В. Маяковский, А.А. Блок, Ф.М. Достоевский (по 2 раза) и всего один раз за этот период вышли произведения Б.Л. Пастернака, И.Э. Бабея, С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама, А. Платонова, В.К. Арсеньева, О.Ф. Бергхольца, Н.В. Галкиной, А.С. Кушнера, Д. Самойлова (Кауфмана), А.А. Тарковского, К.А. Федина и М.А. Булгакова.

Ещё одно важное изменение касается каналов распространения этих переводов. Все шесть переводов, опубликованных с 1950 по 1970 годы, появились в трёх журналах, тогда как в 80-е годы начинают играть значительную роль первые местные издательства, возникшие в конце 70-х. Кроме того, одновременно открываются и новые, более разнообразные журналы. В итоге из 45 произведений, переведённых с 1982 по 1994 год, 51% (23 произведения) вышли в 7 журналах, а остальные 49% (22 произведения) появились в 8 издательствах (рис. 3).

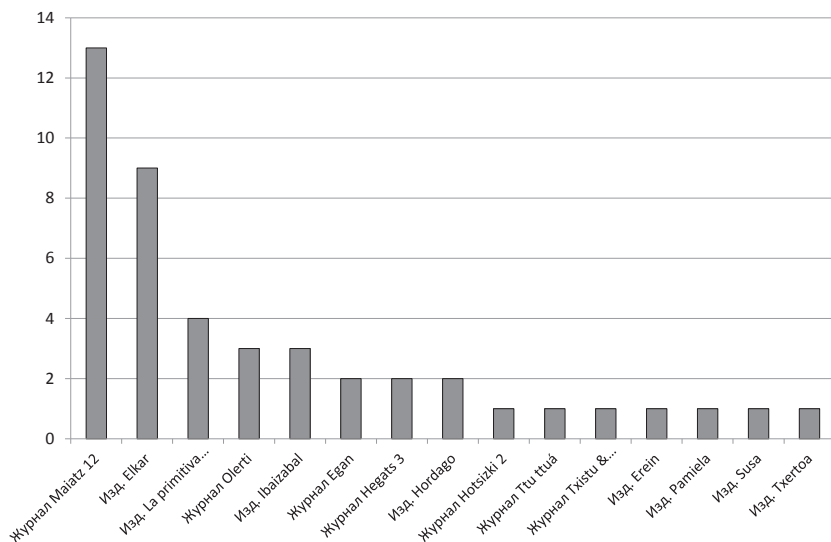

Рисунок 3. Журналы и издательства (1982–1994)

3. Третий этап — «Зрелость» (1995–2017)

3.1. Общая обстановка

Третий этап начинается в 1995 г., и можно сказать, что он ещё не закончился, поскольку речь идёт именно о том этапе, на котором мы находимся сейчас, но мы ограничили период исследования 2017 годом.

1995 год знаменателен для баскского перевода русской литературы тем, что роман «Мать» М. Горького был переведён на баскский напрямую с русского оригинала. Это первый случай, когда баскский переводчик владеет русским языком на уровне, позволяющем переводить литературное произведение, не прибегая (или почти не прибегая) к языку-посреднику.

Переводы 1995–2017

Год издания (баскский)	Название (баскский)	Название (русский)	Автор оригинала	Автор(ы) перевода	Издательство	Жанры	Прямой перевод
1995	<i>Ama</i>	<i>Мать</i>	Горький М.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман	ДА
1996	<i>Salтан erregea</i>	<i>Сказка о царе Салтане</i>	Пушкин А.С.	J. Morales	Изд. Descàler de b.	Поэзия	ДА
1996	<i>Gure garaiako heroiak</i>	<i>Герой нашего времени</i>	Лермонтов М.Ю.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман	ДА
1996	<i>Kapitainaren alaba</i>	<i>Капитанская дочка</i>	Пушкин А.С.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман	ДА
1997	<i>Samovar/ margazkiak</i>	<i>Самовар</i>	Горький М.	A. Agistondo	Изд. Aizkorri	Рассказы/ повести	НЕТ
1997	<i>Logalea</i>	<i>Спать хочется</i>	Чехов А.П.	J.M. Mendizabal	Изд. Erein	Рассказы/ повести	НЕТ
1998	<i>Arima hilak</i>	<i>Мёртвые души</i>	Гоголь Н.В.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман	ДА
1998	<i>Zaldi baten historia</i>	<i>Холстомер</i>	Толстой Л.Н.	J. L. Eguireun	Изд. Mensajero	Рассказы/ повести	НЕТ
1999	<i>Aita-semeak</i>	<i>Отцы и дети</i>	Тургенев И.С.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман	ДА
1999	<i>Tabakoak dakarren kalteaz</i>	<i>О вреде табака</i>	Чехов А.П.	Labaygu	Журнал Zubizabal	Театр	НЕТ
2000	<i>Stalin</i>	<i>Мы живем, под собою не чуя страны</i>	Мандельштам О.Э.	H. Cano	Изд. Eizie-Erein	Поэзия	НЕТ
2001	<i>Lurraren kantua/ Mendien iztea</i>	<i>¿?</i>	Высоцкий В.С.	A. Etxeberri	Журнал Maiatz 35	Другие	НЕТ
2001	<i>Txakur-bihotza</i>	<i>Собачье сердце</i>	Булгаков М.А.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман	ДА

Таблица 4 (продолжение)

2004	Rofhschild-en biolina	Скрипка Рот- ильда	Чехов А.П.	J. Morales	Http://armitarma. eus/	Рассказы/ повести	ДА
2004	Iraburiko esploratzailea	Полярный иссле- дователь	Бродский И.А.	K. Izagirre	КЦ К. Mitxelena	Поэзия	НЕТ
2004	Eskale filosofoa	Проходимец	Горький М.	X. Galaretta	Изд. Hiria	Рассказы/ повести	НЕТ
2005	Azken gutuna eta beste	Последнее письмо бесте	Гроссман В.А.	F. Juaristi	Изд. Erein	Роман	НЕТ
2006	Zazpi irkatiak	Рассказ о семи повешенных	Андреев Л.Н.	J. Morales	Изд. Alberdania- Elkar	Роман	ДА
2006	Zalditegia gorgia	Конармия	Бабель И.Э.	О.М. de Marigor- ta / R. Serrano	Изд. Alberdania- Elkar	Роман	ДА
2007	Lehen abisua	Первое предуп- реждение...	Ахмадова А.А.	I. Borda	Журнал Maiatz 45	Поэзия	НЕТ
2007	Don ibaiako irupinak	Донские рассказы	Шолохов М.А.	О.М. de Marigor- ta / R. Serrano	Изд. Alberdania- Elkar	Роман	ДА
2008	Konpromisoa	Компромисс	Довлатов С.Д.	I. Sancho	Изд. Hiria	Роман	ДА
2009	Piknika izotzetan	Пикник на льду	Курков А.Ю.	О.М. de Mari- gor- ta	Изд. Alberdania	Роман	ДА
2009	Ez naiz kehi, ez naiz borrokatzen...	Не думаю, не жа- луюсь, не спорю...	Цветаева М.И.	H. Etxarte (Ihes ederra)	Изд. Alberdania	Поэзия	НЕТ
2009	Lubakia	Коплован	Плагонов А.	I. Sancho	Изд. Alberdania- Elkar	Роман	ДА
2011	Zenbat lur behar ditu gizon batek?	Много ли челове- ку земли нужно	Толстой Л.Н.	M. Vilches	Изд. Depon artean	Рассказы/ повести	НЕТ

Таблица 4 (окончание)

2011	<i>Vilaaqapen A.repa</i>	<i>Исповедь хулигана</i>	Есенин С.А.	R. Serrano / J.R. Makuso	Журнал Ытууя 41	Поэзия	ДА
2013	<i>Lehen atooidoa</i>	<i>Первая любовь</i>	Набоков В.В.	J. Lagrínaga	Http://argmiarma.eus/	Поэзия	НЕТ
2013	<i>Zer da artea?</i>	<i>Что такое искусство?</i>	Толстой Л.Н.	A. Gortotxategi	Изд. Meetok	Рассказы/ повести	НЕТ
2014	<i>Euria ari ziuen</i>	<i>Шёл дождь</i>	Орлова А.	G. Arruga	Изд. Eizie	Другие	НЕТ
2015	<i>Salbokonduktoa</i>	<i>Охранная грамога</i>	Пастернак Б.Л.	K. Izagirre	Http://argmiarma.eus/	Поэзия	НЕТ
2015	<i>Maleta</i>	<i>Чемодан</i>	Довлатов С.Д.	A. Aralauza Ollo	Изд. Erein-igela	Роман	НЕТ
2016	<i>Requiem</i>	<i>Реквием</i>	Ахматова А.А.	J. Landa	Http://argmiarma.eus/	Поэзия	НЕТ
2016	<i>Katuek bai zorige ona</i>	<i>Счастливые кошки</i>	Петрушевская Л.С.	J. Zabaleta	Http://argmiarma.eus/	Рассказы/ повести	НЕТ
2016	<i>Vikaqaqapen roseta</i>	<i>Поэма конца</i>	Цветаева М.И.	J. Landa	Http://argmiarma.eus/	Поэзия	НЕТ
2017	<i>Serrak ez du etakimite aipregirik</i>	<i>У войны не женское лицо</i>	Алексеевич С.А.	I. Sancho	Изд. Elkarg	Роман	ДА
2017	<i>Filiala</i>	<i>Филиал</i>	Довлатов С.Д.	A. Aralauza / A. Huarte	Изд. Katakarak	Роман	ДА
2017	<i>Nadji-Murat</i>	<i>Хаджи Мурат</i>	Толстой Л.Н.	J. Zabaleta	Изд. Meetok	Рассказы/ повести	НЕТ

Последнее десятилетие XX века и первые два десятилетия XXI века представляют собой самый продвинутый этап развития деятельности баскских переводчиков русской литературы. Прошло сорок лет с момента перехода в демократию, и на смену баскскому культурному и языковому возрождению 80-х пришла эпоха бóльшей стабильности, более прочных культурных, языковых, литературных структур. Несколько поколений школьников и студентов, учившихся на баскском языке, способствовали увеличению не только читательской аудитории, но и числа писателей и профессиональных переводчиков. Образованы несколько издательств, наряду с Союзом Писателей и Союзом Переводчиков. Кроме того, помимо значительной государственной поддержки со стороны местных органов власти, увеличились и другие источники финансирования.

3.2. Русская художественная литература на баскском языке с 1995 по 2017-й

Можно утверждать, что последние 23 года (1995–2017) представляют собой период наибольшего процветания в области перевода на баскский язык произведений русскоязычных писателей, особенно с качественной точки зрения. С 1995 по 2017 издано 38 произведений: 22 баскских переводчика перевели тексты 26 русских писателей (табл. 4).

Таблица 5

Количество переводов по годам (1995–2017)

Год	Кол.	Год	Кол.
1995	1	2007	2
1996	3	2008	1
1997	2	2009	3
1998	2	2010	0
1999	2	2011	2
2000	1	2012	0
2001	2	2013	2
2002	0	2014	1
2003	0	2015	2
2004	3	2016	3
2005	1	2017	3
2006	2		
Итого: 38			

За 23 года почти каждый год переводилось как минимум одно произведение русской литературы. Исключение составляют только 2002, 2003, 2010 и 2012 годы (табл. 5).

Если между первым и вторым этапом наблюдался переход к более повествовательным жанрам, то на третьем этапе, начиная с 1995 г., этот процесс в значительной степени усиливается, так как поэзия стремительно теряет позиции в пользу прозаических жанров (табл. 6).

Таблица 6

Переводимые жанры (1956–2017)

Жанр	1956–1970		1982–1994		1995–2017	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Поэзия	6	86	25	56	10	26
Рассказы/повести	1	14	16	36	9	23
Романы	–		2	4	16	42
Пьесы	–		2	4	1	4
Песни	–	–	–	–	2	5
Итого	7	100	45	100	38	100

Стихи составляют 26% всего переведённого (лишь 10 произведений за 23 года), в то время как доля чисто повествовательных жанров увеличивается до 65% переведённых текстов, причём на данном этапе рассказы и повести начинают уступать место романам. Рассказов/повестей становится меньше (23% всего переведённого против 36% на предыдущем этапе), зато самым переводимым видом текста становится роман, что с точки зрения переводческой деятельности является значительным шагом вперёд: с 1995 по 2017-й переводятся 16 романов — на 14 больше, а это почти половина (42%) всех текстов, переведённых за все эти годы.

Что касается каналов распространения этих переводов, можно сказать, что ситуация развивается в полном соответствии с изменениями, происходящими в обществе: во-первых, продолжается тенденция к росту доли издательств по сравнению с журналами: 74% изданий (28 из 38) в течение последних двадцати двух лет выпускаются издательствами (отдельными усилиями или же в результате совместных проектов), тогда как в журналах появились всего четыре перевода (10%). Это говорит об относительной зрелости баскской литературной системы, по сравнению с предыдущим этапом и о ситуации, которая всё более сопоставима с другими, более развитыми литературными системами.

Интересно, что стремительное развитие современных информационных технологий привело к тому, что шесть переводов (16%) появились на веб-сайте <https://armiarma.eus/>, посвящённом различным аспектам баскской литературы, несмотря на то, что администратором сайта является всё-таки издательство (рис. 4).

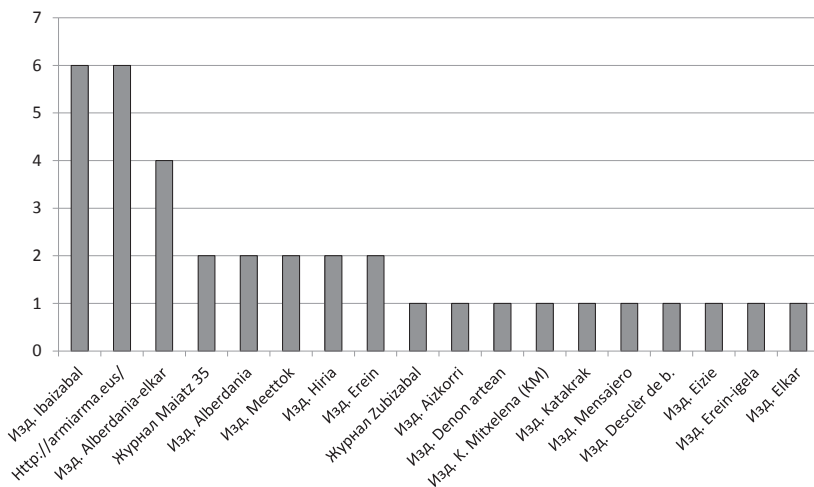

Рисунок 4. Журналы и издательства (1995–2017)

3.3. Переведённые русские писатели (1995–2017)

Подавляющее большинство русских литературных произведений, опубликованных на баскском языке за последние годы, принадлежат авторам, которые жили и работали в XX веке (рис. 5).

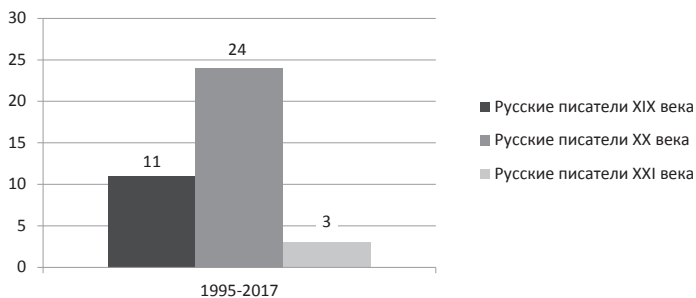

Рисунок 5. Переводимые русские авторы (1995–2017)

За последние два десятилетия баскскоязычный читатель смог ознакомиться на родном языке с романами М. Горького, М.Ю. Лер-

монтова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, М.А. Булгакова, В.А. Гроссмана, И.Э. Бабеля, Л.Н. Андреева, М.А. Шолохова, С.Д. Довлатова, А. Платонова, А.Ю. Куркова и С.А. Алексиевич, а также с рассказами и повестями А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.М. Горького, Л.С. Петрушевской, с одной пьесой А.П. Чехова и со стихотворениями А.С. Пушкина, О.Э. Мандельштама, И.А. Бродского, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, С.А. Есенина, В.В. Набокова, Б.Л. Пастернака.

3.4. Переход к прямому переводу русской литературы на баскский язык

За последние 23 года произошёл расцвет непосредственного перевода с русского на баскский язык. Это очень важный момент потому, что знание русского языка баскскими переводчиками подразумевает и прямое знакомство с исходной культурой и с особенностями национального характера, что совсем немаловажно для перевода художественных текстов.

В течение почти 40 лет, с 1956 по 1994-й, во всех баскских переводах русской литературы использовались языки-посредники, но с 1995 г. ситуация радикально изменилась. С тех пор, как переводчик Хосе Моралес перевёл «Мать» М. Горького прямо с оригинала, почти половина всего переведённого (45% или 17 произведений из 38) является прямым переводом. Это значительный качественный скачок в истории перевода русской литературы на баскский язык. При этом важно отметить, что кроме рассказа «Скрипка Ротшильда» А.П. Чехова и двух поэтических изданий («Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина и собрание стихотворений С.А. Есенина) все остальные произведения, переведённые прямо с русского языка — романы (табл. 7).

3.5. Баскские писатели в роли переводчиков иностранной литературы

О центральной роли перевода «в молодой литературе, находящейся в процессе становления и ещё не сложившейся в полисистему», по словам Эвен-Зоухара, свидетельствует в том числе и тот факт, что 25 переводчиков из 43 (58%), которые когда-либо занимались переводом русской художественной литературы на баскский язык, сами являются писателями: среди них такие знаменитые в Стране Басков авторы, как Ичаро Борда, Йосеба Саррионаиндия, Кольдо Исагирре, Андолин Эгускица, Хуан Круз Игерабиде, Фелипе Хуаристи, Аркайц Кано, Эдой Эчарте и др.

В чём причина столь активного участия знаменитых писателей в ознакомлении публики с зарубежной литературой, при том, что

Прямой русско-баскский перевод

Год издания (баск.)	Название (баск.)	Название (русск.)	Автор оригинала	Авторы перевода	Издательство	Жанры
1995	<i>Ama</i>	<i>Мать</i>	Горький М.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман
1996	<i>Salban etregea</i>	<i>Сказка о царе Салтане</i>	Пушкин А.С.	J. Morales	Изд. Descl�er de b.	Поэзия
1996	<i>Kapitainaren alaba</i>	<i>Капитанская дочка</i>	Пушкин А.С.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман
1996	<i>Gure gargaiko heroi�a</i>	<i>Герой нашего времени</i>	Лермонтов М.Ю.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман
1998	<i>Arima hilak</i>	<i>Мёртвые души</i>	Гоголь Н.В.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман
1999	<i>Aita-semeak</i>	<i>Отцы и дети</i>	Тургенев И.С.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман
2001	<i>Txakur-bihotza</i>	<i>Собачье сердце</i>	Булгаков М.А.	J. Morales	Изд. Ibaizabal	Роман
2004	<i>Rothschild-en biolina</i>	<i>Скрипка Ротшильда</i>	Чехов А.П.	J. Morales	http://argiarma.eus/	Рассказы/ повести
2006	<i>Zalditeria gorria</i>	<i>Конармия</i>	Бабель И.Э.	О. М. de Marigorta / R. Serrano	Изд. Alberdania-elkar	Роман
2006	<i>Zazpi urkatuak</i>	<i>Рассказ о семи повешенных</i>	Андреев Л.Н.	J. Morales	Изд. Alberdania-elkar	Роман
2007	<i>Don ibaiko iruinak</i>	<i>Донские рассказы</i>	Шолохов М.А.	О. М. de Marigorta / R. Serrano	Изд. Alberdania-elkar	Роман
2008	<i>Koprotmisoa</i>	<i>Компромисс</i>	Довлатов С.Д.	I. Sancho	Изд. Hiria	Роман
2009	<i>Libakia</i>	<i>Котлован</i>	Платонов А.	I. Sancho	Изд. Alberdania-elkar	Роман
2009	<i>Piknika izotzetan</i>	<i>Пикник на льду</i>	Курков А.Ю.	О. М. de Marigorta	Изд. Alberdania	Роман
2011	<i>Bilaiaeren A.rena</i>	<i>Исповедь хулигана</i>	Есенин С.А.	R. Serrano / J.R. Ma- kuso	Журнал Senez 41	Поэзия
2017	<i>Filiala</i>	<i>Филиал</i>	Довлатов С.Д.	A. Aralauza Oll�o / A. Huarte	Изд. Katakrak	Роман
2017	<i>Gertak ez du eta- kute aurpegi�rik</i>	<i>У войны не женское лицо</i>	Алексиевич С.А.	I. Sancho	Изд. Elkar	Роман

она является частью далёкой, чуждой для баскскоязычного мира культуры?

Естественно, мировой престиж самой русской литературы играет определённую роль в этом положении вещей, но дело в том, что русская литература пользуется успехом во всём мире, однако далеко не везде встречается такая ситуация, когда больше половины переводов осуществляется местными писателями, а не профессиональными переводчиками. Данная ситуация объясняется несколькими причинами.

Во-первых, следует иметь ввиду, что баскский писатель больше читает на других языках, чем на том языке, на котором он сам пишет свои произведения. Это объясняется тем, что в соседних, доминирующих культурах выбор литературы несравненно больше благодаря более развитому литературному рынку. Перевод любимого русского, испанского или немецкого писателя на свой язык также может служить своеобразной «тренировкой» для приобретения писательского мастерства. Речь может также идти о желании писателя понять, как его любимые авторы «звучат» или же «должны звучать» на баскском языке. В этом, разумеется, есть личное удовольствие, но и более или менее сознательная попытка усвоения готовых литературных моделей в пользу родного языка.

Высокая степень вовлечённости баскских писателей в процесс перевода на свой язык любимых писателей из других стран — несомненна. Не зря известный баскский писатель Анхэл Лерчунди говорит, что «перевод — одна из главных движущих сил процесса стандартизации нашего языка. Для того, чтобы создать роман на баскском языке крайне важны переводы иностранных писателей...» (газета “El Pais” 2001-06-04).

Что касается профессиональных переводчиков, в последние десятилетия их стало значительно больше, прежде всего благодаря статусу государственного языка, отчего сильно возросла потребность в переводе разного вида официальных и неофициальных документов. Однако, когда речь идёт о художественной литературе, то значительно увеличивается роль писателей и вообще всех добровольных энтузиастов, увлекающихся литературой.

4. Заключение

Благодаря вышеизложенному анализу мы делаем вывод, что история перевода русских художественных текстов на баскский язык — сложный и многогранный процесс. Тут переплетаются различные факторы социального, языкового, исторического и даже политического характера. В течение 61 года, баски — их язык,

культура — перенесли много потрясений, но вместе с этим всегда присутствовало стремление подключиться к мировым процессам в области культуры и литературы. Позади 61 год переводческой практики и 91 переведённое произведение, и можно смело утверждать, что цель присоединения к мировым стандартам по переводу, в том числе, русской литературы достигнута, несмотря на понятные ограничения в численности говорящего и читающего населения.

Мы выделили три этапа развития.

Первый из них (1956–1970) довольно чётко отделён от двух остальных тем, что проходил в рамках диктатуры, которая весьма враждебно относилась к развитию баскской культуры. Это наложило сильный отпечаток на всю культурную жизнь и не только на перевод художественной литературы.

Грань между вторым (1982–1994) и третьим (1995–2017) этапами не так однозначна, поскольку в середине 90-х речь идёт не о резких переменах социального строя; тут имеет место плавный и постепенный переход из энтузиазма 80-х к более зрелому, трезвому и качественному процессу перевода русской литературы на баскский язык. Но всё же публикация романа «Мать», первого прямого русско-баскского перевода художественного текста, служит переломным моментом для проведения различия между вторым и третьим этапами.

Каждый из этих трёх этапов носит весьма специфический характер:

- С 1956 по 1970-й предпринимаются первые попытки проложить мосты между русской литературой и баскскоязычными читателями. Эти первые переводчики трудились в тяжелейших условиях, но в результате им всё-таки удалось выпустить семь первых русских произведений на баскском языке.

- С 1982 по 1994-й переводческая деятельность по отношению к русской литературе набирает обороты. Наблюдается увеличение числа переводов, переводчиков, издательств, журналов... Создаётся целая отрасль перевода. Мы говорим о времени, когда после долгих лет репрессий и «серой», безынициативной культурной жизни, неизбежные недостатки компенсируются за счёт энтузиазма и всплеска энергии.

- Период с 1995 г. по настоящее время представляет собой кульминацию процесса становления подотрасли перевода русской литературы в рамках отрасли перевода мировой литературы в целом. На смену энтузиазму предыдущих лет приходит опыт и более высокий уровень профессионализма.

В конечном итоге можно сказать, что за этот 61 год были заложены основы для будущего развития перевода русской литературы на баскский язык.

Список литературы

- Even-Zohar I.* Polysystems today. Tel Aviv: Porter Institute, 1990. Т. 11 (1).
Even-Zohar I. The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem. Literature and Translation: New Perspectives in Literary Studies with a Basic Bibliography of Books on Translation Studies. Leuven: Acco, 117–127,
Holmes J., Lambert J. Leuven: Acco, 1978.
Podgurski E. y Aguado A. Cuentos completos [Libro]. Madrid: Aguilar, 1953.
Torrealdai J.M. El libro negro del euskera. Bilbao: Ttartalo, 1998.
Toury G. A rationale for Descriptive Translation studies. The Manipulation of Literature: Studies in Literary translation, авт. книги Hermanns T. London — Sidney: Croom — Helm, 1985.
Toury G. Descriptive Translation Studies — and beyond. Amsterdam: John Benjamins, 1995.
Toury G. In Search of a Theory of Translation [Книга]. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics, 1980.

Iker Sancho Insausti,

PhD in Philology, Associate Professor at the University of Basque Country (EHU-UPV), Spain; e-mail: iker.sancho@ehu.eus

CONTRIBUTION OF RUSSIAN LITERATURE TO THE ESTABLISHMENT OF THE BASQUE LITERARY SYSTEM: 1956–2017

The history of publications of Russian literature in the Basque language is a long-standing process with a great number of historical, social and even political driving factors. The agenda of translating Russian literature into Basque spans more than 60 years: ninety-one Russian literary works were published in the Basque language between 1956 and 2017. The history of this process can be divided into three development stages: the first stage (1956–1970) covers the second half of Franco's dictatorship. The second stage (1982–1994) ranges from the restoration of democracy to 1994. The third period (1995–2017) begins with the first direct translation from Russian into Basque and ends in 2017, when the last Russian novel was published in Basque.

Key words: Russian literature, Basque language, translation, literary polysystem.

References

Even-Zohar I. The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem. *Literature and Translation: New Perspectives in Literary Studies with a Basic Bibliography of Books on Translation Studies*. Leuven: Acco, 117–127, *Holmes J., Lambert J.* Leuven: Acco, 1978.

Even-Zohar I. Polysystems today. Tel Aviv: Porter Institute, 1990. Т. 11 (1).

Podgurski E. y Aguado A. Cuentos completos [Libro]. Madrid: Aguilar, 1953.

Torrealdai J.M. El libro negro del euskera. Bilbao: Ttartalo, 1998.

Toury G. In Search of a Theory of Translation [Книга]. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics, 1980.

Toury G. A rationale for Descriptive Translation studies. *The Manipulation of Literature: Studies in Literary translation*, авт. книги Hermanns T. London — Sidney: Croom — Helm, 1985.

Toury G. *Descriptive Translation Studies — and beyond*. Amsterdam: John Benjamins, 1995.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Л.М. Алексеева,

профессор кафедры лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет,
e-mail: alm@psu.ru

С.Л. Мишланова,

профессор, заведующий кафедрой лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет,
e-mail: mishlanovas@mail.ru

ПУТЬ К ДИСКУРСИВНОМУ ТЕРМИНОВЕДЕНИЮ (К 90-ЛЕТИЮ В.М. ЛЕЙЧИКА)

Статья посвящена исследованию терминологического наследия известного лингвиста, одного из основателей отечественной теории термина, Владимира Моисеевича Лейчика. Рассмотрение главных проблем, решаемых в его научных трудах, а также анализ динамики его творческих взглядов на природу термина осуществляется на основе определённой периодизации его научного творчества. Показана роль исследователя в формировании основ когнитивного направления в терминоведении, предопределяющего зарождение дискурсивного терминоведения.

Ключевые слова: термин, терминоведение, функционирование термина, когнитивное терминоведение, дискурсивное терминоведение.

Тема нашей статьи ассоциируется с одной из работ В.М. Лейчика «Стереотипность и творчество в дискурсе (рапсодия в стиле «дискурс»)», опубликованной в Пермском государственном национальном исследовательском университете в 2009 г. В данной работе В.М. Лейчик, оценивая роль дискурсивного направления в науке, писал о том, «что появление и углубление исследования междисциплинарного концепта дискурса обогатило современную науку, позволив ей связать традиционные лингвистические знания и навыки с современными достижениями когнитологии, культурологии, теории коммуникации и других современных наук и научных дисциплин» [Лейчик, 2009: 72]. Мы видим, что В.М. Лейчик, всегда тяготевший к исследованию диалектических феноменов, рассматривал дискурс как перспективное направление, способное обогащать предметы многих наук. В данном высказывании нам видится глубокий интерес исследователя к ещё не проясненной области

знания и одновременно удовольствие от найденного направления, отвечающего его внутренним стремлениям в отношении будущего развития терминоведения.

Владимир Моисеевич Лейчик (1928–2013) является одним из основателей отечественного терминоведения [Алексеева, Мишланова, 2014; Гринева, 1993; Татаринова, 1996, 2006]. Статья посвящена описанию динамики терминоведческих исследований В.М. Лейчика и его роли в формировании современной теории термина. Раскрывая смысл пути как эволюции взглядов на природу термина, мы придаём большое значение идеям В.М. Лейчика о характере развития объекта и предмета современного терминоведения. Эволюция терминоведческих воззрений В.М. Лейчика наглядно отражается в названиях его научных трудов: «Место терминологии в системе современных наук» (1969), «Об относительности существования термина» (1971), «О языковом субстрате термина» (1986), «Изучение термина в тексте» (1987), «Предмет, методы и структура терминоведения» (1989), «Особенности функционирования терминов в тексте» (1990), «Применение системного подхода для анализа терминосистем» (1993), «Обоснование структуры термина как языкового знака понятия» (1994), «Проблема системности в отечественном терминоведении» (2001), «Проблематика терминоведческой теории текста» (2002), «Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI вв.» (2007). Анализ тематики этих трудов позволяет увидеть, каким образом в представлении их автора происходит развитие идей о природе термина: от опоры на классическое терминоведение, связанное с дискретными характеристиками термина, через объяснение текстовых функций термина и его интегральной сущности к выходу в когнитивистику.

История терминоведения свидетельствует о том, что объектом изучения терминоведения традиционно признается термин [Алексеева, 1998]. Однако трактовка термина претерпевала изменения на протяжении всего периода развития терминоведения, в результате чего наметилась устойчивая тенденция к расширению объекта. Такое понимание процессов терминообразования подтверждается логикой развития самого терминоведения, эволюцией методов исследования термина [Алексеева, Мишланова, 2002]. Долгий и плодотворный путь В.М. Лейчика к современным парадигмам терминоведения можно представить в виде пяти основных этапов: 1) исследование природы термина, 2) изучение функционирования термина, 3) анализ термина как системного научного объекта, 4) рассмотрение термина как единицы познания, 5) дискурсивные аспекты изучения термина.

Первый этап исследования термина В.М. Лейчиком соотносится с содержанием главной проблемы терминоведения — природы термина, изучение которой начинается в России с начала XX в. в работах известного философа и теолога П.А. Флоренского, искавшего ответ на вопросы о термине как отражении специального понятия [Флоренский, 1998]. Продолжая и развивая традиции П.А. Флоренского, В.М. Лейчик находит диалектическое решение данной проблемы, выражающееся в том, что «термины используются как средства закрепления результатов познания в специальных областях знаний и деятельности» и одновременно «выполняют функцию открытия нового знания» [Lejczyk, Biesiekirska, 1998: 17]. Диалектика решения выражена в признании одновременной ориентации термина на логику, отражающую связь термина с понятием, и на новое знание. Вступая в полемику с приверженцами классического направления в терминоведении, В.М. Лейчик выявляет в термине нечто большее, чем просто его функция называния понятия. По его мнению, помимо номинативной функции, термин означает конкретное понятие, т.е. вступает во все виды семиотических отношений, свойственных знаку: синтаксические (отношение знака к знаку), семантические (отношение знака к значению) и прагматические (отношение знака к человеку) [Там же: 21].

Одной из главных проблем изучения термина является его отношение со словом. Итогом дискуссии по этой «глобальнотерминоведческой» проблеме [Татаринов, 1996: 158] оказалась статья В.М. Лейчика «О языковом субстрате термина» (1986), символизирующая переход от структурной парадигмы изучения термина к функциональной, т.е. к внутриязыковому анализу термина, нацеленного на выявление противоречий термина. В рамках функционального направления термин стал рассматриваться не только как один из лингвистических объектов, но и как средство, с помощью которого можно изучать функциональную природу самого языка, представление о которой связано с изучением вторичных, производных понятий, в частности с формированием и развитием категории термина.

Известно, что уровень развития любой науки определяется степенью сформированности объекта и предмета исследования, находящей выражение в теориях конкретной науки. Объект терминоведения, в сравнении с другими лингвистическими науками, первоначально встраивался с помощью метода логического анализа (Дж. Мур, Г. Фреге, Л. Витгенштейн, Б. Рассел и др.). Использование логики в качестве основы методики исследования терминологии привело к единообразию в области её описания. Объектом иссле-

дования в ранних работах по терминоведению были формальные единицы языка. Это привело к выводу о том, что можно сконструировать логически безупречный язык, который был бы лишен двусмысленностей естественного языка и способен выражать научную истину. Так, О. Нейрат, Р. Карнап, К. Гедель, Х. Рейхенбах, входившие в Венский кружок, допускали, что все науки могут воссоединиться в единую дисциплину, которую могла бы возглавить единственная наука — физика. В философском смысле стандартизация и унификация терминологии соотносилась с упрощенными объектами, это, собственно, и создавало терминологическое единообразие.

В этом видится ситуация, когда предмет терминоведения стал «ускользать» от терминоведов и стандартизаторов. «Изучение термина изначально пошло по пути формального исследования и, более того... оказалось без философской базы, без чётких методологических основ, оно было ограничено частными вопросами терминостроительства» [Татаринов, 1996: 51].

Второй этап исследования термина В.М. Лейчиком связан с предыдущим и отражает его неприятие формального, т.е. сугубо логического, отношения к термину. Известно, что первые исследования в области терминоведения ставили целью навести порядок и подвести под термин законы [Лоте, 1961]. Используя метод логического описания, терминологи столкнулись с противоречиями терминов, которые проявляли свойства алогичности, открытости и противоречивости. Стало очевидным, что даже самым строгим терминосистемам не удалось зафиксировать термины в желаемом значении [Даниленко, 1986].

В.М. Лейчик обобщает основные выводы терминоведения, характеризующегося структуралистской и логической направленностью:

- конкретные терминосистемы полагались закрытыми образованиями;
- человеческий фактор не рассматривался;
- преобладали методы описания.

Эти выводы показывают, что сформированные на этой основе требования к термину были результатом опыта работы с языковым материалом и соотносились не с системой знания об объекте, а скорее напоминали правила и предписания создания специальных единиц, т.е. не относились собственно к теории [Лейчик, 2007]. На фоне традиционных взглядов на термин как строго логической и фиксированной единицы языка идеи В.М. Лейчика были противоположны обычным процедурам идентификации термина как стандартизированной единицы. В.М. Лейчик впервые высказал своё

сомнение в отношении однозначной оценки термина как языковой единицы [Лейчик, 1971; 1986а; 1986б; 1987 и др.].

Основной смысл концепции термина, сформированный в данной полемике, мы видим в следующем. Термин понимался В.М. Лейчиком как компонент динамической модели языка, диалектически сочетающей в себе стабильную знаковую систему и её постоянное переосмысление. Терминология мыслилась как одна из актуализированных частей целостного творческого процесса в области науки, где присутствуют объективное и субъективное начала, консерватизм и новизна открытия.

Произошедший в терминоведении в 70-х гг. XX в. переход от структурной парадигмы к структурно-функциональной сделал его открытым для многих принципиально новых идей в отношении своих главных понятий и категорий. Под влиянием лингвистики цели многих современных терминоведческих исследований изменились: от изучения специфики термина — основного аспекта традиционного рассмотрения — учёные перешли к его внутриязыковому анализу, концентрируя внимание вокруг выявленных противоречий — источника дальнейшего развития категории термина [Алексеева, Мишланова, 2002]. В рамках функционального направления термин рассматривается не только как один из лингвистических объектов, но и как средство, с помощью которого можно изучать функциональную природу самого языка, представление о которой связано с изучением вторичных, производных понятий, в частности с формированием и развитием категории термина.

Таким образом, развитие функционального направления в терминоведении не только доказало неоспоримые преимущества перед классификационно-структурной парадигмой, но и обусловило закономерный переход к антропоцентрическому направлению, которое включает в себя множество концепций сущности языкового творчества исследователей, в том числе использование метафоризации при создании новых концептов.

Размышляя о необходимости создания теории термина нового типа, В.М. Лейчик видел возможность разобрать и систематизировать беспредельные связи в терминосистемах и взглянуть на них глазами других наук. Эти задачи предопределили содержание третьего этапа исследования термина В.М. Лейчиком. Результатом выполнения данных задач оказалась систематизация исследований в области терминологии. В.М. Лейчик выявил два этапа развития терминоведения, третий этап, по мнению автора, находится в стадии зарождения [Лейчик, 2007]. Первый этап он назвал этапом накопления материала. Этот этап, относимый им к 30–60-м гг. XX в.

и связанный с именами Д.С. Лотте, Э.К. Дрезена и О. Вюстера, характеризуется главным образом определением предмета терминоведения — термина как особого слова или словосочетания, изучаемого лингвистическими методами с привлечением методов логики. На начальном этапе терминоведения объектом исследования считался термин, представленный в специальных или узкоспециальных словарях, а усилия терминоведов были направлены на поиск способов упорядочения и стандартизации отраслевых терминологий. Этот подход к изучению термина, получивший название «нормоцентрического», ограничивался проблемами лексической деривации, т.е. образования термина-знака [Лейчик, 1986а]. Отмечая достигнутые успехи в унификации терминов, автор указывает на оставшиеся нерешёнными на данном этапе вопросы специфики (природы) термина, места терминов в лексической системе национального языка, выполнимости «требований к термину», допустимой степени сознательного управления формированием совокупностей терминов.

Переход ко второму этапу развития терминоведения, состоявшийся в конце 60-х гг. XX в. и обусловленный необходимостью решения вопросов создания и использования терминов в условиях НТР, В.М. Лейчик назвал этапом осмысления. Этот этап характеризовался признанием терминоведения самостоятельной дисциплиной, рассмотрением терминов как лексических единиц языков науки и техники с определением специфических признаков их семантики, морфологии, словообразования, разработкой научных основ унификации совокупностей терминов и прикладных аспектов их использования. В этот период продолжалась работа по изучению многих отраслевых терминологий в их парадигматике и синтагматике, началось исследование функционирования терминов в связных текстах, формировалось новое понимание терминов как лексических единиц языков для специальных целей. Эти подходы, по мнению В.М. Лейчика, могут рассматриваться в качестве первых шагов третьего этапа развития терминоведения; однако они требуют всестороннего изучения, которое станет возможным после того, как они раскроют свои потенции в теории и практике терминологической деятельности [Lejczyk, Biesiekirska, 1998].

В современных терминоведческих исследованиях подчеркивается сложная (неоднородная, многослойная) структура термина, предполагающая многогранность и многоаспектность терминологического анализа [Лейчик, 2001: 55]. Основываясь на терминологических исследованиях В.М. Лейчика и других терминоведов, мы попытались представить обобщающую систему развития терминоведения как науки [см. табл.].

Развитие терминоведения как науки

Периоды	Объект	Предмет	Цель	Задачи
Античность	Отдельные термины в различных областях знания, соотносимые с вещами	Категории существующих вещей	Метафизическое описание вещей	Создание терминосистем
Средние века Рене Декарт	Отраслевые терминосистемы, соотносимые с системами вещей	Категории существующих вещей	Изучить суть вещей, способы познания вещей	Описательные и эпистемологические
XVII в. Логика Пор-Рояля	Идеи вещи и идеи представления вещей	Направлен против рационального рассмотрения термина	Разработка дуальной теории специального знака	Описательные и теоретические
XIX в. Дж. Ст. Милль	Денотация (вещи) и коннотация (агрибуты) термина	Понятие термина	Описание того, на чём базируется понятие термина	Описательные
XX в. Дж. Мур, Г. Фреге, Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Р. Карнап, О. Вюстер, Л. Хоффманн, П.А. Флоренский, Д.С. Логте, Г.О. Винокур, Б.Н. Головин	Логика терминосистем	Изолированные терминосистемы как средство описания мира	Упорядочение и стандартизация терминосистем	Описательные и прагматические
XXI в. Р. Тамерманн, Г. Пихт, Г. Будин, К. Лаурен, В.М. Лейчик, С.Д. Шелов, В.Ф. Новодранова, Л.А. Манерко, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова и др.	Комплексная природа термина	Термин как средство познания мира	Создание интегративной теории термина	Теоретические Когнитивные Дискурсивные

Особенность современного терминоведения, как можно заметить в таблице, заключается в том, что оно повернуло в сторону теории науки, поскольку цели терминоведения во многом стали ориентироваться на проблему соотношения мышления, языка и знания. Таким образом, на смену формально-логическому направлению в терминоведении пришло теоретико-познавательное.

Решение когнитивных проблем легло в основу четвёртого этапа исследования термина В.М. Лейчиком. Он осознавал, что разработка теоретических основ терминоведения оказывается достаточно трудной задачей с учётом того, что терминоведение в современном понимании соотносится не только с языковыми проблемами, но и с целым комплексом сложнейших внеязыковых вопросов, каждый из которых требует особого изучения. В число данных проблем входит проблема соотношения терминоведения с когнитивистикой, методологией и философией науки.

В качестве основных проблем, определяющих современные проблемы терминоведения в когнитивном аспекте, выступают:

- познавательная деятельность, репрезентируемая с помощью терминов;
- природа термина как специального знака;
- терминотворческая личность.

Роль когнитивистики в формировании предмета терминоведения стала осознаваться в значительной степени во время перехода терминоведения из прикладной науки в научную дисциплину. В философском аспекте термин в качестве предмета терминоведения получил возможность стать идеей, или теорией. В.М. Лейчик полагает, что «современный этап развития терминологии по своему содержанию может быть назван науковедческим», поскольку так же, как и науковедение, науку о терминах начинает волновать проблемы языка науки в целом [Лейчик, 1989].

Как отмечает В.М. Лейчик в своих работах, подлинный перелом в терминоведческом сознании осуществило когнитивное терминоведение, превратив его в науку, изучающую результаты оязыковлени профессионального и научного познания. По его мнению, «когнитивный подход к термину позволяет полнее, чем предшествующие подходы, раскрыть динамические характеристики термина в процессах его функционирования, то есть в тексте, показывая по-новому реальные взаимосвязи термина как средства фиксации знания (с его стереотипностью, устойчивостью) и как средства выражения результатов познания (с его вариантностью, субституциями, изменением формы и содержания и т.д.)» [Лейчик, 2002а: 65].

Таким образом, логика формирования и развития терминоведения, заключающаяся в последовательной смене логического, структурного и функционального направлений, предопределила появление следующего направления терминоведения — когнитивного терминоведения, основы которого формировались в исследованиях В.М. Лейчика. Он показал, что проблемы терминоведения во многом соотносятся со смежными проблемами когнитологии, психологии, теории познания и др. В центр внимания терминоведов переместился человек как деятель и создатель терминологии, отражающей результаты его собственного познания мира. Поэтому терминоведение нуждается в теории нового типа, отражающей результаты прогресса любого типа знания, демонстрирующего человеческое совершенствование.

Рассматривая терминоведение в качестве науки, В.М. Лейчик неизбежно ставил в центр внимания исследование степени её развития в аспекте целостной структуры. По его мнению, развитие теории термина способствует формированию целостного представления о данной единице, о его механизмах и методах изучения. Постановка теоретических проблем термина требует выхода за границы привычных понятий. Устойчивым понятиям терминоведения, сформированным на принципах языкового структурализма, должны быть противопоставлены принципиально иные точки зрения, в соответствие с которыми термин рассматривается в качестве научного объекта и предмета мыслительной деятельности. Этим мотивирована закономерность рассмотрения В.М. Лейчиком таких проблем, как сущность науки, природа термина, а также функции термина и роль термина в создании научной картины мира.

Мы высоко оцениваем результаты исследования природы термина в трудах В.М. Лейчика. Основываясь на них, можно отметить следующие факторы развития исследований термина в когнитивном аспекте:

- антропоцентризм, включающий концепции языкового творчества;
- внимание исследователей к внутренним противоречиям термина;
- понимание терминологии как одной из актуализированных частей целостного творческого процесса в области науки, где присутствуют объективные и субъективные начала;
- рассмотрение термина как коррелята некоторой ментальной операции, протекающей в сознании исследователя, обладающего субъективными свойствами, представляющими в целом субъективный мир его создателя.

Исследования термина В.М. Лейчиком в аспекте когнитивистики направлены на решение главной проблемы — соотношение термина с мышлением. Он показал, что в результате долгого влияния логики изучение термина отделялось от мыслительной деятельности. Логика не решала проблем, связанных с вопросом, как образуются термины, поскольку занималась в основном процессами систематизации и изложения уже готового знания. Трудности классического терминоведения в области упорядочения терминов, по его мнению, связаны с недостаточным осмыслением проблемы соотношения термина и сознания.

Как известно, стадия накопления знания и разрозненных эмпирических исследований в терминоведении сменяется этапом создания обобщающих концепций, обосновывающих логику, поступательность и закономерность его развития. Принимая во внимание очевидную антропоцентричность современной лингвистики, предполагающую целостный анализ речемыслительной деятельности человека, нельзя не признать необходимости поиска новых концепций описания терминологических процессов в когнитивном аспекте, что является актуальным для терминоведения. Новые тенденции в изучении термина обусловлены готовностью современного терминоведения объяснять термин в рамках дискурсивного направления.

Анализ научного пути, пройденного В.М. Лейчиком, показал, что в нём заложены основы нового дискурсивного направления терминоведения, формирующие содержание пятого этапа научного пути исследователя. Мы обнаруживаем это уже в определении термина: «термин — лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [Лейчик, 2007: 31–32]. Термин рассматривается здесь как своеобразный коррелят некоторой ментальной операции, протекающей в сознании исследователя, и на этом основании в термине усматриваются субъективные свойства, представляющие в целом субъективный мир его создателя. Вместе с тем термин является универсальной языковой категорией, характеризующейся общими свойствами языкового знака.

Таким образом, мы видим, что весь научный путь, пройденный В.М. Лейчиком, представляет собой движение от функционального направления в терминоведении к дискурсивному аспекту изучения термина, воплощающему закономерный переход терминоведения к антропоцентризму, основному фактору современной науки.

Список литературы

Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. 120 с.

Алексеева Л.М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002. 200 с.

Алексеева Л.М. Языковой субстрат термина: 30 лет спустя // Терминология и знание. Вып. IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6–8 июня 2014 г.) / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 13–23.

Гринёв С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.

Даниленко В.П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986. С. 5–23.

Лейчик В.М. Место терминологии в системе современных наук // НТИ. Сер 1. 1969. № 8. С. 5–8.

Лейчик В.М. Об относительности существования термина // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М., 1971. Ч. 11. С. 436–442.

Лейчик В.М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания, 1986а, № 5. С. 87–97.

Лейчик В.М. Языки для специальных целей — функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986б. С. 28–43.

Лейчик В.М. Изучение термина в тексте // Текст в языке и речевой деятельности (состав, перевод, автоматическая обработка). М., 1987. С. 129–139.

Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 47 с.

Лейчик В.М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки, № 3. М., 1990. С. 80–87.

Лейчик В.М. Применение системного подхода для анализа терминосистем // Терминоведение и профессиональная лингводидактика. Под ред. В.А. Татарина. М.: Московский лицей. 1993. Вып. 1. С. 19–30.

Лейчик В.М. Обоснование структуры термина как языкового знака понятия // Терминоведение, № 2., 1994. С. 5–16.

Лейчик В.М. Проблема системности в отечественном терминоведении // Научно-техническая терминология: Науч.-техн. реф. сб. Вып. 2. М., 2001. С. 54–55.

Лейчик В. М. Элементы терминоведческой теории текста // Стереотипность и творчество в тексте / Отв. ред. М.П. Котюрова. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002а. С. 63–77.

Лейчик В.М. Проблематика терминоведческой теории текста // Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002б. С. 63–78.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.

Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI вв. // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. М.; Рязань. 2007. Вып. 5. С. 121–132.

Лейчик В.М. Онтологические, когнитивные и прагматические аспекты политического термина // Актуальные проблемы современной лингвистики. Межвуз. сб. ст. Пермь: Перм. гос. ун-т. 2008. С. 212–219.

Лейчик В.М. Стереотипность и творчество в дискурсе (расходя в стиле «дискурс») // Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. С. 64–73.

Лейчик В.М. Метафоризация как способ образования научных и технических терминов (на материале лексики языка компьютерного дела) // Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума (Москва, 21–22 мая 2010 г.). М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. С. 292–306.

Лотте Д.С. Очередные задачи технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР. 1961. 160 с.

Татаринов В.А. Теория терминоведения: в 3 т. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние. М.: Московский лицей, 1996. 311 с.

Татаринов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. М.: Московский лицей. 2006. 528 с.

Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио. 1998. 912 с.

Lejczyk V. Terminoznawstwo: Przedmiot, Metody, Struktura. V. Lejczyk, L. Biesiekirska. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 1998. 184 p.

Hoffmann L. Seven Roads to LSP. Fachsprache. No. 6/1-2, 1984, pp. 28–38.

Larisa M. Alekseyeva,

Professor at the Department of Linguodidactics, Perm State National Research University, Russia; e-mail: alm@psu.ru

Svetlana L. Mishlanova,

Professor, Head of the Department of Linguodidactics, Perm State National Research University, Russia; e-mail: mishlanovas@mail.ru

THE WAY TO DISCURSIVE TERMINOLOGY: CELEBRATING THE 90TH ANNIVERSARY OF VLADIMIR M. LEITCHIK'S BIRTH

The article is aimed at studying the terminological heritage of a famous linguist, one of the founders of the theory of term in Russian terminology, Vladimir Moiseyevich Leitchik. The issues, solved in the works of this researcher, as well as the dynamics of his creative views, are analyzed on the basis of certain periods in his research work. The role of this researcher in laying the foundations of the cognitive perspective in terminology which predetermined the birth of discursive terminology is revealed.

Key words: term, terminology, cognitive terminology, discourse terminology.

References

Alekseeva L.M. Problemy termina i terminoobrazovaniya: Utchebnoye posobiye po spetskursu [Problems of term and term-creation: Textbook for the special course]. Perm: Perm.gos.un-t, 1998 (In Russian).

Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Meditsinskiy diskurs: teoreticheskiye osnovy i printsipy analiza [Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis]. Perm: Perm.gos.un-t, 2002 (In Russian).

Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Yazykovoy substrat termina: 30 let spustya [Language substrate of the term: 30 years later]. Terminologiya i znaniye. Issue IV. *Materialy IV Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moscow: June 6–8.2014)*, Moscow: Vest-Konsalting, 2014. pp. 13–23 (In Russian).

Danilenko V.P. Aktualnyye napravleniya lingvisticheskogo issledovaniya russkoy terminologii [Current perspectives of linguistic research of Russian terminology]. Modern issues of Russian terminology. Moscow, 1986, pp. 5–23 (In Russian).

Grinev S.V. Vvedeniye v terminovedeniye [Introduction into terminology]. Moscow: Moskovskiy litsey, 1993 (In Russian).

Hoffmann L. Seven Roads to LSP. Fachsprache. No. 6/1-2. 1984, pp. 28–38.

Leczyk V., Biesiekirska L. Terminoznawstwo: Przedmiot, Metody, Struktura. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białystoku. 1998. 184 p.

Lejchik V.M. Mesto terminologii v sisteme sovremennykh nauk [The place of terminology in the system of modern sciences]. NTI. Ser. 1, 1969. No. 8, pp. 5–8 (In Russian).

Lejchik V.M. Ob otноситelnosti sushchestvovaniya termina [On the relativity of term existence]. Semioticheskiye problemy yazykov nauki, terminologii i informatiki. Moscow, 1971. Part 2, pp. 436–442 (In Russian).

Lejchik V.M. O yazykovom substrate termina [On the language substrate of the term]. Vorosy yazykoznaniya, 1986a, No. 5, pp. 87–97 (In Russian).

Lejchik V.M. Yazyki dlya spetsialnykh tseley — funktsionalnyye raznovidnosti sovremennykh razvitykh natsionalnykh yazykov [Language for special purposes — functional varieties of modern developed national languages]. Obshcheye i chastnyye problemy funktsionalnykh stiley. Moscow, 1986b, pp. 28–43 (In Russian).

Lejchik V.M. Izucheniye termina v tekste [The study of term within the text]. Tekst v yazyke i rechevoi deyatelnosti (sostav, perevod, avtomaticheskaya obrabotka). Moscow, 1987, pp. 129–139 (In Russian).

Lejchik V.M. Predmet, metody b struktura terminovedeniya: avtoreferat dis. ... d-ra filol. nayk [Subject, methods and structure of terminology: author essay of the doctorate thesis]. Moscow, 1989. 47 p. (In Russian).

Lejchik V.M. Ossobennosti funktsionirovaniya terminov v tekste [The peculiarities of term functioning within the text]. *Philologicheskkiye naykiye*, No. 3. Moscow, 1990, pp. 80–87 (In Russian).

Lejchik V.M. Primeneniye sistemnogo podkhoda dlya analiza terminosistem [The application of systemic perspective for the analysis of terms systems]. Terminovedeniye I professionalnaya lingvodidaktika. Pod red. V.A. Tatarinova. Moscow: Moskovskiy litsey, 1993. Issue. 1, pp. 19–30 (In Russian).

Lejchik V.M. Obosnovaniye struktury termina kak yazykovogo znaka ponyatiya [The foundation of term structure as a language sign of the concept]. *Terminovedeniye*, No. 2, 1994, pp. 5–16 (In Russian).

Lejchik V.M. Problema sistemnosti v otechestvennom terminovedenii [The problem of consistency in the Russian terminology]. Nauch.-tekhn. ref. sb. Issue 2. Moscow, 2001, pp. 54–55 (In Russian).

Lejchik V.M. Elementy terminovedcheskoi teorii teksta [The elements of terminology theory of text]. Stereotipnost i tvorchestvo v tekste. Perm: Izd-vo Perm. gos.un-ta, 2002a, pp. 63–77 (In Russian).

Lejchik V.M. Problematika terminovedcheskoi teorii teksta [The problems of terminology theory of text]. Stereotipnost i tvorchestvo v tekste. Mezhvuz. sb.nauch.tr. Perm: Perm. gos. un-t, 2002b, pp. 63–78 (In Russian).

Lejchik V.M. Terminovedeniye: predmet, metody, struktura [Terminology Science: subject, methods, structure]. Izd. 3-e. Moscow: LKI, 2007 (In Russian).

Lejchik V.M. Kognitivnoe terminovedenie — pyatyj ehtap razvitiya terminovedeniya kak vedushchey nauchnoj discipliny rubezha XX–XXI vekov [Cognitive Terminology as the fifth stage in the development of the leading scientific dis-

cipline in the 20–21 centuries]. *Kognitivnaya lingvistika: novyye problemy poznaniya: sb. nauch. tr.* Moscow: Ryazan, 2007. Ussue 5, pp. 121–132. (In Russian).

Lejchik V.M. Ontologicheskiiue, kognitivnyye i pragmaticheskiye aspekty politicheskogo termina [Ontological, cognitive and pragmatic aspects of the political term]. *Aktualnyye problemy sovremennoy lingvistiki. Mezhvuz.sb. ct.* Perm: Perm. gos. un-t, 2008, pp. 212–219 (In Russian).

Lejchik V.M. Stereotipnost i tvorchestvo v diskurse (rapsodiya v stile “diskurs”) [Stereotype and creativity within the discourse (rhapsody in the style of “discourse”)]. *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste. Mezhvuz.sb. nauch.t r.* Perm: Perm. gos. un-t, 2009, pp. 64–73 (In Russian).

Lejchik V.M. Metaforizatsiya kak sposob obrazovaniya nauchnykh i technicheskikh terminov (na materiale leksiki yazyka kompyuternogo dela) [Metaphorization as a means of scientific and technical terms creation (on the material of the vocabulary of computer technology)]. *Terminologiya i znaniye. Materialy II Mezhdunarodnogo simposiuma* (Moscow, May 21–22.2010). Moscow: Izd. tsentr “Azbukovnik”, 2010, pp. 292–306 (In Russian).

Lotte D.S. Ocherednyye zadachi tekhnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki [Current tasks of technical terminology science. Issues of theory and methodology]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961 (In Russian).

Tatarinov V.A. Teoriya terminovedeniya: v 3 t. T.1. Teoriya termina: Istoriya i sovremennoye sostoyaniye [Theory of terminology: in 3 vol. Vol. 1. Theory of term: History and modern state. Moscow: Moskovskii litsey, 1996 (In Russian).

Tatarinov V.A. Obshcheye terminovedeniye: Entsiklopedicheskii slovar [General terminology: Encyclopedic dictionary]. Moscow: Moskovskii litsey, 2006 (In Russian).

Florenskiy P.A. Imena [Names]. Sochineniya. Moscow: EKSMO-Press; Kharkov: Izd-vo Folio, 1998 (In Russian).

В.А. Иконникова,

доктор филологических наук, доцент, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации
Одинцовского филиала МГИМО МИД России;
e-mail: v.ikonnikova@odin.mgimo.ru

ТЕОРИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАКА В.М. ЛЕЙЧИКА И ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОТРАСЛЕВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЙ

В статье представлена методика выявления и анализа культурного компонента терминологических единиц и отраслевых терминологий, разработанная автором на основании теории терминологического знака В.М. Лейчика. Рассмотрены понятия «компонет значения термина», «компонент терминосистемы» и «лингвокультурологическая составляющая» отраслевых терминосистем применительно к англоязычным терминологиями юриспруденции, образования и др. Актуальной представляется обозначенная задача экстраполирования теории культурного компонента и предложенной методики анализа на новые терминологии. В данной статье указанная методика используется для анализа заимствованной из русского языка терминологии истории России в англоязычных текстах, что позволяет рассмотреть особенности этимологии и семантики языкового субстрата, а также истории и содержания понятийного суперстрата соответствующих исторических терминов (терминов исторической науки). Автор приходит к заключению об особенностях перевода указанной лексики: о специфике передачи содержания транскрибированных терминологических единиц, обозначающих культурно-исторические реалии России в англоязычных текстах по истории.

Ключевые слова: терминологический знак, языковой субстрат, понятийный суперстрат, культурный компонент значения, культурный компонент терминологии.

1. Теория системного терминоведения и терминологического знака В.М. Лейчика

Системное видение терминологической науки, представленное в трудах В.М. Лейчика, отличается глубиной и скрупулезностью проработки теоретических положений, а также гибкостью подхода к анализу конкретного языкового материала.

Для исследования англоязычных терминосистем, характеризующих историко-территориальной вариантностью и культурным своеобразием, чрезвычайно важно признание языковой / понятийной / терминологической реальности, в которой термины отдельных терминосистем часто являются полисемичными, встречаются термины-синонимы, а также уникальные термины, обозначающие территориальные культурные реалии определенной науки/области знания.

Выявление языкового субстрата и логического (понятийного) суперстрата терминологического знака, предложенное В.М. Лейчиком [Лейчик, 2009: 74], является основополагающей теоретической базой исследования терминологических знаков с культурным компонентом, а также лингвокультурологической составляющей отраслевых терминологий. Принципиальными положениями теории терминологического знака являются следующие утверждения: «Именно потому, что термин дан нам в виде лексической единицы, единицы языка, мы имеем полное право утверждать, что термин вырастает на лексической единицы определенного национального языка или что, иначе говоря, лексическая единица этого языка является *естественноязыковым субстратом термина*... В то же время ... признаки термина, которые позволяют ему обозначать (выражать) специальные понятия, образуют его *логический суперстрат*. Между ними располагаются содержательные и формальные признаки термина, которые и образуют его терминологическую сущность» [Лейчик, 2009: 31] (Полужирный курсив мой. — В.И.). Особенно важным представляется акцентирование внимания на таких компонентах содержательной структуры терминологического знака [Лейчик, 2009: 48], как *собственно семантика* (лексическое, денотативное, репрезентативное значение, языковой компонент) и сигнификативное значение (*обозначение специального понятия, вербализация специального концепта*). Выделяется и третий компонент — мотивированность, распадающаяся на разные виды языковой и терминологической мотивированности, которая представляется дополнительным перспективным направлением исследования.

Отметим, что подробный анализ всего спектра исследований и мнений о проблемах вариативности и мотивированности термина приведен в монографии С.Д. Шелова, где рассматриваются, в частности, следующие вопросы «справедливо ли говорить о полисемии термина как проявлении его семантической вариативности», каково «соотношение синонимии и вариативности терминологии» [Шелов, 2018: 5, 50-139].

Лингвокультурологическая составляющая терминологий является важным аспектом изучения терминологических единиц и их совокупностей в современной профессиональной (специальной) языковой реальности. Единицы отдельных отраслевых терминосистем неизбежно сохраняют в своем содержании компоненты значения, маркированные национальной, территориальной и/ или исторической культурной спецификой. Обусловлено это, во-первых, тем, что термины являются единицами национальных естественных языков, словами, выступающими в особой функции [Лейчик, 2009: 27], а не специально созданными символами, оторванные от национальных языков. Последние в свою очередь неизбежно несут значительную культурную информацию в содержании своих единиц. Во-вторых, наличие культурной специфики определяется отраслью науки / знания, степенью ее конвенциональности (условности / договоренности), завясящей о культуры (как системы правил поведения, принятых в языковом сообществе, ограниченных территорией и историческим периодом).

В исследованиях, затрагивающих вопросы изучения терминологического знака подчеркивается, что «дефиниция из лексикографического источника позволяет не только вычлениить концептуальные признаки термина, но и показать, как формируется концептуальная структура языкового знака-термина, в данном случае терминофиксирующих элементов терминологической системы» [Манерко, Шарапков 2014: 114]. Для данного исследования приведенное утверждение является показательным, т.к. подчеркивает значимость работы с терминографической дефиницией, дающей возможность исследовать содержательную структуру терминологического знака — как значение его языкового субстрата, так и содержание понятийного суперстрата, включающего термин в систему понятий, обозначаемые другими единицами терминосистемы.

Представляется важным разграничить понятия «компонент как семантический элемент содержательной структуры термина», выявляемый в ходе компонентного анализа языкового субстрата термина и «компонент как структурный элемент системы», понимаемый в данном исследовании как «лингвокультурологическая составляющая» отраслевых терминологий и терминосистем.

Как отмечал В.М. Лейчик, «важнейшими понятиями общей теории систем являются понятия элемента (*компонента, полужирный курсив мой. — В.И.*), структуры (способа организации системы, схемы взаимоотношений между элементами систем), обратной связи и членения больших систем на малые (как правило, иерархический принцип построения)» [Лейчик 2009: 118].

На основании вышеизложенного отметим, что при описании возникновения и развития культурного компонента отраслевых англоязычных терминологий права, образования, религии, истории важно различать **культурный компонент значения** составляющих их терминологических единиц (обусловлен историко-территориальной вариантностью и уникальностью единиц) и **культурный компонент терминологий** в целом (русскоязычная терминология хозяйственного права, китайская терминология архитектуры или археологии, англоязычная терминология Англиканской и Пресвитерианской церкви).

2. Концепция культурного компонента при исследовании лингвокультурологической составляющей отраслевых терминологий

На основании теории системного терминоведения и теории терминологического знака В.М. Лейчика проведено исследование нескольких отраслевых терминосистем — англоязычных терминологий права и образования [Иконникова, Цверкун 2017], затронуты некоторые аспекты англоязычной терминологии религии (Англиканской и Пресвитерианской церквей). Описаны перспективы сопоставления указанных англоязычных терминологий с соответствующими русскоязычными терминологиями. Определено, что «англоязычные терминологии и терминосистемы отличаются рядом особенностей, обусловленных лингвокультурологическими факторами...» Выявлено, что «фактор конвенциональности (договоренности, условности) особенно ярко проявляется в англоязычных терминологиях религии, права и образования, что определяет наличие культурного компонента значения у терминологических единиц, входящих в указанные отраслевые терминологии и их подсистемы» [Иконникова, 2018: 61].

Концепция культурного компонента значения терминологических единиц как компонент теории лингвокультурологического направления в терминоведении выражается в следующих основных положениях. (1) Элемент условности в терминологиях с культурным компонентом достаточно высок и зависит от территориально-культурного и историко-культурного факторов. (2) Культурный компонент значения входящих в указанные терминологии и терминосистемы единиц формально выражен лексикографическими пометами «англ.», «амер.», «шотл.», «в некоторых штатах США», «в графстве Кент до 1925 г.» и т.д., либо отсылками к таким (историко-)террито-

риальным терминосистемам, содержащимся в словарных дефинициях или в контекстах. (3) При комплексном анализе англоязычных терминологий права и образования в Великобритании, языкового субстрата и понятийного суперстрата их терминологических единиц, была выявлена тесная взаимосвязь с терминологией религии (Англиканской церкви Англии и Пресвитерианской церкви Шотландии). Представляется перспективным направлением дальнейшего исследования расширение материала и изучение иных отраслевых терминологий, в частности терминологий исторической науки (ее региональных разделов).

Культура в данном исследовании понимается как совокупность правил поведения (в области права, политики, экономики, искусства, общения, праздников и т.д.), принятых на определённой территории в определённый исторический период.

В соответствии с теорией В.М. Лейчика предложена следующая методика анализа терминологических единиц с культурным компонентом значения: (1) изучается этимология, семантика, словообразование языкового субстрата терминологического знака; (2) исследуется история, содержание, системные связи логического суперстрата этого знака + теория науки / области знания, понятие которой обозначается термином. Подобный комплексный подход наряду с системным терминоведением способствует выявлению (а) культурного компонента в составе семантики терминологических единиц как лексем естественного языка; (б) культурного компонента отраслевых терминосистем, характеризующихся конвенциональностью, как структурного элемента данных совокупностей терминов.

Так, исследование [Иконникова, 2014] посвящено проблеме «терминологических единиц, территориально-историческая маркированность которых обусловлена культурно-правовым компонентом их значения. В работе предложена методика историко-этимологического анализа указанных единиц и показана взаимосвязь лингвокультурологических и историко-территориальных факторов их возникновения, развития и сохранения, несмотря на всеобщие процессы унификации, свойственные современным языковым, правовым и культурным системам» [Там же: 3].

В соответствии с положениями системного терминоведения и теорией терминологического знака В.М. Лейчика в исследовании англо-американских юридических терминосистем применялись в том числе следующие методы: «...лингвистические методы, специфические для терминоведения: анализ словарных дефиниций

терминов и переводных эквивалентов с точки зрения их нормативности и обязательности, что дало возможность проанализировать терминологические единицы, не соответствующие традиционным «требованиям к термину» и характеризующиеся такими свойствами как вариантность, эмоциональность, метафоричность номинации, немотивированность и т.д.;

- методы синхронического и диахронического исследования при проведении комплексного логико-понятийного (правового) и лексико-семантического (лингвистического) анализа значений исследуемых терминов и иной правовой лексики;

- этимологический анализ языкового субстрата терминологического знака и исторический анализ экстралингвистической информации о понятийном суперстрате терминологического знака;

- системный метод тематического исследования правовых и терминологических подсистем англоязычных государств разных исторических периодов...» [Там же: 15].

Лингвокультурологический аспект исследования отраслевых терминологий обусловлен следующими особенностями исследуемой специальной лексики. Выявлено сходство между терминологическими единицами с культурным компонентом значения и словами, обозначающими реалии: обе группы единиц, имеют историко-территориальную маркированность. «Противопоставление терминов и общепотребительных слов по признаку контекстной зависимости и обязательного наличия эквивалентов в других языках и культурах неприменимо к терминологическим единицам с культурным компонентом значения. Именно присущие им характеристики терминов, с одной стороны, и лексики с культурным компонентом значения или лексики, обозначающей реалии, с другой стороны, определяет особенности этих единиц» [Там же: 24].

В лингвокультурологических исследованиях термин «компонент» в отношении структуры семантики / значения единиц, обозначающих реалии, используется следующими авторами: Г.Д. Томахиным («лексика со страноведческим культурным компонентом (слова с культурным компонентом)») [Томахин, 1994: 15], Н.Г. Комлевым («культурный компонент» и «культурное значение» в виде части культуры народа и части лингвистического значения) [Комлев, 2006: 116]. Представляется возможным обозначить терминологические единицы, обладающие культурной спецификой употребления, как термины с культурным компонентом значения.

Приведем пример анализа языкового субстрата и понятийного суперстрата терминологического знака на материале англоязычной юридической терминологии.

«У единицы sheriff зафиксированы следующие терминологические значения [Collins]:

1) (in the US) the chief law-enforcement officer in a county: popularly elected, except in Rhode Island; 2) (in England and Wales) the chief executive officer of the Crown in a county, having chiefly ceremonial duties. Related adj: shrieval; 3) (in Scotland) a judge in any of the sheriff courts; 4) (in Australia) an administrative officer of the Supreme Court, who enforces judgments and the execution of writs, empanels juries, etc; 5) (in New Zealand) an officer of the High Court • Etymology: Old English scīrgerēfa, from scīr SHIRE 1 + gerēfa REEVE 1. Derived words: sheriffdom

Это редкий случай собственно английского по происхождению (а не заимствованного) лингвистического субстрата терминологического знака.

Термин получил широкое распространение не только в терминосистеме Великобритании и США, но и в англоязычные юридические терминосистемы других бывших колоний Соединенного Королевства — Австралии и Новой Зеландии. Очевидно, что такие образы, принадлежащие культурам Англии и США, как шериф Ноттингемский, преследователь Робин Гуда и представитель органов власти средневековой Англии, с одной стороны, и американский шериф в колониях или на Диком Западе, занимают разные должности и имеют разные функции. В этом проявляется семантическая вариантность обозначающего их термина sheriff, отличающегося полисемичностью» [Иконникова, 2014: 266].

Таким образом, учитывая теорию терминологического знака В.М. Лейчика и основываясь на результатах исследования англоязычных отраслевых терминологий и терминосистем, были сформулированы положения концепции культурного компонента терминологических единиц и их совокупностей. Так, под терминологическими единицами с культурным компонентом значения понимаются «единицы в значении языкового субстрата которых содержится информация об историко-территориальных особенностях и реалиях правовой культуры, правовых представлениях и системе права определенного лингво-правового сообщества... Культурный компонент значения выявляется при компонентном анализе словарных дефиниций терминологических единиц... Под культурным компонентом терминологий понимается территориально маркированный элемент системы понятий, соотнесенной с этой терминологией, который включает информацию о правовой культуре соответствующего лингво-правового сообщества» [Там же: 11–12].

Изучение англоязычных терминов истории России, обозначающих культурные реалии

В данной статье приводится описание некоторых особенностей англоязычной терминологии истории России на материале текстов британских и американских историков-специалистов по российской истории [Hosking, 2012].

Анализируемый материал предвдвляет богатую почву для исследования как с точки зрения языкового субстрата, так и с точки зрения логического суперстрата и терминологической сущности отбираемых из текстов терминологических единиц.

Рассмотрим семантику языкового субстрата и содержание понятийного суперстрата терминов-историзмов, обозначающих реалии истории России, отобранные из англоязычных текстов по российской истории [Hosking, 2012].

В рамках данной статьи остановимся на терминах-историзмах, представляющих собой транскрибирование русских историзмов на английском языке (*votchina*, *mestnichestvo*, *ukaz*, *gostinyi dvor*, *aptekaraskii prikaz*, *posolsky prikaz*, *posad* etc.)

Так, читаем о собраниях местных общин периода Киевской Руси: "... it was vital that the local community have an assembly... gradually the term *mir* (which... means peace or harmony) took hold. In towns, which began as military, administrative, and religious centres for tribes and gradually attracted commerce and manufacture, the term *veche* came into use (connected with the word meaning "to know"). All these assemblies grew out of tribal gatherings and had nothing in common with parliaments. They were not representative assemblies: they offered a place to all free adult male members of the community, usually those who owned land or ran a business, however small..." (Подчёркивание моё. — В.И.) [Hosking, 2012: 35].

В приведённом отрывке приводятся два термина-историзма (*мир* и *вече*) с комментарием автора об их содержании («peace or harmony» и «connected with the word meaning "to know"» соответственно).

Сомнительным является толкование термина «мир» (как отсутствие военных действий и гармония). Представляется, что «мир» в данном случае означает «сообщество / община». В Словаре С.И. Ожегова подходящее к контексту значение приводится под номером 7: (предл. на миру). Сельская община с её членами (устар.). С миру по нитке — голому рубашка (посл.). Всем миром (разг.) — все вместе, сообща. На миру и смерть красна (посл.) — все можно перенести не в одиночку, вместе с другими. Не от мира сего — о человеке, не думающем о практической стороне жизни,

не приспособленном к жизни. По миру (пойти, пустить, ходить) — о нищенстве. В иной мир (уйти, переселиться) (устар.) — умереть. Сильные мира сего (устар. и ирон.) — люди, занимающие высокое положение в обществе [Ожегов, Шведова, 1999].

Обратимся к англоязычным онлайн-словарям, дающим приводящим значение русского исторического термина мир (mir) [The Free Dictionary].

mir

(mir) *n*, *pl miri* (ˈmiri)

(Historical Terms) a peasant commune in prerevolutionary Russia [literally: world]

Mir

(миә) *n*

(Astronautics) the Russian (formerly Soviet) manned space station launched in February 1986 and scuttled in 2001

[C20: Russian: peace]

Collins English Dictionary — Complete and Unabridged, 12th Edition
2014 © HarperCollins Publishers 1991, 1994, 1998, 2000, 2003, 2006, 2007, 2009, 2011, 2014

Как видно из словарной статьи, мир как исторический термин (лексикографическая помета) в «дореволюционной России» (часть дефиниции, определяющая маркированность в историко-территориальном плане) определяется не как «отсутствие военных действий, гармония = peace», а как «commune», община (сообщество, общество).

Рассмотрим второй термин *Veche*, обозначающий собрания местных общин времен Киевской Руси в словаре The Free Dictionary:

Как пример в лексикографической статье даётся изображение известной иллюстрации и подпись к ней: ***Pskov Veche***, by **Viktor Vasnetsov**. Приводятся параллели из родственных языков, широкая дефиниция, относящаяся ко всем средневековым славянским государствам (историко-территориальная маркированная, определяющая культурный компонент содержания термина).

«**Veche** (**Russian**: вече, **Polish**: *wiecz*, **Ukrainian**: віче, **Belarusian**: веча, Old Church Slavonic: вѣште) was a **popular assembly** in medieval **Slavic** countries.

In Novgorod, where the veche acquired the greatest prominence, the veche was broadly similar to the **Norse thing** or the **Swiss Landsgemeinde** [The Free Dictionary].

Далее в словарной статье приводится *этимология языкового субстрата терминологического знака*:

«Etymology

The word is inherited from **Proto-Slavonic** **větje*, meaning ‘council’, ‘counsel’ or ‘talk’ (which is also represented in the word «**soviet**», both ultimately deriving from Proto-Slavic verbal stem of **větiti* ‘to talk, speak’)^[1] also related to «-vice» in «advice», and somewhat more distantly to Sanskrit «Veda», Germanic words like «wise» (English), «weten» (Dutch, «to know»), «witch» (Slavonic: *věšt-ica*) and many other.

The semantic **derivation** that yields the meaning of the word under consideration is parallel to that of *congregation*. The contemporary words *svedeniya* (**Russian**: сведения) and *svidchennya* (**Ukrainian**: свідчення) both meaning «information» are cognates of this word» [The Free Dictionary].

Затем в онлайн-словаре представлена история понятийного суперстрата терминологического знака:

«Rus

The East Slavic *veche* is thought to have originated in tribal assemblies of **Eastern Europe**, thus predating the Rus’ state.^{[3][4]} The earliest mentions of *veche* in East European chronicles refer to examples in Belgorod Kievsky in 997, **Novgorod the Great** in 1016 and in **Kiev** in 1068. The assemblies discussed matters of war and peace, adopted laws, and called for and expelled rulers. In Kiev, the *veche* was summoned in front of the **Cathedral of St Sophia**.

In Ukraine, the town *viche* was simply a gathering of community members to inform everybody of important events (*vich-na-vich* — eye-to-eye) and come up with a collective planning for the near future.

Novgorod Republic

Removal of the *veche* bell from Novgorod to Moscow in 1478.

The *veche* was the highest legislature and **judicial authority** in the **Republic of Novgorod** until 1478, after the conquest of Novgorod by Grand Prince Ivan III.

The traditional scholarship goes on to argue that a series of reforms in 1410 transformed the *veche* into something similar to the public assembly of **Venice**; it became the Commons or lower chamber of the parliament. An upper **Senate-like Council of Lords** (*sovet gospod*) was also created, with title membership for all former city magistrates (*posadniks* and *tsyatskys*). Some sources indicate that *veche* membership may have become full-time, and parliament deputies were now called *vechniks*. Some of the more recent scholars call this interpretation into question...» [The Free Dictionary].

Приведенный пример иллюстрирует, с одной стороны, лексическое значение (языкового субстрата терминологического знака), а с другой стороны, описание, дающее представление о специальном понятии (логическом суперстрате), выражаемом термином.

Итак, описанная в данной статье методика работы с терминографическими дефинициями и специальными текстами используется для анализа содержательной структуры терминологии истории России в англоязычных текстах, что позволяет рассмотреть особенности этимологии и семантики языкового субстрата, а также истории и содержания понятийного суперстрата соответствующих исторических терминов (терминов исторической науки). Представляется, что теория терминологического знака В.М. Лейчика является важной теоретической основой для анализа терминологических единиц с культурным компонентом значения в англоязычных терминологиях с высоким уровнем конвенциональности (условности/ договоренности). Можно сделать вывод о существовании дополнительных сложностей при передаче содержания терминологических единиц, обозначающих культурно-исторические реалии России в англоязычных текстах по истории.

Список литературы

Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04. М., 2014. 495 с.

Иконникова В.А., Цверкун Ю.Б. Особенности терминологических единиц с культурным компонентом значения (на материале лексики сферы образования). Материалы V Международного симпозиума (Москва, 3–5 июня 2016 г.). М., 2017. С. 132–149.

Иконникова В.А. Роль фактора конвенциональности в развитии культурного компонента англоязычных терминологий. Вестник Пятигорского государственного университета, 2018. № 1. С. 57–62.

Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969. 192 с.

Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2009. 256 с.

Манерко Л.А., Шаранков А.Н. Три организующих принципа описания концептуализации термина в когнитивно-коммуникативном терминоведении Терминология и знание. Выпуск IV. Материалы Международного симпозиума (Москва. 6–8 июнь. 2014) / Отв. ред. докт. филол. наук С.Д. Шелов. М.: Издательство «Вест-Консалтинг», 2014. С. 110–122.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Российской академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Томахин Г.Д. Америка через американизмы / Г.Д. Томахин. М., 1994. 169 с.

Шелов С.Д., Лейчик В.М. Терминология и профессиональная лексика. Состав и функции: учебн. пос. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2012. 96 с.

Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения / С.Д. Шелов. М.: ПринтПро, 2018. 472 с.

Hosking Geoffrey. Russia and the Russians. From Earliest Times to the Present. Second Edition. Penguin Books, 2012. 728 p.

Sixsmith Martin. Russia. A 1000-year chronicle of the Wild East as heard on Radio 4. BBC books. 2012. 611 p.

Collins Dictionary [Электрон. ресурс]. 2018. — URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

The Free Dictionary [Электрон. ресурс]. 2018. — URL: <https://encyclopedia.thefreedictionary.com>

Valentina A. Ikonnikova,

Dr. Sc. (Linguistics), Associate Professor, Dean of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, MGIMO University, Odintsovo Campus; e-mail: v.ikonnikova@odin.mgimo.ru

THE THEORY OF TERMINOLOGICAL SIGN BY VLADIMIR M. LEITCHIK AND A STUDY OF SOCIO-CULTURAL COMPONENT OF BRANCH TERMINOLOGIES

The article describes the method of singling out and analyzing the cultural component of meaning as well as that of terminologies. The method was worked out on the basis of the theory of terminological sign by Dr. Vladimir Leitchik. The author distinguishes between the notions of “cultural component of terminological meaning,” “cultural component of terminologies and terminological systems” and “sociocultural component of branch terminologies” such as Anglo-American terminologies of law, education, etc. The target goal of the research is to apply the developed method of terminological sign analysis to new terminologies. In the present article, the stated method is used to analyze the terminology of Russian history borrowed from the Russian language into the English texts by British historians. The author illustrates the theory of terminological sign by investigating the semantics of the linguistic substratum of terminological signs and the content of the conceptual superstratum of the sign. The results of the article include the description of the peculiarities of the content structure of the transcribed terms of Russian history which contain the cultural component of meaning in English texts.

Key words: terminological sign, language substratum, conceptual superstratum, cultural component of meaning, cultural component of terminology.

References

Ikonnikova V.A. Vozniknovenie i razvitie kul'turnogo komponenta v angloyazychnoj yuridicheskoj terminologii (na materiale terminosistem Anglii, Shotlandii i SSHA). [The Origin and development of the Cultural Component in the Anglo-American Legal Terminology (on the material of terminological systems of England, Schotland and the USA)]. Doktor's thesis filol. nauk: February 10.04. Moscow, 2014. 495 p. (In Russian).

Ikonnikova V.A., Cverkun Yu.B. Osobennosti terminologicheskikh edinic s kul'turnym komponentom znacheniya (na materiale leksiki sfery obrazovaniya) [Peculiarities of terminological units with the cultural component of meaning]. Proceedings of the V International Simposium (Moscow, June 3–5 2016) Moscow, 2017, pp. 132–149 (In Russian).

Ikonnikova V.A. Rol' faktora konvencional'nosti v razvittii kul'turnogo komponenta angloyazychnyh terminologij [The Role of the convention factor in the development of the cultural component of Anglo-American terminologies]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. No. 1, pp. 57–62 (In Russian).

Komlev N.G. Komponenty soderzhatel'noj struktury slova [Components of the content word structure]. Moscow, 1969 (In Russian).

Lejchik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Terminology Science: subject, methods, structure]. Moscow: KomKniga, 2009. 256 p. (In Russian).

Manerko L.A., Sharapkov A.N. Tri organizuyushchih principa opisaniya konceptualizacii termina v kognitivno-kommunikativnom terminovedenii [Three organizing principles of describing the process of term conceptualization in the Conginive-Conceptual Approach of Terminology Science]. *Terminologiya i znanie*. Ussue IV. Proceedings of the International Simposium (Moscow, June 6–8 2014). Moscow: Izdatel'stvo «Vest-Konsalting», 2014, pp. 110–122 (In Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. [Dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological units] Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. Moscow: Azbukovnik, 1999 (In Russian).

Tomahin G.D. Amerika cherez amerikanizmy [American through Americanisms]. Moscow, 1994 (In Russian).

Shelov S.D., Lejchik V.M. Terminologiya I professional'naya leksika: sostav I funkicii [Terminology and professional lexicon: the organization and functions]: uchebn. pos. Saint-Petersburg: SPbGU: RIO. Filol. fakul'tet, 2012. 96 p. (In Russian).

Hosking Geoffrey. Russia and the Russians. From Earliest Times to the Present. Second Edition. Penguin Books, 2012. 728 p.

Sixsmith Martin. Russia. A 1000-year chronicle of the Wild East as heard on Radio 4. BBC books, 2012. 611 p.

Collins Dictionary [Электрон. ресурс]. 2018. — URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

The Free Dictionary [Электрон. ресурс]. 2018. — URL: <https://encyclopedia.thefreedictionary.com>

Е.М. Какзанова,

доктор филологических наук, Всероссийский институт научной и технической информации РАН, научный референт;
e-mail: em@kakzanova.ru

ТЕРМИНООБРАЗУЮЩИЕ ПОТЕНЦИИ РАЗНОЯЗЫЧНЫХ МИНЕРАЛОГИЧЕСКИХ ЭПОНИМОВ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОГО ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ

Целью статьи является рассмотрение терминообразующих потенций минералогических эпонимов в свете когнитивного терминообразования. Делается вывод, что большинство минералогических эпонимов являются однословными суффиксальными терминами, причём, с одной стороны, суффиксы могут быть как простыми, так и сложными, а с другой стороны, такую структуру минералогические эпонимы сохраняют и при переводе на другие языки. Подробно рассматриваются 30 терминообразовательных моделей, которые распределяются по трём основным группам: имя + фамилия (14 моделей), только фамилия (9 моделей) и только имя (7 моделей). Автор вводит понятие эпонимоподобных терминов. Рассматриваются также 82 префикса для образования минералогических эпонимов, которые представляют собой доминантный химический элемент и/или греческие слова.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, словообразовательный концепт, минералогические эпонимы, переводоведение, суффиксация, префиксация, терминообразовательные модели, эпонимоподобные термины.

В.М. Лейчик указывал, что под влиянием распространения когнитивного подхода в науке в целом и, в частности, в лингвистике начинает складываться когнитивное терминоведение. Это не просто ещё одно направление в теоретическом терминоведении, а фактически новая система взглядов на термин, терминологию, терминосистему, терминосодержащие тексты разного характера [Лейчик, 2009а: 233]. Многие актуальные проблемы, в том числе и проблемы словообразования, переводоведения решаются с учётом достижений данного подхода.

Если словообразовательная номинация существует как отдельный конвенциональный факт языка, то ей, с точки зрения

Л.М. Борисенковой, в феноменологическом пространстве человека изоморфен комплексный, интегрированный словообразовательный концепт [Борисенкова, 2006: 41].

Терминологическая деривация в языке науки (терминообразование) представляет собой регулируемый процесс и осуществляется с помощью нескольких типов, к которым относятся лексико-семантический, морфологический, синтаксический, морфолого-синтаксический и терминологическое заимствование. Из них морфологическая деривация, при которой образование терминов идёт посредством словосложения (чистого сложения), аффиксации (суффиксации, префиксации), суффиксально-сложного способа и сращения (лексикализации), почти во всех подвидах научной прозы трактуется как действенный механизм развития специального языка [Буянова, 2016: 215].

Как известно, в каждой когнитивной сфере выделяют:

- 1) однословные термины, которые подразделяются на
 - а) простые, содержащие одну корневую морфему;
 - б) сложные, образованные сложением двух и более самостоятельных элементов языка, связанные словообразовательными отношениями словосложения с деривационной основой;
- 2) многословные термины (терминологические словосочетания), причём при переводе, например, на немецкий язык, терминологические словосочетания могут переходить в группу сложных терминов.

В.М. Лейчик утверждает, что, по подсчетам многих учёных, в виде словосочетаний выступают от 70 до 90% терминов отдельных терминосистем различных европейских языков (а некоторые терминологии полностью состоят из словосочетаний) [Лейчик, 2009: 40]. Наше исследование минералогических терминов-эпонимов полностью опровергает не только этот вывод В.М. Лейчика, но и наш собственный, сделанный на материале немецкой терминосистемы научного подъязыка математики [Какзанова, 2011], а также вывод Н.В. Новинской, сделанный на материале русской современной терминологии, которая отмечала, что составные наименования, созданные с использованием имён собственных способом синтаксической деривации, представлены самым значительным количеством образований [Новинская, 1987: 12].

Минералогические термины-эпонимы по своей структуре в основном делятся на:

- 1) простые аффиксальные производные и
- 2) сложные аффиксальные производные, причём такую структуру минералогические

термины-эпонимы сохраняют и при переводе, например, на немецкий, английский языки.

Простые аффиксальные производные представлены суффиксальными эпонимами. В минералогии по такой модели образовано 99% эпонимов, причём из них более 90% — с помощью интернационального суффикса *-um* (англ. *-ite*, нем. *-it*) — *ломоносовит* (англ. *lomonosovite*, нем. *Lomonosovit*). В единичных случаях встретились разновидности этого суффикса *-lum* (англ. *-lite*, нем. *-lit*) (*барбосалит*, англ. *barbosalite*, нем. *Barbosalit* — от фамилии бразильского геолога Алоизио Л. де Миранды Барбосы) и *-skum* (англ. *-skite*, нем. *-skit*) (*билибинскит*, англ. *bilibinskite*, нем. *Bilibinskite* — от фамилии советского геолога Ю.А. Билибина). Очень незначительный процент минералогических эпонимов (меньше 1%) образуется с помощью других суффиксов: нечастотного латинско-французского *-an* (англ. *-an*, нем. *-an*) (*нозеан*, англ. *nosean*, нем. *Nosean* — от фамилии немецкого минералога К. Нозе), нечастотного *-in* (англ. *-ine*, нем. *-in*) (*девиллин*, англ. *devilline*, нем. *Devillin* — от фамилии французского химика Анри Девиля; *гумбольдтин*, англ. *humboldtine*, нем. *Humboldtin* — от фамилии немецкого естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта). Очевидно, примером последней словообразовательной модели может служить и эпоним *гаюин* (англ. *Haiyne*, нем. *Haiyn* — от фамилии французского минералога Рене-Жюста Гаюи).

Вторым суффиксом многих минералогических эпонимов является символ химического элемента. Мы пришли к выводу, что химический символ не просто добавляется к простому суффиксальному эпонимическому названию минерала через дефис. Некоторые химические символы оформляются в скобках, некоторые — без скобок, причём наложений не бывает. Думается, что в скобках появляются те элементы, которые непостоянны в структуре данного вещества.

Табл. 1 иллюстрирует, какие химические символы (в том числе и при переводе) оформляются в скобках, а какие — без скобок.

Как видим, химические элементы, добавляемые к названию в качестве суффикса, могут быть как простыми, так и сложными, причём согласно Директиве Комиссии по новым минералам, номенклатуре и классификации при Международной Минералогической Ассоциации [Директива, 2013] в суффиксах можно использовать максимум три химических элемента.

Два минералогических эпонима оформлены по способу словосложения — *бейлихлор* (англ. *baileychlor*, нем. *Baileychlor*) и *гентгельвин* (англ. *Genthelvite*, нем. *Genthelvin*).

Оформление химических символов в названиях минералов

Химические символы в скобках	Примеры	Химические символы без скобок	Примеры
(Ce)	анзаит-(Ce)	Ca	дакиардит-Ca
(Y)	доннейит-(Y)	K	дакиардит-K
(CaFeMg)	джансит-(CaFeMg)	Mg	мацит-Mg
(F)	перцевит-(F)	Na	мацит-Na
(OH)	перцевит-(OH)	KCu	обрадовичит-KCu
(Yb)	самарскит-(Yb)	NaCu	обрадовичит-NaCu
(Cs)	раманит-(Cs)	NaNa	обрадовичит-NaNa
(Rb)	раманит-(Rb)	Sr	цепинит-Sr
(La)	ремондит-(La)	NaFe	мендоцавелит-NaFe
(BaNa)	арроядит-(BaNa)	KCa	мендоцавелит-KCa
(PbFe)	арроядит-(PbFe)	Mn	органоваит-Mn
(KFe)	арроядит-(KFe)	Zn	органоваит-Zn
(BaFe)	арроядит-(BaFe)		
(Al)	пумпеллит-(Al)		
(Fe ²⁺)	пумпеллит-(Fe ²⁺)		
(Fe ³⁺)	пумпеллит-(Fe ³⁺)		
(Mn)	пумпеллит-(Mn)		
(Mn ²⁺)	пумпеллит-(Mn ²⁺)		
(Nd)	шуилингит-(Nd)		
(CaMnMg)	уайтеит-(CaMnMg)		
(CaMnMn)	уайтеит-(CaMnMn)		
(MnFeMg)	уайтеит-(MnFeMg)		
(MnMnMg)	уайтеит-(MnMnMg)		
(CaMgMg)	уайтеит-(CaMgMg)		
(CaFeMg)	уайтеит-(CaFeMg)		

В.Ф. Новодранова [Новодранова, 2008: 218] относит к словосложению такой способ словообразования, при котором новое слово включает не менее двух полнозначных основ или слов. Такое определение позволяет, по мнению В.Ф. Новодрановой, с одной стороны, разделить словосложение на собственно словосложение и основосложение (по тому, какие единицы объединяются в композит — слова или основы). С другой стороны, это позволяет выделить чистое словосложение и противопоставить его парасинтетическому словосложению. В первом случае словообразовательная модель строится как соединяющая разные типы основ, не оформляемых вместе каким-либо специальным суффиксом, но оформляемых флексией. Под сложными словами парасинтетического типа понимаются, напротив, такие объединения основ, последняя из которых оформлена до флексии специальным суффиксом.

Первая часть минерала *бейлихлор* увековечивает фамилию американского геолога С. Бейли. Вторая часть *хлор* указывает на то, что минерал относится к группе хлоритов. Можно ошибочно предположить, что компонент *хлор* указывает на наличие хлора в химической формуле минерала. На самом деле и в химической формуле бейлихлора $(\text{Zn}, \text{Fe}^{2+}, \text{Al}, \text{Mg})_6[(\text{OH})_2](\text{OH})_6[(\text{Si}, \text{Al})_4\text{O}_{10}]$, и в химической формуле хлоритов $(\text{Mg}, \text{Fe})_3(\text{Si}, \text{Al})_4\text{O}_{10}(\text{OH})_2 \cdot (\text{Mg}, \text{Fe})_3(\text{OH})_6$ хлор отсутствует. Объясняется это тем, что название «хлор», как и название «хлорит» происходит от греческого слова *chloros* — «зелёный», что подтверждается нежно-зелёной окраской бейлихлора.

Хотя *гентгельвин* является эпонимическим интернационализмом, образующий его суффикс в русском и немецком языках (-*ин*/*-ин*) отличается от суффикса в английском (-*ите*). Минерал назван в честь американского минералога Фредрика А. Гента. Вторую часть названия образует компонент «гельвин» — минерал подкласса каркасных силикатов.

При аффиксальном терминообразовании имя собственное используется в качестве производящей основы производного слова. Что же представляет собой производящая основа (или корень) простых производных эпонимов из области минералогии? Наше исследование выявило 30 терминообразовательных моделей, которые распределяются по трем основным группам:

I. Имя + фамилия (14 моделей).

II. Только фамилия (9 моделей).

III. Только имя (7 моделей).

Все модели являются суффиксальными.

Модели группы *имя + фамилия*

1. *Имя + фамилия (адольфпатерит* — в честь чешского химика Адольфа Патера). Иногда имя и фамилия пишутся через дефис, причём только в английском варианте — например, *джорджэриксенит* (англ. *George-ericksenite*, нем. *Georgeericksenit*) (в честь американского геолога Джорджа Эриксена).

Напрашивается аналогия с названиями химических элементов, в частности, 107-го элемента бория. В сентябре 1992 года между учёными Дармштадта и Дубны была достигнута договорённость о том, что элемент 107 следует назвать «нильсборий» в честь датского физика Нильса Бора (1885–1962), хотя первоначально советские учёные планировали название «нильсборий» для элемента 105, который сегодня носит название «дубний». В 1993 году Международный союз теоретической и прикладной химии (IUPAC) признал приоритет немецкой группы в идентификации 107-го элемента, а в 1994 году в своей рекомендации предложил название «борий», объяснив это тем, что названия химических элементов никогда не состояли из имени и фамилии учёного [Какзанова, 2014: 21].

2. *Фамилия + имя (кохсандорит* — в честь венгерского минерала Коха Сандора).

3. Второе/третье имя + фамилия (*коррейаневесит* — в честь португальского минерала Хосе Маркеса Коррейи Невеса; *гарианселлит* — в честь канадского минерала Харольда Гари Анселла).

4. Уменьшительное имя + фамилия (*бобфергусонит* — в честь канадского минерала Роберта Б. Фергусона, которого друзья называли «Боб»).

5. Сокращённое первое/второе имя + фамилия (*бенлеонардит* — в честь американского геолога и минерала Бенжамина Ф. Леонарда).

6. Сокращённое первое/второе имя + сокращённая фамилия (*рохаит* — в честь датского минерала Джона Розе Ханзена).

7. Сокращённая первая фамилия + сокращённая вторая фамилия + сокращённое имя (*римкорольгит* — в честь советского минерала Ольги Михайловны Римской-Корсаковой).

8. Сокращённая фамилия + сокращённое первое имя + первая буква второго имени (*перлиалит* — в честь советского российского минерала Лилии Алексеевны Перекрест).

9. Сокращённое имя одного учёного + сокращённое имя второго учёного + одна общая фамилия (например, супругов) (*виланкукит* — в честь коллекционеров минералов Уильяма/William и Энн/Anne Куков).

10. Первая буква первого имени + сокращённое среднее имя (или отчество) + фамилия (*джерфишерит* — в честь американского минералога Даниэля Джерома Фишера).

11. Первая буква первого имени + первая буква второго имени (или имени и отчества) + фамилия учёного (*экандрюсит* — в честь австралийского геолога Эрнеста Клайтона Андриуса; *висмирновит* — в честь советского геолога В.И. Смирнова).

12. Первая буква первого имени + первая буква второго имени + первая буква (или две первые буквы в русской транскрипции) фамилии учёного (*раджит* — в честь американского минералога Роберта Аллена Дженкинса/Jenkins).

13. Первая буква первого имени + фамилия учёного (*хаксонит* — в честь английского металлурга Х.А. Аксона).

14. Первая буква первого имени + первая буква второго имени + первая буква третьего имени + фамилия учёного (*хилбраунит* — в честь австралийского геолога Хенри Йорка Лиелла Брауна).

Модели группы *фамилия*

1. Фамилия учёного (*вернадит* — от фамилии учёного В.И. Вернадского).

К этой же модели относится *твиннит* (англ. *twinnite*, нем. *Twinnit*). Минерал назван в честь канадского минералога Роберта Митчелла Томпсона. Фамилия «Томпсон» означает «сын Томаса» (son of Thomas). Последнее словосочетание переводится с арамейского языка как английское «twin». От этого существительного с удвоением согласной и образовано название минерала.

По такой же модели образуется название минерала *павонит*, названного в честь канадского минералога и кристаллографа Мартина Альфреда Пикока. В переводе с английского реасок — павлин. Полатыни павлин — *ravo*. Отсюда и название минерала — *павонит*. Возникает вопрос: можно ли считать *твиннит* и *павонит* эпонимами? Мы предлагаем говорить об эпонимоподобных терминах.

2. Двойная фамилия учёного (*абсвурмбахит* — в честь немецкого минералога И. Абс-Вурмбах; *баличжуничит* — в честь датского минералога Т. Балич-Жунича).

3. Первая/вторая часть двойной фамилии (*троллеит* — в честь шведского химика Х.Г. Тролле-Вахтмайстера).

4. Частица + фамилия (*фонбезингит* — в честь физика К. Луди фон Безинга; *макфаллит* — в честь американского минералога Расела Петтерсона МакФалла).

В некоторых случаях фамильная частица в название минерала не входит: *гумбольдтин* — от фамилии немецкого естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта.

5. Одна фамилия семьи учёных (*безсмертновит* — в честь советских российских минералогов Марианны Сергеевны Безсмертной и Владимира Васильевича Безсмертного).

Случаи подобного называния в науке известны. Так, химический элемент *кюриий* и внесистемная единица измерения активности нуклида в радиоактивном источнике *кюри* названы в честь французских учёных супругов Пьера и Марии Кюри [Какзанова, 2014: 21].

6. Две фамилии двух учёных (*симонколлеит* — в честь немецких коллекционеров минералов Вернера Симона и Курта Колле).

7. Две сокращённых фамилии двух учёных (*джонуолкит* — в честь американских исследователей препаратов минералов Ричарда Джонсона и Фрэнка Уолкапа).

Богатые эпонимическими терминами науки, с которыми нам приходилось иметь дело, — математика, медицина, химия, астрономия, физика, экономика, юриспруденция — как правило, не сокращают антропонимы, входящие в состав эпонимов. В наших исследованиях такой термин встретился только один раз — *МОРА-терапия* (нем. *Mora-Therapie*) (из области медицины). МОРА — это аббревиатура от фамилий двух немецких учёных — врача д-ра Франца Морелля (Franz Morell) и инженера Эриха Раше (Erich Rasche). Разграничивая понятия «эпоним» и «номенклатура», мы склонны считать, что сокращённые антропонимы в названиях терминов можно отнести к номенклатуре, так как, с одной стороны, они представляют собой шифр, кодовое слово, а, с другой стороны, не вполне соответствуют основному назначению эпонимов — служить памятниками и увековечивать имена достойных учёных. Кстати, в минералого-геологической литературе все названия минералов с именем собственным в качестве внутренней формы по умолчанию относят к минералогической номенклатуре. Думается, что учёные-минералоги просто не знакомы с лингвистическим термином «эпоним».

8. Три сокращённых фамилии трёх учёных (*армалколит* — в честь американских астронавтов Армстронга, Олдрина/Aldrin и Коллинза).

9. Четыре сокращённых фамилии четырёх учёных (*мапиквиорит* — в честь итальянских коллекционеров минералов Риккардо Маццанти, Луиджи Пиеротти, Уго Квилиси и Морено Романи).

Н.В. Новинская [Новинская, 1987: 13] считает, что термины-эпонимы, включающие три и более фамилий учёных, являются громоздкими и неудобными. Минералогическая наука вышла из положения, сокращая имена и фамилии в эпонимах вплоть до одной буквы и, таким образом, громоздкость и неудобство в названиях минералов с именами собственными отсутствуют. Но, с другой стороны, как уже было сказано, подобные названия вышли из разряда эпонимических и вошли в разряд номенклатуры, утратив своё назначение — увековечивать имена учёных, внесших свой вклад в соответствующую науку.

Модели группы *имя*

1. Первое имя учёного (*ларисаит* — в честь советского российского минералога и кристаллографа Ларисы Николаевны Беловой).
2. Второе/третье имя учёного (*сабинаит* — в честь канадского минералога Энн Филлис Сабины Стенсон).
3. Одно имя двух разных учёных (*артурит* — в честь английского минералога Артура У.Дж. Кингсбери и английского коллекционера минералов Артура Рассела).

По аналогии вспоминается вывод одной и той же формулы электростатики диэлектриков одновременно двумя учёными, носившими одно и то же имя. Это явление носит название *формула Лоренца-Лоренца*. Научному сообществу не пришло в голову оставить в названии одну фамилию, объединив под ней двух разных учёных. Мы назвали это явление тавтологией как математической системой аналитических утверждений [Казанова, 2017], или терминологической тавтологией.

4. Первое имя учёного + второе имя учёного (*паулоабибит* — в честь бразильского инженера Пауло Абиба Андери).

5. Сокращённое имя + псевдоним (*теопарацельсит* — в честь швейцарского учёного Парацельса, полное имя которого было Ф. Теофраст фон Гюгенгейм).

6. Сокращённое имя одного учёного + полное имя другого учёного (*джеффбенит* — в честь английских учёных Джеффри У. Харриса и Бена Харта).

7. Два сокращённых имени двух учёных (*чармарит* — в честь американских минералогов Чарля и Марсель Веберов).

Сложные аффиксальные производные представлены префиксальными и префиксально-суффиксальными терминами. Поскольку префиксальные термины по умолчанию являются суффиксальными,

к префиксально-суффиксальным моделям относятся эпонимы со сложными суффиксами.

Было выявлено 82 префикса для образования минералогических эпонимов. Мы предлагаем разделить их на две большие группы:

I. Префиксы, представляющие собой доминантный химический элемент

II. Греческие слова, представляющие собой префиксы.

Префиксы, входящие в первую группу, могут быть простыми и сложными. Простые префиксы представляют собой один химический элемент (*алюмо-*), сложные — два (*мангано-ферри-*) или три (*ферро-ферри-флюоро-*) химических элемента. Сложный префикс *ферро-ферри-* (например, *клино-ферро-ферри-холмквистит*, *ферро-ферри-фторликеит*) свидетельствует о том, что в минерале присутствует железо. Различие — в степени окисления элемента: *ферро-* — это железо в степени окисления +2, *ферри-* — это железо в степени окисления +3. То же относится и к марганцу, о наличии которого в минерале свидетельствует сложный префикс *мангано-мангани-* (*мангано-мангани-унгареттит*). *Мангано-* — это марганец в степени окисления +2; *мангани-* — это марганец в степени окисления +3.

Табл. 2 включает простые и сложные терминообразующие префиксы, представляющие собой доминантные химические элементы.

Ко второй группе относятся общеизвестные греческие и латинские слова, а также такие, которые по сути являются префиксами только при образовании минералогических эпонимов.

Табл. 3 включает простые и сложные терминообразующие префиксы, относящиеся ко второй группе.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что суффиксы, представляющие собой паралингвистические средства (графические символы), имеют высокую прагматическую ценность, а сами дериваты, запечатлевшие своей производящей базой (именем собственным) личность учёного, субъекта науки, и его вклад в развитие науки, обладают мощным информационно-гносеологическим потенциалом, выступают мобильным средством аккумуляции, передачи научного знания, его функционирования. Наш вывод полностью совпадает с выводом Л.Ю. Буяновой [Буянова, 2016: 214], и мы позволим себе утверждение, что дериваты, производящей базой которых являются имена собственные, как словообразовательные концепты представляют собой гносеологический памятник своему народу, вербальную фотографию отдельного периода страны и её науки. Такие терминологические словообразовательные концепты

Терминообразующие префиксы-химические элементы

Простые префиксы (химический элемент)	Примеры	Сложные префиксы (химические элементы) ¹	Примеры
<i>алюмо-</i>	<i>алюмоакерманит = алюмоокерманит</i>	<i>алюминомагнезио-</i>	<i>алюминомагнезиохульсит</i>
<i>аммонио-</i>	<i>аммонивольтаит</i>		
<i>аргенто-</i>	<i>аргентобаумгауерит</i>		
<i>арсен(о)-</i>	<i>арсенмеданит, арсенопопелит</i>		
<i>барито-</i>	<i>барито-олгит, баритоперовский</i>		
<i>висмут(о)-висмут(о)-</i>	<i>висмутскуттерудит, висмутаколумбит</i>		
<i>галло-</i>	<i>галлобедантит</i>		
<i>дисульфо-</i>	<i>дисульфодадсонит</i>		
<i>калий-</i>	<i>калийарфведсонит</i>	<i>калиймагнезио-</i>	<i>калиймагнезиоарфведсонит</i>
		<i>калиймагнезиофтор-</i>	<i>калиймагнезиофтор- арфведсонит</i>
		<i>калийферри-</i>	<i>калийферриликсит</i>
		<i>калийферро-</i>	<i>калийферросаданагаит</i>
		<i>калийферроферри-</i>	<i>калийферроферрисаданагаит</i>

¹ Как и в случае с суффиксами, согласно Директиве [Директива, 2013] рекомендуется использовать не более трёх префиксов.

Таблица 2 (продолжение)

		калийфтор-	калийфторрихтерит
кальк-/кальцио-	калькярлит, кальциодельриомит		
карбо-	карбокентбруксит		
кобальт(о)-	кобальтаустинит, кобальтобледит		
куро-	куромаковицкийит		
лиццо-	лиццомарстурит		
магнезио-	магнезиорибекит	магнезиофтор-	магнезиофторарфведсонит
манган-/мангано-	манганлотармейерит; манганнохояковит	мангано-мангани-	мангано-мангани-унгареттиит
		мангано-ферри-	мангано-ферри-экерманнит
молибдо-	молибдофорнасит		
натро-	натродюфренит		
никель-	никельаустинит		
ниобо-	ниобокуплетскит		
окси-/оксо-	оксикиноситалит	оксикальцио-	оксикальциоромеит
		оксо-мангани-	оксо-мангани-ликсит
		оксиллюмбо-	оксиллюмборомеит

Таблица 2 (окончание)

плюмбо-	плюмбогардит	
селено-	селеностефанит	
силико-	силикокарнонит	
скандио-	скандиобабангтонит	
стибио-	стибиоколумбит	
стронцио-	стронциоджинорит	
теллуро-	теллуромандариноит	
торо-	торостенструпин	
титан-/титано-	титантарамеллит, титанохолтит	
ферри-	феррибушмакинит	ферро-ферри-фторо-
		ферри-фторо-
ферро-	ферробобфергусонит	флюоркальцио-
фосфо-/фосфор-	фосфогартреллит, фосфоррессерит	
фтор-	фтор-бёргерит	
хлор-	хлорартинит	
хром-	хромшиффелинит	хромалюмино-
цинк-/цинко-	цинкциппейт, цинкштрунцит	хромалюминоповонодраит

Терминообразующие префиксы — греческие и латинские слова

Простые префиксы	Примеры	Сложные префиксы (префиксы + химические элементы) ²	Примеры
<i>бета-</i>	<i>беталоносовит</i>		
<i>гендека-</i>	<i>гендекасарторит</i>		
<i>гепта-</i>	<i>гептасарторит</i>		
<i>гидро-</i>	<i>гидрохонессит</i>		
<i>гидрокси-/гидроксил-</i>	<i>гидроксиканкрит;</i> <i>гидроксилэпстадит</i>	<i>гидроксилкальцио-</i>	<i>гидроксилкальциоромеит</i>
		<i>гидроксилклинно-</i>	<i>гидроксилклинномумит</i>
		<i>гидроксиферро-</i>	<i>гидроксиферроромеит</i>
		<i>клинно-ферри-</i>	<i>клинно-ферри-холмквистит</i>
<i>клинно-</i>	<i>клинномумит</i>	<i>клинно-ферро-ферри-</i>	<i>клинно-ферро-ферри-холмквистит</i>
<i>мета-</i>	<i>метадельриоит</i>		
<i>орто-</i>	<i>ортосерпьерит</i>		
<i>пар-/пара-</i>	<i>парадамин,</i> <i>парафрансолетит</i>		
<i>псевдо-</i>	<i>псевдолионсит</i>		
<i>тетра-</i>	<i>тетравикманит</i>		
<i>эннеа-</i>	<i>эннеасарторит</i>		

² Согласно Директиве [Директива, 2013] допускается совместное использование химических, структурных или других описательных префиксов.

обладают особой коннотацией, аурой, синтезируя предшествующий научный опыт и в обогащённом виде передавая его из поколения в поколение.

Список литературы

Борисенкова Л.М. Морфологическая и семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале немецкого языка): Монография / Л.М. Борисенкова. Смоленск: Универсум, 2006. 304 с.

Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. М.: Флинта, 2016. 389 с.

Директива CNMNC 2013. URL: <http://kristallov.net/nazvaniya-mineralov.html>

Какзанова Е.М. Антропонимические термины-эпонимы в периодической таблице химических элементов: история названий // Прикладная лингвистика. Терминоведение. Сборник научных статей. Выпуск 2. М.: МОПУ, 2014. С. 19–27.

Какзанова Е.М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): автореф. дис. ... докт. филол. наук, 10.02.21. Институт языкознания РАН. М., 2011. 46 с.

Какзанова Е.М. Философские аспекты терминологии математики. [Электронный ресурс]. М.: Флинта, 2017. 357 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/93559>

Лейчик В.М. Общая типология и многоаспектные классификации специальной лексики // Терминология и знание. Материалы I Международного симпозиума (Москва, 23–24 мая 2008 года). М., 2009. С. 28–48.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009а. 256 с.

Новинская Н.В. Роль имён собственных в формировании современной терминологии // НТТ, № 8. М.: ВНИИКИ, 1987. С. 10–13.

Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии / В.Ф. Новодранова. М.: Языки славянских культур, 2008. 328 с.

Yevgenia M. Kakzanova,

Dr. Sc. (Linguistics), Scientific Referent at the All-Russian Institute for Scientific and Technical Information at the Russian Academy of Sciences;
e-mail: em@kakzanova.ru

TERM-FORMATION POTENTIALS OF MULTILINGUAL MINERALOGICAL EPONYMS IN THE LIGHT OF COGNITIVE TERM-FORMATION

The article deals with term-formation potentials of mineralogical eponyms in the light of cognitive term-formation. It is concluded that most mineralogical eponyms are monosyllabic terms formed by suffixation. The suffixes can be either simple or complex but the structure of mineralogical eponyms remains unchanged when translated into other languages. 30 term-formation models are considered in detail; these models are divided into three main groups: name + surname (14 models), surname only (9 models) and name only (7 models). The author introduces the concept of eponym-like terms and separates two mineralogical eponyms formed by means of compounding. 82 prefixes for the formation of mineralogical eponyms are considered: prefixes representing a dominant chemical element and Greek words representing the prefixes.

Key words: cognitive term-formation, word-forming concept, mineralogical eponyms, theory of translation, suffixation, prefixation, term-formation models, eponym-like terms.

References

Borisenkova L.M. Morfologicheskaya i semanticheskaya derivatsiya v kognitivnom aspekte (na materiale nemetskogo yazyika) [Morphological and semantic derivation from the cognitive perspective]. Smolensk: Universum, 2006. 304 p. (In Russian).

Buyanova L.Yu. Terminologicheskaya derivatsiya v yazyike nauki: kognitivnost, semiotichnost, funktsionalnost [Terminological derivation in the language of science]. Moscow: Flinta, 2016. 389 p. (In Russian).

Direktiva CNMNC 2013 [CNMNC Guideline 2013]. Available at: <http://kristallov.net/nazvaniya-mineralov.html>

Kakzanova E.M. Antroponimicheskie terminy-eponimy v periodicheskoy tablitse himicheskikh elementov: istoriya nazvaniy [Anthroponymic eponym terms in Periodic Table of the Elements: history of names]. *Prikladnaya lingvistika. Terminovedenie*. Sbornik nauchnykh statey. Ussue 2. Moscow: MOPU, 2014, pp. 19–27 (In Russian).

Kakzanova E.M. Lingvokognitivnyie i kulturologicheskie osobennosti nauchnogo diskursa (na materiale matematicheskikh i meditsinskih termr'inov-

eponimov) [Linguo-cognitive and culturological special aspects of scientific discourse (as exemplified in mathematical and medical eponym terms)]: extended abstract of Doctor's thesis filol. nauk, February 10.21. Institut yazykoznaniya RAN. *Moscow*, 2011. 46 p. (In Russian).

Kakzanova E.M. Filosofskie aspekty terminologii matematiki [Philosophical aspects of mathematical terminology]. *Moscow*: Flinta, 2017. 357 p. (In Russian). Available at <https://e.lanbook.com/book/93559>

Leychik V.M. Obschaya tipologiya i mnogoaspektnyye klassifikatsii spetsialnoy leksiki [General typology and multifold classifications of LSP]. *Terminologiya i znanie*. Proceedings of the I International Symposium (*Moscow*, May 23–24.2008). *Moscow*, 2009, pp. 28–48 (In Russian).

Leychik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Science of terminology: subject, methods, structure]. *Moscow*: Knizhnyy dom "LIBROKOM", 2009a. 256 p. (In Russian).

Novinskaya N.V. Rol imen sobstvennykh v formirovanii sovremennoy terminologii [Role of proper names in the formation of modern terminology]. *NTT*, No. 8. *Moscow*: VNIKI, 1987, pp. 10–13 (In Russian).

Novodranova V.F. Imennoe slovoobrazovanie v latinskom yazyike i ego otrajenie v terminologii [Nominal derivation in Latin and its reflection in terminology]. *Moscow*: Yazyiki slavyanskih kultur, 2008. 328 p. (In Russian).

В.Ф. Новодранова,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой латинского языка и основ терминологии Московского государственного медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова;
e-mail: novodranova@mail.ru

Л.А. Манерко,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: wordfnew@mail.ru

**В.М. ЛЕЙЧИК: ЖИЗНЕННЫЙ И НАУЧНЫЙ ПУТЬ
ФИЛОЛОГА, ТЕРМИНОЛОГА И СПЕЦИАЛИСТА
ПО ПЕРЕВОДУ**

Данный материал посвящён выдающемуся русскому филологу, лингвисту и специалисту в области терминологии Владимиру Моисеевичу Лейчику, основателю дисциплины, которая получила название «терминоведение». Начав свою научную карьеру со словообразования во французском языке, он далее воплощал в своих работах интегрирующие тенденции, способные объединить семиотику и компьютерную науку, лексикографию и лексикологию, фразеологию и стилистику, патентоведение, переводоведение, неологию и терминоведение. Последнее направление его работ становится определяющим для всей его научной жизни, в которой парадигмальные, междисциплинарные и трансдисциплинарные связи полностью отражены.

Ключевые слова: филология, лингвистика, переводоведение, терминоведение, когнитивное терминоведение.

Владимир Моисеевич Лейчик — замечательный филолог и лингвист. Вспоминая его, мы бы хотели рассказать о его жизни, творчестве и о его вкладе в развитие филологии, лингвистики и терминоведения.

В.М. Лейчик родился 6 ноября 1928 года в г. Одесса, но во время войны был эвакуирован в Казахстан, в город Алматы, который тогда назывался Алма-Ата. Вернувшись из эвакуации обратно в Одессу, Владимир Моисеевич окончил среднюю школу с золотой медалью, и это открыло ему путь на филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Отсюда он

вынес любовь к романским языкам, к французской и испанской литературе. Он защитил дипломную работу по теме «Синтаксические функции инфинитива», в которой применил функциональный подход. По распределению он поехал в Алма-Ату, где его ждали друзья молодости. Он начал работать преподавателем французского языка Института иностранных языков и, увлечённый навсегда лексикологией, начал писать кандидатскую диссертацию «Сложные имена существительные в современном французском языке». Проработав четыре года в Алма-Ате, он вернулся в Москву.

В Москве в течение 13 лет В.М. Лейчик работал переводчиком сначала в научно-исследовательских институтах. В этот период он познакомился с научными и техническими терминами в разных языках и освоил теорию и практику перевода. К этому периоду относятся первые научные публикации Владимира Моисеевича в журналах «Вестник Московского университета» и «Филологические науки». В 1964 году он защитил кандидатскую диссертацию в МГПИ.

С 1967 г. он начинает работать в специализированных институтах научной и технической информации. Это направление его деятельности отразилось в нескольких десятках публикаций по проблемам правил библиографического описания, системы патентной информации, подготовки документации, используемой в делопроизводстве, в стандартах, относящихся к экономической, управленческой и библиотечной сферам.

Если проанализировать список опубликованных работ В.М. Лейчика, то сразу бросается в глаза масштабность его научного взгляда, полипарадигмальность и междисциплинарность, представленные в его многочисленных научных исследованиях.

Начав в 60-х годах прошлого века с проблем словообразования во французском языке, В.М. Лейчик показал пример огромной просветительской деятельности в области разных наук, отметив их взаимодействие и интеграцию. Здесь фиксируются исследования в области семиотики и информатики, лексикологии и лексикографии, фразеологии и стилистики, русистики и культуры речи, культуроведения и риторики, переводоведения и редактирования, патентоведения и документоведения, рекламоведения и языка СМИ, методологии и лингводидактики и т.д. Среди этих областей знания его особо привлекает лексикология и неология, которые нашли отражение в монографии «Люди и слова: как рождаются и живут слова в русском языке» (1982). О неологии он пишет: «Неология изучает прежде всего те сферы, в которых образуется больше всего новых слов и выражений — неологизмов. Это названия новых объектов, возникающих в процессе развития науки, культуры, производства

и быта. Неология выявляет факторы, обуславливающие создание неологизмов» [Лейчик, 1982: 5].

Но всем он был известен как ведущий терминолог и основатель новой дисциплины, которая получила название «терминоведение». За последние 40 лет ни одно терминологическое событие в России не проходило без его участия.

Именно терминоведение стало основным направлением его научной деятельности, которым он начал заниматься с 1969 года, так как именно в том году была напечатана его статья «Место терминологии в системе современных наук» в журнале «Научно-техническая информация» (Серия 1, № 8). Годом позже совместно с Р.П. Вчерашним у него выходит работа под заголовком «Сочетание библиографической и информационной деятельности в патентных ведомствах и международных патентно-информационных организациях».

У В.М. Лейчика как у лингвиста-лексиколога возникает устойчивый интерес к научным, техническим, общественно-политическим терминам. В этот период Владимир Моисеевич, будучи заведующим лабораторией патентной терминологии ЦНИИПИ (ВИНИТИ), участвует в выпуске тетрадей новых терминов в помощь переводчику, которые осуществляются Бюро переводов этого института научной информации. В предисловии к тетради «Англо-русские патентные термины» он написал: «Сложность перевода иноязычных патентных материалов объясняется в основном двумя причинами. Во-первых, язык патентных документов очень стандартизирован и изобилует штампами. Во-вторых, лексика и фразеология патентных текстов разных стран всецело определяется патентным законодательством этих стран и в этом смысле термины, применяемые в США, в известной мере отличаются от терминов, используемых в Великобритании и других англоязычных странах» [Лейчик 1971: 4]. Это направление его деятельности нашло отражение в его первой статье, относящейся к этой области знания «Место терминологии в системе современных наук (к постановке вопроса)». Эта статья впоследствии вошла в хрестоматию по истории отечественного терминоведения под редакцией доктора филологических наук В.А. Татарина. Многие идеи, высказанные в статье, подтвердились — по поводу формирования новой научно-прикладной дисциплины, о месте, которое занимает эта дисциплина среди современных наук, и о структуре данной дисциплины. В эти годы Б.Н. Головин и В.П. Петушков независимо друг от друга дали название новой области знаний и деятельности — «терминоведение», а после опубликования в 1973 г. статьи

В.М. Лейчика и И.П. Смирнова «Области пересечения терминоведения и перевода научной и технической литературы» это название стало общепринятым в нашей стране. Знаменитый австрийский учёный-терминовед Э. Вюстер в одной из своих последних работ в 1975 г. отметил ценность этой статьи и всей терминологической деятельности в тогдашнем Советском Союзе.

К 70-м годам XX века относятся статьи «Терминологическое редактирование переводов» (1972), «Терминоведение и перевод» (1973), «Структурные типы номенклатурных единиц, используемых в рекламных целях» (1979). Уже в эти годы В.М. Лейчик ставил теоретические вопросы с точки зрения системного подхода к исследованию терминологии в статьях «Термины и терминосистемы» (1973), «Лингвистические методы анализа формирования, строения и функционирования терминов и терминосистем» (1976), «Роль терминов и терминосистем в формировании научной теории» (1980).

В 80-е годы Владимир Моисеевич продолжает разрабатывать теоретические и прикладные аспекты в науке о терминах (1983), даёт характеристику языков для специальных целей как функциональных разновидностей национальных языков (1986), определяет семантические и формальные признаки терминологических элементов (1986), ставит вопрос изучения термина в тексте (1987), формирует основные положения сопоставительного терминоведения (1988). К этому времени под его руководством была создана система стандартов по терминам цветной металлургии в специализированном научно-исследовательском институте. По его инициативе была начата реализация проекта «Металлургического энциклопедического словаря».

За последующие годы более чем в 200 публикациях В.М. Лейчика — в монографиях, статьях, обзорах, словарях, методических рекомендациях, терминологических стандартах, тезисах докладов — была сформулирована целостная концепция терминоведения. Возможность посвящать себя только лингвистике и терминоведению позволила больше участвовать в научных и методических конференциях. География поездок В.М. Лейчика на конференции и семинары простиралась на западе до Шяуляя и Львова, на востоке до Иркутска и Омска, на севере до Ленинграда и Ярославля, на юге до Еревана и Баку. На этих форумах были прочитаны десятки докладов по разным аспектам теоретического и прикладного терминоведения, по научно-техническому переводу и лексикографии. Концепция терминоведения Владимира Моисеевича была изложена примерно на ста международных, государственных, региональных конгрессах, конференциях и симпозиумах. В.М. Лейчик обсуждал её с коллегами, многие из которых стали его соавторами в науч-

ных публикациях. Это В.Г. Гак, А.С. Герд, С.В. Гринев, С.Д. Шелов, М.В. Антонова, И.С. Квитко и другие. Его статьи в оригинальной или переводной версии публиковались в США, Великобритании, Франции, ФРГ, Австрии, Дании, Польше, Венгрии, Румынии. Он указывает, что «к концу 1980-х годов терминоведение получило достаточно стройную теоретическую базу... приобрело черты полноценной области знания с собственной структурой, включающей теоретические и прикладные разделы» [Лейчик 2007: 122].

Итогом терминоведческих штудий стала докторская диссертация «Предмет, методы и структура терминоведения». На её написание вдохновили автора замечательные учёные: академик Российской академии наук Г.В. Степанов, академик Национальной академии наук Украины В.В. Акуленко, доктор филологических наук Ю.А. Бельчиков. В 1990 г. диссертация была защищена в Институте языкознания РАН.

Владимир Моисеевич указывает, что терминоведение — это комплексная научно-прикладная дисциплина, предметом которой служат термины и их совокупности (терминологические системы и терминологии), а также закономерности складывания, конструирования и функционирования этих совокупностей. Терминоведение выделилось из лингвистики и занимает своё особое место в системе современных наук на границе лингвистики, логики, когнитологии, психологии, семиотики, информатики, науковедения, системологии и ряда других наук, которые являются для него базовыми или смежными. Терминоведение заимствует методы из этих базовых и смежных наук, прежде всего, лингвистики (лексикологии, социолингвистики, теории текста и т.п.), и создаёт собственные методы. Структура терминоведения включает два раздела. Во-первых, теоретический раздел, в котором выделяются общее, лингвистическое, когнитивное, сопоставительное, историческое, стилистическое терминоведение и терминоведческая теория текста. Во-вторых, прикладной раздел, который занимается унификацией терминов и терминологий, разработкой терминологических словарей, переводом терминов, терминологическим редактированием текстов, созданием автоматизированных терминологических банков данных, терминологическим контролем и организационной деятельностью.

В 90-е годы тема особенностей функционирования терминов в тексте (1990) продолжает развиваться — выделяется три типа текстов, в которых функционируют термины: терминопорождающие, терминоиспользующие и терминофиксирующие. Два первых типа считаются первичными, а терминофиксирующие — являются

вторичными, они представлены в терминологических стандартах, рекомендациях и словарях, они образуют, по мнению автора концепции, вторичную сферу «жизни» терминов и их совокупностей (1990). В.М. Лейчик в этот период утверждает, что термин существует во множестве вариантов — синтагматических и парадигматических; выбор основного варианта, в частности нормативного термина, происходит в процессе упорядочения терминологии или конструирования терминосистемы; в то же время полное устранение вариантности термина невозможно вследствие неустранимости у него естественно языкового субстрата.

Став доктором филологических наук, Владимир Моисеевич в 1992 г. получил приглашение на преподавательскую работу в создававшийся в тот момент факультет «Языки и культуры» Российского открытого университета, где он стал одним из инициаторов оригинальной системы обучения иностранным языкам в тесной связи с культурой народа конкретной страны.

А уже через год В.М. Лейчик был избран по конкурсу на должность профессора Высшей педагогической школы г. Слупска (Республика Польша), где он работал в коллективе единомышленников, увлеченных своим делом людей — докторами филологических наук Е. Врублевски (Слупск) и Л. Бесекирской (Белосток). В Институте нефилологии этого высшего учебного заведения он читал лекции и проводил семинарские занятия по широкому кругу лингвистических предметов: «Введение в языкознание», «Русская деловая речь», «Основы русско-польского и польско-русского перевода», «Русская графика и орфография», «Лексикология русского языка для польских студентов» (или «Конфронтативная лексикология польского и русского языков»). За этот период он выступил с докладами на конференциях по проблемам лексикологии, стилистики, фразеологии, лингводидактики, терминоведения, теории языков для специальных целей, проведенных в разных городах Польши, а также в Берлине, Копенгагене, Гродно, Москве, Самаре. Результатом этих выступлений стали публикации в сборниках научных статей и журналах, а также выход в свет монографий, подготовленных совместно с польскими коллегами: «Терминоведение: предмет, методы, структура» (с Л. Бесекирской, Белосток, 1998), «Основы конфронтативной лексикологии польского и русского языков» (с Э. Секежицким, Щецин, 2000), и «Словаря трудностей русского языка (для польскоговорящих)» (с Е. Врублевским, Слупск, 2000). Отдельную страницу в работе В.М. Лейчика в Польше составляют его рецензии на кандидатские и докторские диссертации польских коллег: К. Люциньского, Л. Бесекирской, Г. Лисовской, И. Роляк.

Вернувшись в Россию, он продолжал преподавательскую деятельность — три года в Московском институте иностранных языков, затем — в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина. Причём круг его научных и методических интересов расширился: он преподавал курс сопоставительного изучения славянских языков, занимался стилистикой, в частности, писал статьи и выступал на российских и международных форумах по проблемам языка СМИ и языка рекламы, увлекая молодых учёных в эту научно-прикладную область; вместе с коллегами изучает живые тенденции в современном русском языке. Не оставляет он и свою излюбленную сферу — терминологию: опубликовал в отечественных и международных журналах несколько статей, в которых подводятся итоги развития российского терминоведения в XX в. и намечаются перспективы на новый век, выступает на отечественных и международных конференциях и симпозиумах, в том числе и за рубежом — в Великобритании, Словении, Польше, участвовал в проведении круглых столов по терминоведению и теории языков для специальных целей. Его имя и научные работы известны во многих странах Европы — Австрии, Великобритании, Германии, Дании, Польше и др. Научные труды В.М. Лейчика, а их более 500, включают 5 монографий, терминологические словари, учебные пособия, методические рекомендации, материалы многочисленных российских и зарубежных конференций, рецензии на статьи и монографии терминоведов и его собственные статьи в ведущих журналах по филологии, языкознанию и терминоведению. Его главная монография по терминоведению награждена премией Инфотерма (Австрия), а общий вклад в развитие терминоведения отмечен премией РоссТерма имени Д.С. Лотте. В 2001 г. он избран действительным членом Российской академии естественных наук.

В эти годы В.М. Лейчик поставил проблему многоаспектной классификации лексики языков для специальных целей, проанализировал их современное состояние и наметил перспективы их изучения в будущем (1999).

Целостная концепция терминоведения, основные положения которой были сформулированы в главном труде его жизни «Терминоведение: предмет, методы, структура», была переиздана в нашей стране в 2006 году. Именно в ней он отмечал, что термин представляет собой объект целого ряда наук, и «каждая наука стремится определить в термине признаки, существенные с её точки зрения. Действительно, лингвистическое определение термина — это определение языковых его аспектов, логическое же определение — это определение его логических аспектов и т.д.» [Лейчик, 2006: 20].

Кроме того, «термин либо обозначает, либо обозначает и выражает понятие, называя его признаки» [Там же: 23]. Он отмечает: «Термины являются чрезвычайно многочисленной и интереснейшей частью словарного запаса развитых национальных языков. Если наиболее полные филологические словари таких языков насчитывают 300–400 тысяч лексических единиц, то общее количество терминов в развитых национальных языках исчисляется миллионами. По подсчётам разных специалистов, 80–90 процентов всей появляющейся в них новой лексики — это термины и другие специальные лексические единицы, и признаваемая многими учёными интеллектуализация языка связана в значительной степени с широким использованием в нём именно специальной лексики» [Шелов, Лейчик, 2012: 10].

Центральной идеей его концепции является понимание термина как сложной трёхслойной лексической единицы языков для специальных целей, единицы, включающей логический суперстрат, естественной языковой субстрат и терминологическую сущность, проявляющуюся в содержательной, формальной и функциональной структуре термина. Языковой субстрат является неотъемлемой частью содержательной, формальной (материальной) и функциональной структуры термина, который, вследствие этого, представляет собой лексическую единицу того или иного естественного языка. Он отмечает: «Термин дан нам в виде лексической единицы — единицы языка, мы имеем полное право утверждать, что термин вырастает в лексической единице определённого естественного языка или что, иначе говоря, лексическая единица этого языка является естественно-языковым субстратом термина» [Лейчик, 2006: 30], причём «её содержательные, формальные и функциональные признаки могут изучаться совместно или раздельно» [Там же: 31].

В связи с разработкой концепции языков для специальных целей, термин был определён как лексическая единица определённого языка для специальных целей (ЯСЦ), а не того естественного языка в целом, на базе которого формируется данный ЯСЦ как его функциональная разновидность.

Особое место в развитии теории терминоведения занимает понимание термина, являющегося элементом сконструированной терминосистемы, которая служит средством обозначения, моделью системы общих понятий (концептов) определённой теории, описывающей какую-либо специальную область знаний или деятельности; отсутствие такой теории или её незавершённость ведут к стихийному складыванию терминологии, элементами которой являются предтермины или квазипредтермины. Занимаясь описанием нескольких терминологических систем и изучая особенности их перевода на

русский язык, В.М. Лейчиком было построено несколько классификаций терминов по содержательным и функциональным признакам.

В 80–90-е годы XX века в России решительно продвигалась вперёд когнитивная лингвистика, её отечественную версию Е.С. Кубрякова разработала и назвала когнитивно-дискурсивной парадигмой лингвистического знания. Благодаря вниманию к двум основным функциям языка — когнитивной и коммуникативной — мы можем наблюдать более глубокое понимание механизмов языка по сравнению с тем, что наблюдается в зарубежной когнитивной парадигме. Это связано с введением в лингвистическое описание новых дискурсивных параметров: «изучать каждое языковое явление надо в его использовании — в тексте и дискурсе» [Кубрякова, 2004: 19]. Когнитивный подход открывал новое видение языковых фактов, давал понимание соотношения языка и действительности, языкового сознания и языковой картины мира, единства процессов номинации и категоризации, проблем представления знаний, роли словообразования в формировании языковой картины мира, роли дискурса в реализации семантики слова и т.п.

Когнитивный поворот в терминоведении в 90-х годах прошлого века в значительной степени был подготовлен когнитивной лингвистикой. Заслуга В.М. Лейчика состоит в том, что он, опираясь на достижения традиционного системного подхода в исследовании терминологии, сумел увидеть новые, когнитивные аспекты в терминоведении, которое предоставляло богатый материал для проверки методов и приёмов когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистике. Об этом свидетельствуют такие его статьи, как «Роль концептуальной структуры в формировании отраслевой терминологии» (1987), «Элементы языкового сознания в эвристической деятельности» (1988), «Базы знаний и логическое программирование в исследованиях процессов терминообразования» (1989), «Использование методов базовых и смежных наук в изучении терминов и терминосистем» (1990).

В 2000-х годах когнитивное терминоведение уже формируется как самостоятельное научное направление со своим категориальным аппаратом, предметом исследования и методами анализа. Это нашло отражение в работах В.М. Лейчика этого периода: «К обоснованию когнитивного терминоведения» (2001), «Понятие и концепт» (в соавторстве с В.Ф. Новодрановой) (2002), «Место терминов в процессах вербализации концептов в семантике языка и текста» (2003), «Дискурс — речь — текст» (2004), «Российское терминоведение: опыт синтеза «старой» и «новой» парадигмы» (в соавторстве с С.Д. Шеловым) (2004) и др.

Переход на новую когнитивно-дискурсивную парадигму в терминоведении был проанализирован в статье В.М. Лейчика «Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения, как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков» (2007). Когнитивное терминоведение вступает в свои права после подготовительного (с начала XVIII века до конца 20-х годов XX века) и последующих четырёх этапов развития терминоведческой науки, — указывается Владимиром Моисеевичем [Лейчик, 2007]. Именно в этой статье звучат слова, которые в полной мере раскрывают сущность когнитивного терминоведения: «Применение когнитивного подхода к определению термина, его лингвистических признаков (наличие в структуре терминологического знака элементов естественно-языкового субстрата и логического субстрата) и совокупности выполняемых им функций (когнитивная, номинативная, сигнификативная, коммуникативная, прагматическая, эвристическая и др.) позволяет показать, что термин появляется в результате концептуализации как речемыслительной операции, обеспечивающей переход от первоначально субъективных представлений к субъективно-объективному языковому знаку в процессе вербализации специальных концептов в форме слов или словосочетаний — лексических единиц языков для специальных целей (ЯСЦ), то есть функциональных языков, фигурирующих в настоящее время в сферах науки, техники, технологии, экономики, общественно-политических отношений и др.» [Там же: 124]. Эта же статья появилась на английском языке в 2009 году в сборнике “Categorization and Conceptualization in Languages for Special Purposes and professional discourse studies” [Leitchik, 2009]. Понимание терминологической системы — одной из наиболее ключевых понятий когнитивного терминоведения — становится возможным на основе когнитивной, содержательной, лингвистической и нормативной характеристик [Лейчик, 2008].

В 2013 году В.М. Лейчик работал над 5 изданием своего фундаментального труда — «Терминоведение: предмет, методы, структура», над публикацией новой книги в соавторстве с С.Д. Шеловым «Терминология и профессиональная лексика: состав и функции», готовился к семинару «Терминология и языки для специальных целей» 29 мая 2013 года в Институте русского языка имени В.В. Виноградова. В.М. Лейчик подготовил блестящий доклад «Новое в проблематике терминоведения (начало XXI столетия)». К глубокому сожалению, В.М. Лейчик не смог присутствовать на семинаре. Его доклад был прочитан известным терминоведом Е.М. Какзановой и позднее опубликован. Это была последняя работа В.М. Лейчика.

В.М. Лейчик был не только крупным учёным, разрабатывающим концепции терминоведения, он был организатором науки, продвигающим вперёд терминоведение как самостоятельную научную дисциплину. Он дал путёвку в научную жизнь многим молодым учёным. Под его руководством сформировалась целая плеяда кандидатов и докторов наук. Он выступал официальным оппонентом и научным рецензентом на Учёных советах по защитах диссертаций в крупнейших университетах России и Польши.

Подготавливая эту публикацию и проводя Круглый стол, посвящённый 90-летию замечательного учёного Владимира Моисеевича Лейчика в рамках VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике «Cognitio и communicatio в современном глобальном мире», мы хотели бы вспомнить о его Таланте Учёного, щедрого душой, демократизме и доброжелательности. Он был очень добрым, открытым человеком, гостеприимным для всех учеников, коллег и друзей, способный поддержать любого в трудную минуту. Его имя и его образ с добрым и одновременно серьёзным взглядом, а также его улыбка навсегда останутся в наших сердцах.

Список литературы

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лейчик В.М. Классификация терминосистем // *Termonologija*. Vilnius: Lietuviu kalbos institutas, 2008. № 15. С. 10–16.

Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // *Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. трудов / Под ред. Л.А. Манерко. М.; Рязань: Институт языкознания РАН; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2007. Вып. 5. С. 121–132.*

Лейчик В.М. Люди и слова. М.: Наука, 1982.

Лейчик В.М. Предисловие // *Тетради новых терминов. № 2: Англо-русские патентные термины / Сост. В.С. Попов, Л.А. Горник и др. М.: ВУНИТИ, 1971.*

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2006.

Новодранова В.Ф. Лирический этюд о жизни и творчестве В.М. Лейчика // *Язык медицины. Самара: Порто-принт, 2013. № 4. С. 212–216.*

Шелов С.Д., Лейчик В.М. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции: учебн. пос. СПб: СПбГУ: РИО. Филол. факультет, 2012.

Leitchik V.M. Cognitive Terminology as the fifth stage in the development of the leading scientific discipline in the 20–21 centuries. Categorization and Conceptualization in Languages for Special Purposes and professional discourse studies. Ed. by L.A. Manerko. Moscow: Ин-т языкознания РАН, Рязань: Принт, 2009.

Valentina F. Novodranova,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Latin and Terminology Fundamentals, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Yevdokimov, Russia;
e-mail: novodranova@mail.ru

Larisa A. Manerko,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: wordfnew@mail.ru

VLADIMIR M. LEITCHIK: THE LIFE AND SCIENTIFIC PATH OF THE PHILOLOGIST, TERMINOLOGIST AND SPECIALIST IN TRANSLATION

The presented material is dedicated to the outstanding Russian philologist, linguist and specialist in terminology Vladimir Leitchik, the founder of the new discipline known as Terminology (“Terminovedeniye”). At the beginning of his scientific career he was focused on the issues of word-formation in the French language but then continued to show the integration of different branches of scientific knowledge, including semiotics and computer science, lexicography and lexicology, phraseology and stylistics, patent science, translation and interpreting, neology and terminology. This last field became the leading one in his scientific life, in which the polyparadigmatic and cross-disciplinary aspects of his research perspective are fully revealed.

Key words: philology, linguistics, translation and interpreting, terminology science, cognitive terminology.

References

Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: on the way of getting knowledge about the language: Parts of speech from the cognitive perspective. The role of language in the world cognition]. Ros. Akademiya nauk. In-t yazykoznaneya. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004 (In Russian).

Lejchik V.M. Klassifikaciya terminosistem [Classification of terminological systems]. Terminologija. Vilnius: Lietuviu kalbos institutas, 2008. No.15, pp. 10–16 (In Russian).

Lejchik V.M. Kognitivnoe terminovedenie — pyatyj ehtap razvitiya terminovedeniya kak vedushchej nauchnoj discipliny rubezha XX–XXI vekov [Cognitive Terminology as the fifth stage in the development of the leading scientific discipline in the 20–21 centuries]. Kognitivnaya lingvistika: novye problem poznaniya: sb. nauch. trudov. Pod red. L.A. Manerko. Moscow, Ryazan:

Institut yazykoznaniiya RAN; Ryaz. gos. un-t imeni S.A. Esenina, 2007. Ussue 5, pp. 121–132. (In Russian).

Lejchik V.M. Lyudi i slova [People and words]. Moscow: Nauka, 1982 (In Russian).

Lejchik V.M. Predislovie [Foreword]. Tetradi novyh terminov. No. 2: Anglo-russkie patentnye terminy. Sost. V.S. Popov, L.A. Gornikidr. Moscow: VINITI, 1971 (In Russian).

Lejchik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Terminology Science: subject, methods, structure]. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow: KomKniga, 2006. (In Russian).

Leitchik V.M. Cognitive Terminology as the fifth stage in the development of the leading scientific discipline in the 20–21 centuries. Categorization and Conceptualization in Languages for Special Purposes and professional discourse studies. Ed. by L.A. Manerko. Moscow: Ин-т языкознания РАН, Рязань: Принт, 2009.

Novodranova V.F. Liritcheskij etud o zhizni i tvorchestve V.M. Lejchika [Lyrical piece on life and creativity of V.M. Lejchik]. Jazyk meditsiny. Samara: Porto-print, 2013. P. 212–216.

Shelov S.D., Lejchik V.M. Terminologiya i professional'naya leksika: sostav i funkicii [Terminology and professional lexicon: the organization and functions]: uchebn. pos. Saint-Petersburg: SPbGU: RIO. Filol. fakul'tet, 2012. (In Russian).

Ю.В. Сложеникина,

доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Самарский филиал);
e-mail: goldword@mail.ru

А.С. Зайцева,

преподаватель, Академия гражданской защиты Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;
e-mail: a.zaitseva@yahoo.com

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СПЕЦИАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье объектом изучения является категориально-терминологическая микросистема — лексико-семантическая группа «действительность, реальность» в терминологии чрезвычайных ситуаций; предметом — возможности её категоризации, семантизации и таксономической классификации. Семантическое ядро всех терминов данной группы составляют 2 интегральных признака: абстрактные отношения и формы существования материи; действительность, реальность, которая в терминологии чрезвычайных ситуаций может быть описана терминами *ситуация, положение, условия, обстановка, кризис, режим, система, состояние, биоценоз, жизнь, аномалия*. Чтобы стать собственно отраслевыми терминами, эти лексические единицы получают дифференциальные признаки (семы *источник, следствие, объект, субъект, пространство, количество, порядок, изменение, модус бытия, условие, время, деятельность*). С помощью этих сем может быть выражена узкоспециальная информация. В результате семантической конкретизации происходит обособление лексики в особое профессиональное терминологическое поле.

Ключевые слова: термин, терминология чрезвычайных ситуаций, терминологическое поле, категория, лексико-семантическая группа, семантика термина.

Введение

Делая перспективный анализ актуальных направлений терминологических исследований в XXI в., В.М. Лейчик предположил, что одним из основных останется языковой аспект терминосистем и их

развития. Основоположник терминоведения как науки, В.М. Лейчик указал, что синхронное изучение отраслевых терминосистем было и будет предметом научного поиска и прикладных усилий [Лейчик, 2000: 24]. С.В. Гринев с соавторами в справочном пособии «Указатель терминологических диссертаций» обозначил 57 терминологических полей — тематических областей знаний, по метаязыкам которых с 1940-х до 1990-х гг. было защищено несколько сотен диссертаций [Гринев, 2006].

В XXI веке интерес к отраслевым терминологиям обусловлен прежде всего взаимодействием интра- и экстралингвистических факторов в номинации узкоспециальных понятий. Появление новых областей науки и практики приводит к необходимости изучения и структурирования новейшей терминологической лексики с точки зрения когнитивных структур, представляющих специальную информацию. Л.А. Манерко замечает, что системное описание языков для специальных целей связано с более глубоким «осмыслением понятийной сферы терминологии» [Манерко, 2015: 27], а С.Д. Шелов уверен, что объединение «всех полей отдельных терминологических единиц» даст возможность «получить соответствующую общую терминологическую и базовую терминологическую структуру (картину) науки, научной дисциплины или тематической области» [Шелов, 2017: 181]. В исследованиях новейшего времени семантика терминов рассматривается под новым углом зрения, «с учётом когнитивных процессов концептуализации и конструирования» [Новодранова, 2012: 103].

В.А. Татаринов, характеризуя эволюцию проблем и аспектов изучения терминологической лексики, обращает внимание на мысль М.Н. Володиной о том, что при моделировании терминообразования «формируется собственный терминологический словообразовательный фонд, проявляющийся в создании автономных категориально-терминологических микросистем» [Татаринов, 2006: 137; Володина, 1993]. В нашем исследовании объектом изучения является такая категориально-терминологическая микросистема — лексико-семантическая группа «действительность, реальность» в терминологии чрезвычайных ситуаций; предметом — возможности её категоризации, семантизации и таксономической классификации.

Категоризация и семантизация терминологии чрезвычайных ситуаций

27 декабря 1990 г. было принято постановление Совета министров РСФСР «Об образовании Российского корпуса спасателей...».

Его создание мотивировалось, во-первых, сложностью и величиной территории государства, а во-вторых, высокой степенью развития хозяйственного комплекса России. В настоящее время Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий более известно под аббревиатурой МЧС России. Почти за 30 лет существования данный институт выработал собственный язык описания, сложилась собственная терминология, получившая оформления в ряде словарей, например [Гражданская...2015]¹. Терминологическое поле чрезвычайных ситуаций (ЧС) можно представить в виде идеографической классификации лексики, разработанной школой В.В. Морковкина и представленной в Комплексном учебном словаре: Лексическая основа русского языка [Комплексный...2004]. Данный подход к терминологии уже был реализован, в частности, в работах [Сложеникина, 2017; Сложеникина, 2018].

С точки зрения таксономической классификации, ЛСГ «действительность, реальность» в качестве интегральных включает семы: 1) абстрактные отношения и формы существования материи; 2) действительность, реальность. Это постоянный, инвариантный набор сем в значении всех составляющих данной группы. Считаем возможным к данной ЛСГ отнести термины с родовыми словами: *ситуация, положение, условия, обстановка, кризис, режим, система, состояние, биоценоз, жизнь, аномалия.*

Ситуация

Под *чрезвычайной ситуацией* понимают определённую обстановку на суше, водной поверхности или воздушной сфере, ставшую результатом «аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия» [с. 623]. По семе «**причинность следствием** ЧС являются «человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери» [с. 623]. По семе «**причинность — источники**» чрезвычайные ситуации делятся на: *природные, техногенные, биолого-социальные, эпидемические.* По семе «**пространство**» + «**количество**» ЧС разграничиваются на: *локальные, муниципальные, региональные, межрегиональные, федеральные.* Эти типы ЧС выделяются в соответствии с Российским законодательством. Кроме них, в данную подгруппу можно включить *глобальную чрезвычайную ситуацию.* По семе

¹ Далее ссылки на языковой материал даются по источнику: Гражданская защита: Энциклопедический словарь. 3 изд., перераб и доп. / Под общ. ред. В.А. Пучкова. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 664 с.

«земная поверхность» ЧС бывают: *лесопожарные, на акватории*. По семе **«объект»** — *экологическими*.

Рассмотрим конкретные разновидности ЧС, терминованные в словарной литературе.

По **источнику** происхождения выделяют *чрезвычайную ситуацию природную* — неблагоприятную обстановку, сложившуюся «в результате опасного природного явления, катастрофы или стихийного бедствия» [с. 624]. Внутри *чрезвычайной ситуации природной* возможна дальнейшая классификация по семе **«источники»**: *геофизические, геологические, метеорологические и агрометеорологические, морские, гидрологические опасные явления (половодье, заторы и зажоры, ветровые нагоны, подтопление и др.)* [с. 624]. *Биолого-социальная чрезвычайная ситуация* вызвана распространением «инфекционных болезней людей, сельскохозяйственных животных и растений» [с. 47]. *Техногенная чрезвычайная ситуация* имеет источником промышленные факторы [с. 624].

По признаку **«земная поверхность»** терминовывают 2 чрезвычайные обстановки: *лесопожарная ЧС, ЧС на акватории*. *Чрезвычайная ситуация лесопожарная* — сложная обстановка, возникшая в результате лесного пожара. Так же, как и для всех ЧС, в дефиниции отмечаются негативные последствия: «человеческие жертвы, ущерб здоровью людей и окружающей среде, значительные материальные потери, нарушение условий жизнедеятельности людей» [с. 623]. В зависимости от семы **«количество»**, то есть числа людей, пострадавших в ЧС и размера ущерба, а также от семы **«пространство»**, то есть зон распространения пожара, *чрезвычайные ситуации лесопожарные* подразделяются на: *локальные, муниципальные, региональные, межрегиональные и федеральные*. *Чрезвычайная ситуация на акватории* характеризуется нарушением «нормальных условий жизни и деятельности людей и мореплавания» [с. 624]. По признаку **«источник»** ЧС на акваториях делят на *природные, техногенные, биолого-социальные, военные*.

По признакам **«количество»** + **«пространство»** среди *локальных, муниципальных, региональных, межрегиональных, федеральных ЧС* отметим: *чрезвычайная ситуация федеральная* — её критерием являются количественные показатели, в данном случае количество пострадавших «более 500 чел. либо материальный ущерб свыше 500 млн рублей» [с. 624]. *Субъекты* ликвидации *федеральной ЧС* — силы и средства органов исполнительной власти субъектов РФ в зоне ЧС. *Локальная чрезвычайная ситуация* ограничивается пределами территории объекта и количеством пострадавших «не более

10 чел., прямым материальным ущербом не более 100 тыс. рублей». **Субъекты** — силы и средства производственного предприятия [с. 238]. *Муниципальная чрезвычайная ситуация* соответственно пострадавших «не более 50 человек, материальный ущерб не более 5 млн рублей». **Субъекты** — силы и средства муниципального образования объекта [с. 270–271].

По семе «**пространство**» можно обозначить *трансграничную чрезвычайную ситуацию*, выходящую за пределы Российской Федерации или, наоборот, входящую на данную территорию [с. 551].

По семе «**объект**» выделяют *экологическую ситуацию*, которая в зависимости от **количества**, то есть от степени экологического неблагополучия классифицируется на виды: *относительно удовлетворительная, напряженная; критическая; кризисная, катастрофическая* [с. 638].

Термин *аварийная ситуация* дефинируется иным набором семантических признаков. Во-первых, важна сема «**порядок — соединение, объединение**» — это «сочетание опасных состояний» [с. 12], во-вторых — сема «**движение**» — это «переход из нормальной (штатной) ситуации к аварийной» [с. 12]. Кроме того, привлекаются семы «**следствие**» («поражение объектов, человека и среды жизнедеятельности»), а также «**количество**» («превыждённость предельно допустимых границ»), «**изменение**» («обратимые или необратимые изменения параметров состояния объектов»), «**источник**» (техногенные, антропогенные, природные факторы) [с. 12].

Положение

Чрезвычайное положение прежде всего фиксируется юридически. Оно объявляется в соответствии с «Конституцией РФ и Федеральным законом «О чрезвычайном положении» указом Президента РФ и утверждается в течение 72 ч после его обнародования Советом Федерации Федерального Собрания РФ» [с. 624]. По семе «**пространство**» *чрезвычайное положение* бывает объявленным на всей территории России или в отдельных регионах. *Чрезвычайное положение* определяется как «особый правовой режим деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, организаций, общественных объединений, допускающий установленные указанным законом отдельные ограничения прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей» [с. 624].

Семантическую структуру термина *чрезвычайное положение* можно представить следующим образом.

Материальный мир				
Органический мир				
Человек: общие понятия				
Человек в обществе				
Социальная организация общества				
Политическая организация общества				
Правопорядок, правовой режим				
Порядок: особый	Субъект: Президент РФ, СФФС РФ	Социальные категории: наличие свобод — отсутствие свобод	Объект: граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства, организации, общественные объединения	Отношение: дополнительные обязанности

Относительно семы «**модусы бытия**» в дефиниции термина указывается, что ЧП вводится с целью предотвращения угрозы (= возможности) «жизни и безопасности граждан или конституционному строю РФ», относительно семы «**условие**» сообщается о применении чрезвычайных мер. Сема «**причинность — источники**» разделяет ЧС две группы: *социально-политические* и *природно-техногенные*. Сема «**время**» указывает на то, что ЧП — это временная мера на срок действия режима на всей территории России — 30 суток, в отдельных местностях — 60.

Разновидность ЧП — *военное положение*. Помимо сем, указанных ранее, дополнительно эксплицируется признак «**причинность**» — агрессия (или угроза агрессии) против РФ. **Субъект**, вводящий *военное положение*, — *органы военного управления*, их «**конкретная деятельность**» — «расширение полномочий органов военного управления; возложение на граждан дополнительных обязанностей; ограничение прав и свобод гражданина» [с. 74].

Обстановка

Для термина *обстановка*, принадлежащего полю ЧС, перво-степенное значение имеют иные семы, нежели для омонима-слова литературного языка. Во-первых, это сема «**порядок — соединение, объединение**» — это «совокупность факторов, условий и обстоятельств» [с. 30], во-вторых, сема «**конкретная деятельность**» — это «подготовка и выполнение определённых действий», а именно «обеспечение защиты населения и территорий от опасностей и угроз мирного и военного времени» [с. 30]. Для полного представления

понятия *обстановка* дополнительно в энциклопедическом описании привлекаются следующие семы: «**модусы бытия**»: **опасность / безопасность** — наличие опасности, **реальность / возможность** — вероятность реализации негативных обстоятельств, **польза / вред** — ожидаемый ущерб; «**причинность — источники**» — факторы природного, техногенного, экологического или военного характера; «**количество**» — объём превентивных мер снижение риска возникновения ЧС; «**факторы безопасности**» — готовность к действиям сил и средств МЧС; «**пространство**» — дислокация сил и средств; «**средства труда**» — материально-технической обеспечение».

По семе «**объект**» выделяют виды *обстановки*: *обстановка биологическая* — это определённые показатели «величины и структуры... санитарных потерь, масштабы и степень биологического заражения местности, населения, объектов и окружающей среды» [с. 301]; *обстановка медицинская* — это сочетание различных факторов и обстоятельств, от которых зависит «организация, содержание и выполнение мероприятий по спасению жизни и здоровья людей» [с. 301]; *обстановка фитосанитарная* — это состояние земель и растительности, количество сорных растений, распространение болезней растений [с. 596]; *обстановка химическая* — последствия «применения химического оружия, эксплуатации химически опасных объектов, аварий на них» [с. 615]; *обстановка экологическая* — состояние природной среды с точки зрения благополучия людей, животных, растений, окружающей среды [с. 637]; *обстановка инженерная* — состояние местности, инженерного оборудования и инженерных сил и средств вследствие аварии, катастрофы, бедствия [с. 181]; *обстановка радиационная* — состояние радиационного фона [с. 444]; *обстановка санитарно-эпидемиологическая* — «характеристика среды обитания и состояния здоровья населения», с точки зрения **количества**, это уровень заболеваемости и распространённости инфекций, по этому критерию она характеризуется как *благополучная, неустойчивая, неблагоприятная, чрезвычайная* [с. 476].

По семе «**количество**», то есть по степени возрастания неблагоприятия, *обстановка экологическая* классифицируется на виды: «относительно удовлетворительная; напряжённая; критическая; кризисная, катастрофическая» [с. 615]. *Обстановка эпизоотическая* — это распространённость инфекционных болезней среди сельскохозяйственных животных [с. 302]; *обстановка ветеринарная* — это «состояние сил и средств ветеринарной службы» [с. 56].

Условия

Чрезвычайные условия по семе «**порядок — общее и отдельное**» характеризуются как «черты общей обстановки», по семе «**причинность — следствие**» — как результат «эффекта чрезвычайного фактора», по семе «**время**» — как «одновременные усугубляющие или стабилизирующие факторы» [с. 625]. Заметим, что при квалификации *чрезвычайных условий* сема «**качество**» является метонимией семы «**количество**», а именно, речь идёт о количестве усилий для ликвидации ЧУ, однако для этого используются качественные прилагательные, как-то: *чрезвычайные условия «сверхсложные* (для ликвидации ЧС недостаточно сил и средств, имеющихся в зоне ЧС); *сложные* (привлекаются все силы и средства, имеющиеся в зоне ЧС); *умеренные* (достаточно сил и средств, имеющихся в зоне ЧС)» [с. 625].

Кризис

В терминологии ЧС понятие *кризис* является гиперонимом. По семе «**количество**», то есть по степени риска и угрозы жизни биосферы, человека и общества, под *кризисами* объединяются *экологические ситуации, бедствия и катастрофы*. Для описания термина *экологический кризис* привлекаются семы: «**движение**» + «**изменение**» — это необратимые изменения, «**объект**» — экосистема, «**пространство**» — это отдельные территории или планета в целом, «**источники**» — это природные явления, антропогенное и техногенное воздействие [с. 641].

Режим

В значении «условия существования, функционирования, деятельности чего-либо» терминологией ЧС из литературного языка заимствован термин *режим*. Применительно к специальному терминополью *режимы* дифференцируются по **объекту**, который может быть элементом неорганического мира, а может быть связан с органическим миром, конкретно, с человеком.

В первой группе назовем термин *гидрологический режим* — основные семы: «**порядок**» + «**изменение**» — это закономерные изменения, «**пространство**» — водное, «**время**» — многолетние, сезонные, суточные, часовые, минутные колебания, «**причинность**» — климатические условия, «**количество**» — уровень, расход, скорость, температура воды и др. [с. 102]. Аналогично: *режим водный* — изменение расхода воды в течение определённого времени в зависимости от ряда факторов [с. 463]; *режим реки* [с. 464].

Во второй группе назовём термин *режим работы спасателей* — «продолжительность и интенсивность работы и отдыха спасателей» [с. 463]. Установление *режима работы спасателей* обеспечивает **факторы безопасности**: эффективность, стабильность, работоспособность, сохранение здоровья спасателей. **Субъект** — руководитель работ по ликвидации ЧС. Термин *режим* может быть связан с ЛСГ «Конкретная деятельность», например, *режим наблюдения* — «система пространственно-временных параметров, характеризующих смену состояния окружающей среды» [с. 464]. **Факторы безопасности**: «стационарность, непрерывность, комплексность, сопоставимость, достоверность» [с. 464]. Кроме того, термин *режим* может быть связан с ЛСГ «Средства труда», например, *режимы функционирования единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, режимы функционирования сети наблюдения и лабораторного контроля гражданской обороны*.

Система

Под *системой* в пределах данной ЛСГ понимается *естественная экологическая система*, то есть «объективно существующая часть окружающей среды» [с. 145]. *Естественная экологическая система* оперирует признаками «**пространство**», она имеет территориальные границы, и «**отношение**» — в ней живые организмы и неживые элементы вступают во взаимосвязь и обмен веществ и энергии. **Факторами безопасности естественной экологической системы** являются целостность и равновесие [с. 145].

Состояние

В терминологию ЧС привлекается видовой термин *техническое состояние*. При его толковании говорят о семантических признаках: «**качество**» — свойство объекта, «**изменение**», «**количество**» — параметры, «**порядок**» — соответствие нормативно-технической документации. По семе **порядок** различают виды *технического состояния*: *исправное, работоспособное* (соответствие всем требованиям нормативной документации), *неисправное, неработоспособное* (несоответствие хотя бы одному требованию нормативной документации) [с. 541].

Биоценоз

Для термина *биоценоз* — «совокупность живых организмов, имеющая определённый состав и сложившийся характер взаимо-

отношений» [с. 48] — по категории «**порядок**» актуализируется сема «**соединение, объединение, совокупность**», по категории «**отношение**» — «**связь**». Для описания видового термина *биоценоз в чрезвычайной ситуации* в дефиниции эксплицируется признак «**причинность — источники**» — «воздействие поражающих факторов ЧС» [с. 48].

Жизнь

Для определения термина *жизнь* используется следующая совокупность семантических признаков: «**отношение — сравнение**» — это «высшая по сравнению с физической и химической форма существования материи» [с. 149], «**существование, бытие**» — некоторые условия (температура, наличие воды, солей и т.д.). При наличии **объекта** — человек термин *жизнь человека* определяется как «поддержание его естественных функций как в обычных условиях, так и в ЧС» [с. 149].

Аномалия

Для термина *аномалия* ключевыми являются 2 семы: «**движение**» — *аномалия* трактуется как отклонение и «**порядок**» — это смещение от нормального, естественного порядка. Критерием фиксации *аномалии* является реализация семы «**количество**» — это «отклонение от среднего значения» [с. 30].

Заключение

Таким образом, семантическое ядро всех терминов данной ЛСГ составляют 2 интегральных признака: абстрактные отношения и формы существования материи; действительность, реальность, которая в терминологии ЧС может быть описана терминами *ситуация, положение, условия, обстановка, кризис, режим, система, состояние, биоценоз, жизнь, аномалия*. Чтобы стать собственно отраслевыми терминами, эти лексические единицы на 3 (и далее) уровне конкретизации получают дифференциальные признаки (источник, следствие, объект, субъект, пространство, количество, порядок, изменение, модус бытия, условие, время, деятельность и нек. др.), благодаря которым возможно выражение узкоспециальной информации и обособление в качестве особого профессионального терминологического поля.

Список литературы

Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации / М.Н. Володина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 112 с.

Гражданская защита: Энциклопедический словарь. 3 изд., перераб и доп. / Под общ. ред. В.А. Пучкова. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 664 с.

Гринев-Гриневиц С.В. Указатель терминологических диссертаций / С.В. Гринев-Гриневиц, В.П. Гринева, Л.П. Минкова, Т.Г. Скопюк. Белосток. М.: РОССТЕРМ, 2006. 750 с.

Комплексный учебный словарь: Лексическая основа русского языка / сост. В.В. Морковкин, Н.О. Беме, И.А. Дорогонова, Т.Ф. Иванова, И.Д. Успенская. М.: «Издательство Астрель», 2004. 872 с.

Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века / В.М. Лейчик // Вопросы филологии. 2000. № 2(5). С. 20–30.

Манерко Л.А. Европейское терминоведение: от вюстерианского понимания термина к осмыслению когниции и коммуникации / Л.А. Манерко, А.Н. Шарапов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 24–32.

Новодранова В.Ф., Мотро Ю.Б. Модификации терминологических значений в различных типах дискурса. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 639. С. 102–112.

Сложеникина Ю.В, Растягаев А.В., Кухно И.Ю. Авторский термин: к определению понятия. Онтология проектирования, 2018. Т. 8. № 1 (27). С. 49–57.

Сложеникина Ю.В., Кухно И.Ю. Идеографическая организация терминологии этногенеза Л.Н. Гумилева. Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. Т. 1. № 50. С. 200–219.

Татаринов В.А. Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения. Русский язык в современном обществе. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 131–161.

Шелов С.Д. Основные проблемы терминоведения: некоторые итоги. Труды института русского языка им. В.В. Виноградова, 2017. Т. 13. С. 176–184.

Yulia V. Slozhenikina,

Dr. Sc. (Philology), Professor at Moscow City Pedagogical University (Samara Branch), Russia; e-mail: goldword@mail.ru

Alla S. Zaitseva,

Lecturer at the Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia; e-mail: a.zaitseva@yahoo.com

CATEGORIZATION OF REALITY IN A SPECIAL WORLD PICTURE

The object of study in the article is lexical and semantic group “reality” in the emergency situations terminology as a categorial and terminological microsystem. The subject is the possibilities of its categorization, semantization and taxonomic classification. The semantic core of all the terms forming this group consists of two integral features: abstract relations and forms of existence of matter: reality. In the terminology of emergency situations special reality is described by terms *situation, state, conditions, circumstances, crisis, regime, system, condition, biocenosis, life, anomaly*. To become industry-specific terms, these lexical units receive differential signs (*source, consequence, object, subject, space, quantity, order, change, modality, condition, time, activity*). With the help of these semes, special professional information can be expressed. As a result of semantic specification, the lexicon forms a special professional terminology field.

Key words: term, emergency situations terminology, terminological field, category, lexical-semantic group, semantics of a term.

References

Volodina M.N. Nacional’noe i internacional’noe v processe terminologicheskoy nominacii [National and international in the process of terminology nomination]. Moscow: Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, 1993. 112 p. (In Russian).

Grazhdanskaya zashchita: Ehnciklopedicheskij slovar’ [Civil protection: an Encyclopedic dictionary] in V.A. Puchkov (ed.). Moscow: FGBU VNII GOCHS (FC), 2015. 664 p. (In Russian).

Grinev-Grinevich S.V., Grineva V.P. Minkova L.P. Skopyuk T.G. Ukazatel’ terminologicheskikh dissertacij [Index of terminological dissertations], Belostok — Moscow: ROSSTERM, 2006. 750 p. (In Russian).

Kompleksnyj uchebnyj slovar’: Leksicheskaya osnova russkogo yazyka. Sost. Morkovkin V.V., Beme N.O., Dorogonova I.A., Ivanova T.F., Uspenskaya I.D. Moscow: “Izdatel’stvo Astrel’”, 2004. 872 p. (In Russian).

Lejchik V.M. Problemy otechestvennogo terminovedeniya v konce HKH veka [Problems of domestic terminology in the late twentieth century], *Voprosy filologii*, 2000, No. 2(5), pp. 20–30 (In Russian).

Manerko L.A., Sharapkov A.N. Evropejskoe terminovedenie: ot vyusterianskogo ponimaniya termina k osmysleniyu kognicii I kommunikacii [European terminology: from the Wüsterian understanding of the term to the comprehension of cognition and communication], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2015, No. 5, pp. 24–32 (In Russian).

Novodranova V.F. Motro Yu.B. Modifikacii terminologicheskikh znachenij v razlichnyh tipah diskursa [Modifications of terminological values in different types of discourse], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, No. 639, pp. 102–112 (In Russian).

Shelov S.D. Osnovnye problem terminovedeniya: nekotorye itogi [Main problems of terminology: some results], *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, 2017, Vol. 13, pp. 176–184 (In Russian).

Slozhenikina Yu.V., Kuhno I.Yu., Rastyagaev A.V. Avtorskij termin: k opredeleniyu ponyatiya [Author's term: to the definition of the concept], *Ontologiya proektirovaniya*, 2018, Vol. 8, No. 1 (27), pp. 49–57 (In Russian).

Slozhenikina Yu.V., Kuhno I.Yu. Ideograficheskaya organizaciya terminologii ehtnogeneza L.N. Gumileva [The ideographic organization of the terminology of ethnogenesis by L.N. Gumilev], *Mir lingvistiki I kommunikacii: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal*, 2017, Vol. 1, No. 50, pp. 200–219 (In Russian).

Tatarinov V.A. Terminologicheskaya leksika russkogo yazyka: ehvoljuciya problem I aspektov izucheniya [Terminological vocabulary of the Russian language: evolution of problems and aspects of studying], *Russkijj azyk v sovremennom obshchestve*. Moscow: INION RAN, 2006, pp. 131–161 (In Russian).

Э.А. Сорокина,

доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет;
e-mail: ellasor@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА НЕОДНОСЛОВНЫХ ТЕРМИНОВ

В статье поднимаются вопросы, связанные с исследованием формы (формальной структуры) и семантики (семантической структуры) неоднословного термина. Указывается, что неоднословные термины, присутствуя большим количеством в списках отраслевых терминологий, вызывают определённые трудности с исследованием особенностей их внешнего облика и их значения. Предлагается использовать лексему «элемент» для обозначения составной части однословного термина, а лексему «компонент» — для обозначения составной части многословного термина. Отмечается, что в лексике метаязыка терминоведения, так же, как и в лексике общеупотребительного языка, присутствуют семантические явления полисемии, синонимии, омонимии, антонимии, паронимии.

Ключевые слова: термин, однословный термин, неоднословный термин, специальная лексика, формальная структура термина, семантическая структура термина, терминологический элемент, терминокомпонент, терминология.

Введение

Работа посвящается памяти известнейшего терминоведа Владимира Моисеевича Лейчика, чьи труды уже давно стали классическими, признанными как в России, так и за её границами. Трудно себе представить текст, в котором повествуется о результатах исследования специальной лексики, без упоминания в нём имени В.М. Лейчика. Работа В.М. Лейчика «Терминоведение. Предмет, методы, структура» неоднократно переиздавалась и стала настольной книгой как терминоведа-теоретика (лингвиста), так и терминоведа-практика [например, издание: М., URSS, 2006].

О формальной структуре термина

Термином «формальная структура термина» обозначается понятие, связанное с внешней оболочкой термина, с внешним обликом термина, его звуко-буквенной оболочкой. Не трудно заметить, что описание термина как языковой специальной единицы затрудне-

но метаязыковой функцией: терминоведение как языковедческая дисциплина имеет свой арсенал аналитических средств, составной частью которого являются термины. Поэтому наблюдается ситуация, при которой лексема *термин* становится одновременно и предметом исследования, и средством описания процесса исследования. Иначе говоря, терминоведение, будучи отраслью лингвистической науки, так же, как и любая другая научная (и научно-практическая) дисциплина, сформировало свою терминологию, т.е. свой список специальных лексем, призванных быть обозначением понятийного аппарата терминоведения.

Анализ внешнего вида термина (то есть — внешнего облика термина, его звуко-буквенной оболочки) стал уже традиционным в терминоведческих работах, связанных с изучением отраслевых терминологий. Практически все исследователи отмечают, что в каждой отраслевой терминологии наблюдаются термины, равные слову (однословные), и термины, состоящие из сочетания слов (неоднословные).

Однословные термины

Традиционно в структуре однословного термина вычленяются морфемы (корневые морфемы, основы слов, аффиксы и аффиксоиды). Поскольку вычленяемые отрезки являются частицами целого, то, очевидно, их следует называть *элементами*, то есть — первоначальными, неразложимыми далее составными частями целого (ср.: **Элемент** (лат. *elementum* — первичная материя, стихия) — составляющая часть чего-либо (особенно — простая, не состоящая, в свою очередь, из других частей). В качестве элементов термина-слова могут выступать морфемы родного языка (*преподавательница*), греко-латинские терминоэлементы (*метронидазолгемисукцинат*, *ангиокардиопневмография*), полнозначные слова (*плащ-палатка*, *диван-кровать*, *вагон-ресторан*).

Многоэлементные однословные термины создаются способом «нанизывания элементов», при действии которого терминоэлементы последовательно присоединяются к базовому:

- *фотометр* — *спектрофотометр*;
- *индуктотермия* — *электрофорезиндуктотермия*;
- *вольтметр* — *милливольтметр* — *миллиампервольтметр* — *миллиампермилливольтметр*;
- *поляриметр* — *магнитополяриметр* — *спектромагнитополяриметр*;
- *ингаляция* — *ионоингаляция* — *аэроионоингаляция* — *гидроаэроионоингаляция*.

Подобные лексемы В.М. Лейчик называл цепочечными образованиями: «В настоящее время быстро растёт количество многоэлементных лексических единиц, образованных путём «нанизывания» одних элементов на другие: *солевакуумвыпарка* (название устройства), *синтез-газ* (продукт газификации углей), *автозапчасти*. Эти так называемые **цепочечные образования** необходимы для обозначения сложных объектов в областях современного знания» [Лейчик, 2006: 56].

Для создания цепочечных образований чаще всего используются греко-латинские элементы, о которых так отзывалась В.П. Даниленко: «Семантика корней и аффиксальных морфем предстаёт для современных языков в законсервированном виде. Лишённые естественных условий развития, греко-латинские языковые элементы стандартизируются и моносемируются, что очень ценно для терминологии» [Даниленко 1977: 35].

В профессиональном общении (как в официальном, так и в неофициальном) многоэлементные термины вызывают определённые трудности, для устранения которых используются разного вида сокращения.

Многословные термины

Терминологические сочетания слов традиционно обозначаются термином «многокомпонентные термины», где префиксоид *много* — значит «больше одного». Думается, что в отличие от элементов термина-слова составные части термина-словосочетания следует обозначать словом «компонент», поскольку каждый компонент в свою очередь может быть расчленен на *элементы*.

Слово «многокомпонентный» полисемично, данным прилагательным может быть обозначено как объединение двух частей, так и объединение двадцати-тридцати и более частей. Думается, что при использовании «многокомпонентный термин» в равной степени по отношению к двусловным терминам и, например, к семисловным терминам часть важной информации о формальной структуре термина (о количестве составных компонентов) неизбежно скрывается. Возможно, поэтому исследователями используются определения, в составе которых имеется численный указатель: *двусловный термин*, *трёхсловный термин*, *семисловный термин* и т.д.

На проблему обозначения терминов с протяженной формой указывает Т.А. Кудинова: «Анализ работ, посвящённых терминообразованию, показал, что в определении сути явления многокомпонентности существует известная множественность точек зрения»

[Кудинова, 2011: 59]. Автор названной работы осуществила попытку собрать все термины, при помощи которых терминоведы выделяют составные специальные лексические единицы в той или иной отраслевой терминологии: «Термины, состоящие из нескольких лексических единиц, называют по-разному: терминами-цепочками [Ухорская, 1982], многословными терминами [Гринева, 1993; Maunard, Ananiadou, 1999: 212], многочленными терминами [Дорош, 1987], неоднословными терминами [Цаголова, 1987], полилексемными терминами [Гринева, 1993], сложноструктурными субстантивными словосочетаниями [Манерко, 1998], поливербальными терминами [Синявская, 2002], многокомпонентными субстантивными словосочетаниями [Осолихина, 1985], многокомпонентными терминологическими сочетаниями [Симонова, 2004:4], многокомпонентными терминами [Абрамова, 2003; Додонова, 2000; Дроздова, 1989; Краснова, 1987; Кушнерук, 1986; Локтионова, 2001; Михайлова, 1992] и др.» [Кудинова, 2011: 59].

Следовательно, в метаязыке терминоведения присутствует протяжённый синонимический ряд специальных единиц, использующихся для обозначения одного и того же явления: *многокомпонентные термины — термины-цепочки — многословные термины — многочленные термины — неоднословные термины — полилексемные термины — сложно-структурные субстантивные словосочетания — поливербальные термины — многокомпонентные субстантивные словосочетания — многокомпонентные терминологические сочетания.*

В составе терминов-словосочетаний, как показывают многочисленные исследования, количество компонентов отсчитывается от двух до десятка. Протяжённость специальной лексической единицы (термина) — одна из острейших проблем современного терминоведения.

Согласно высказываниям В.М. Лейчика, оптимальная протяжённость термина или оптимальная длина термина «<...> связана с формальным признаком оптимальной его структуры, <...> оптимальным набором терминоэлементов. <...> что позволяет связать проблему оптимальности формальной структуры термина с его содержательной структурой (набором признаков понятия, отраженных в термине)» [Лейчик, 2006: 50].

Наблюдения за развитием отраслевых терминологий позволяют утверждать, что в каждой развивающейся отрасли научного и научно-практического знания увеличивается количество терминов, формальная структура которых усложняется, что приводит к увеличению протяженности термина.

Следовательно, с одной стороны, длина термина, его формальная протяженность является неизбежным результатом профессиональной когниции специалистов. С другой стороны, протяженные неоднословные термины своей формой способны указать на наличие отраженных вербально родовых и видовых отношений между понятиями, входящими в терминосистему. Внешний облик термина (его форма) определяет место самого термина в терминосистеме и обозначаемого понятия в понятийной системе.

При анализе неоднословных терминов необходимо учитывать характер отношений, в которые вступают составные компоненты. Речь идёт о проблеме, озвученной В.М. Лейчиком: «Ещё один принципиальный вопрос, который остается нерешённым, — это вопрос о различении простых терминов, состоящих из нескольких слов, и составных терминов (терминологических сочетаний, или комбинаций)» [Там же: 49]. Приведа такой пример, как «*Постоянная времени изменения сверхпереходных электромагнитных величин по поперечной оси при разомкнутой обмотке якоря синхронной машины*» [ГОСТ 17154-71: 13]», В.М. Лейчик указывает на то, что «в этом сочетании насчитывается по крайней мере пять терминов, каждый из которых может стать отдельным объектом стандартизации» [Лейчик, 2006: 49].

Очевидно, что «простыми терминами, состоящими из нескольких слов» В.М. Лейчик называет те, которые образованы «нанизыванием компонентов». Думается, что под это определение попадают, такие, например, как:

– ванны — воздушные ванны — холодные воздушные ванны — умеренно холодные воздушные ванны;

– душ-массаж — подводный душ-массаж — ручной подводный душ-массаж — местный ручной подводный душ-массаж [Сорокина, 1997: 31];

– воды — минеральные воды — термальные минеральные воды — кремнистые минеральные воды — азотно-кремнистые минеральные воды [Там же: 33].

По мнению В.М. Лейчика, подобным неоднословным терминам противопоставлены «составные термины (терминологические сочетания, комбинации)», формальная структура которых образована соединением терминов, как однословных, так и неоднословных. Вполне очевидно, что к подобным образованиям можно отнести такие, как:

- законы излучения чёрного тела;
- светящийся мост материи между взаимодействующими галактиками;

- расставная переносная лестница с вертикальной выдвижной секцией;
- короткий гвоздь для крепления металлических декоративных деталей;
- временный наём с возможностью постоянного трудоустройства;
- учёт и оценка результатов деятельности персонала.

При уточнении числа компонентов, входящих в структуру неоднословного термина, проявляет себя проблема, связанная с присутствием предлогов, союзов, частиц, артиклей. Надо ли их учитывать в качестве компонента составной структуры термина, или нет? Например, в структуре термина *отчёт о поступлении и расходовании средств* наличествуют 6 компонентов или 4?

Так же, как и многоэлементные однословные термины, многокомпонентные неоднословные термины своей громоздкой формой затрудняют профессиональное общение, поскольку требуют особого внимания к произнесению в устном общении и к грамматическому оформлению в письменной речи. Это явление — одна из причин создания аббревиурованных форм термина.

Аббревиурованные формы (*сокращённые формы термина, сокращения, сложносокращённые формы, термины-аббревиатуры*) присутствуют практически во всех отраслевых терминологиях, например, в экономических науках:

- *кумулятивные привилегированные акции, обращающиеся на аукционном рынке ценных бумаг — КЭМПС;*
- *Международное соглашение по зерну — МСЗ;*
- *налог на добавленную стоимость — НДС;*
- *резервы на катастрофы — РК [Кострубина, 2017: 214–218].*

При изучении сокращённых форм термина с неизбежностью возникает вопрос о синонимии многокомпонентного неоднословного термина и его сокращения. Проблема заключается не только в том, что в сокращённой форме могут быть представлены не все компоненты аббревируемого термина, но и в том, как назвать эти формы: синонимами, или дублетами, или вариантами?

Заключение

Присутствие многокомпонентных неоднословных терминов наблюдается в отраслевых терминологиях всех развитых языков, что подтверждается многочисленными сравнительно-сопоставительными исследованиями. Так, например, анализируя английские

термины в области астрономии, А.К. Сабанчиева утверждает, что «<...> в сфере астрономии современного английского языка преобладают многокомпонентные терминологические единицы (1668 терминов из выборки объёмом 2000 единиц) по сравнению с однокомпонентными (332 термина)» [Сабанчиева, 2017: 18].

Одним из решений упорядочения в использовании терминов «многокомпонентный термин», «терминоэлемент» и «компонент структуры термина», может быть закрепление за перечисленными терминами определённой дефиниции. Например, *терминоэлементом* предлагается называть только составную часть цельнооформленного термина, то есть терминоэлементом термина может быть корневая морфема, основа слова, слово, аффиксоиды и аффиксы. *Терминокомпонентом* (или компонентом термина) предлагается называть составную часть многословного термина, то есть компонентом термина может быть слово.

Следует согласиться с тем определением, которое предлагает Т.А. Кудинова: «С учётом имеющихся определений МКТ мы предлагаем под многокомпонентным термином понимать полилексемное терминологическое сочетание устойчивого типа с числом раздельнооформленных полнозначных компонентов более двух. Компонентом МКТ при этом считается однословная, или аналитическая, лексема» [Кудинова, 2011: 59].

Востребованность в изучении неоднословных терминов, в формальной структуре которых вычленяются два и более компонента, возникает не только в терминоведении. От решения многих проблем, связанных с исследованием неоднословных терминов, зависят актуальные вопросы теории перевода, теории межкультурной коммуникации, теории языков для специальных целей. Так, неуклонно ускоряющееся развитие всех видов межкультурной коммуникации приводит к проблеме перевода: перевод любых видов текстов профессиональной коммуникации (монографии, статьи, резюме, рекламные листки и прочие виды) заставляет лингвистов обратить пристальное внимание к вопросу эквивалентности разноязычных терминов.

Термин, насчитывающий от двух до семи (и более) компонентов, при переводе создает дополнительные трудности в поиске эквивалентного по форме и адекватного по значению иноязычного термина. При этом необходимо сохранить степень смысловой эквивалентности разноязычных терминов, от которой зависит качество перевода иноязычного научно-технического текста.

Список литературы

Кострубина С.А. Сокращения терминов в английском и русском субъязыках экономистов, дис. ... канд. филол. наук / С.А. Кострубина. Череповец, 2017. 230 с.

Кудинова Т.А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подъязыка биотехнологий) // Вестник Пермского университета, вып. 2/24, 2011. С. 58–62.

Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. М.: КомКнига, 2006. 256 с.

Сабанчиева А.К. Структурно-семантическая парадигма русских и английских терминов сферы астрономии (на материале русско- и англоязычных научных монографий), автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А.К. Сабанчиева. Нальчик: 2017. 22 с.

Сорокина Э.А. Проблема обозначения многокомпонентных специальных лексических единиц (терминов) // Термины в коммуникативном пространстве. Материалы научно-практической конференции с международным участием «Дискурсология, терминология, экология языка в современной лингвистике» (11 мая 2018 года). / Э.А. Сорокина. Астрахань, 2018. С. 282–290.

Сорокина Э.А. К вопросу о словообразовательной структуре термина (на материале медицинской терминологии) // Научно-техническая терминология. Научно-реферативный сборник. Вып. 1. / Э.А. Сорокина. М., 1997. С. 27–33.

Elvira A. Sorokina,

Dr. S. (Philology), Professor at Moscow Region State University, Russia;
e-mail: ellasor@mail.ru

ISSUES OF ANALYZING MULTIWORD TERMS

The article raises the question of studying the form (the formal structure) and the semantics (the semantic structure) of multiword terms. It points out that multiword terminological units abounding in branch terminologies pose a problem in researching their outer structure and meaning. The lexeme “element” is put forth to be used for denoting a component of a one-word term, while the word “component” is suggested as a designation of a constituent part of a multi-word term. The article highlights the fact that in the sublanguage of terminological science vocabulary, as well as in the language used for general purposes, certain semantic phenomena can be observed, viz. polysemy, synonymy, homonymy, antonymy, paronymy.

Key words: term, one-word term, multiword term, special vocabulary, the formal structure of the term, the semantic structure of the term, terminological element, terminological component, terminology.

References

Kostrubina S.A. Sokrashcheniya terminov v anglijskom i ruskom sub'yazykah ehkonomistov [Abbreviations of terms in the English and Russian sub-languages of economists], candidate's thesis filol. nauk. Cherepovets, 2017. 230 p. (In Russian).

Kudinova T.A. K voprosu o prirode mnogokomponentnogo termina (na primere anglijskogo pod'yazyka biotekhnologij) [On the nature of the multicomponent term (by the example of the English sublanguage of biotechnologies)]. Vestnik Permskogo universiteta, ussue 2/24, 2011, pp. 58–62 (In Russian).

Lejchik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Terminology Science: subject, methods, structure]. Moscow: KomKniga, 2006. 256 p. (In Russian).

Sabanchieva A.K. Strukturno-semanticheskaya paradigma russkih i anglijskih terminov sfery astronomii (na materiale rusko- i angloyazychnyh nauchnyh monografij) [Structural and semantic paradigm of Russian and English terms of astronomy (by the material of Russian and English scientific monographs)], avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. / A.K. Sabanchieva. Nal'chik: 2017. 22 p. (In Russian).

Sorokina E.A. Problema oboznacheniya mnogokomponentnyh special'nyh leksicheskikh edinic (terminov) [The problem of designation of multicomponent special lexical units (terms)]. Terminy v cekommunikativnom prostranstve. Proceedings of the Conferen (may 11.2018). Astrakhan, pp. 282–290 (In Russian).

Sorokina E.A. K voprosu o slovoobrazovatel'noj strukture termina (na materiale medicinskoj terminologii) [On the question of the word-formation structure of the term (on the material of medical terminology)]. Nauchno-tehnicheskaya terminologiya. Nauchno-referativnyj sbornik. Ussue 1. Moscow, 1997, pp. 27–33 (In Russian).

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»

21–23 октября 2018 г. в г. Сиань в Китае прошёл Китайско-российский педагогический форум «Один пояс — один путь», организованный Шеньсийским педагогическим университетом, Университетом Академии общественных наук Китая и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова. В работе форума приняли участие руководители и профессора многих университетов Китая и России, представители профильных министерств и ведомств, а также исследователи проблем современной педагогики.

Цель форума — широкий обмен мнениями по вопросам международного сотрудничества в области педагогического образования, а также подготовки профессиональных кадров, способных отвечать на вызовы не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня в стремительно меняющемся глобальном мире, вступившем в «цифровую эпоху».

Доклады участников форума касались не только сферы подготовки педагогических кадров двух стран, но и наиболее общих вопросов философии образования и построения наиболее эффективных образовательных моделей для формирования корпуса специалистов для самых различных областей жизни современного общества. Большое внимание участники форума уделили также вопросам обучения иностранных студентов, а также подготовке специалистов межкультурной и межъязыковой коммуникации, лингводидактики и дидактики перевода.

Открывая работу форума, ректор Шеньсийского педагогического университета психолог профессор Ю Сюйцзюнь остановился на миссии образования на западе Китая на фоне реализации проекта «Один пояс — один путь». Проректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова профессор Т.В. Кортава в ответном выступлении и докладе «Пути развития российско-китайского сотрудничества на гуманитарном про-

странстве мегапроекта «Один пояс — один путь» остановилась на истории формирования российско-китайского педагогического сотрудничества и общих фундаментальных ценностях и национальных специфических особенностях в развитии педагогики и психологии личности, а также предложила ряд инициатив по созданию цифрового Шёлкового пути 21 века.

Работа форума была развёрнута на пленарных заседаниях и в пяти секциях, объединявших исследователей России, Китая и других стран: 1) Китайско-российские обмены и сотрудничество в сфере образования в рамках инициативы «Один пояс — один путь»; 2) Модели образования в России и в Китае: традиции и реформы; 3) Современные подходы и технологии преподавания предметных дисциплин; 4) Вопросы образования XXI века в контексте поликультурного пространства; 5) Вопросы обучения в области русского языка и литературы в рамках инициативы «Один пояс — один путь».

Среди более сотни докладов, прозвучавших на форуме, следует отметить те, которые представляются наиболее значимыми для сферы подготовки переводчиков и других специалистов межъязыковой и межкультурной коммуникации, а также для лингводидактики и дидактики перевода.

Доклад вице-президента Российской академии образования академика РАО профессора В.В. Лаптева «Педагогическое образование в глобальной образовательной перспективе» был посвящён вопросам развития педагогического образования в свете предполагаемых изменений в сфере подготовки кадров. Были рассмотрены три группы факторов, оказывающих воздействие на изменение образования — возрастающий спрос на новые компетенции человека, неудовлетворённость общества системой массового образования, влияние информационных технологий на процесс обучения.

Ректор МГПУ, член-корреспондент РАО, президент Китайско-российской ассоциации педагогических вузов профессор А.В. Лубкова в докладе «Пути интеграции: развитие педагогического образования и строительство человеческого общества с единой судьбой» отметил значимость интеграции систем педагогического образования России и Китая как одного из наиболее важных направлений российско-китайского сотрудничества в науке и в гуманитарной сфере, которое во многом определяет будущее человечества в целом. Такая интеграция, по мнению докладчика, способна «противодействовать негативным сторонам глобализации, в том числе размыванию культурно-исторических основ национальной

идентичности молодого поколения, не всегда оправданному и излишнему использованию компьютерных технологий обучения в ущерб живому общению педагога с обучающимися, всё более распространяющимся среди молодежи клиповому мышлению взамен всестороннему мировоззрению».

Профессор Пекинского университета иностранных языков Чжан Цзяньхуа в докладе «Проблемы и опыт изучения русского языка и культуры в высших учебных заведениях Китая» отметил, что преподавание русского языка и литературы в Китае имеет уже более чем четырёхсотлетнюю историю. Оно особенно интенсифицировалось последние сорок лет после внедрения в образование Китая политики реформы и открытости. Докладчик отметил также сложности, связанные с нерешённостью ряда важнейших проблем, начиная со строительства филологической дисциплины, кончая подготовкой новых специалистов-русистов. «Сорокалетие с их парадоксами и противоречиями, успехами и недочётами в преподавании русского языка и литературы, по мнению докладчика, дают богатейший материал для осмысления пути развития этой филологической дисциплины и проблемы воспитания гражданина, человека общества и государства, личности, способной справиться с востребованной временем задачей в разных областях».

В докладе ректора РПУ им. А.И. Герцена, члена-корреспондента РАО профессора С.И. Богданова «Artes Liberalis и проблемы современного образования» отмечалось своеобразие современного рынка труда, которое состоит в том, что он всё в большей степени испытывает потребность в работниках, «способных выступать в амплу полифункционального специалиста, умело преодолевающего преграды узкой специализации, привязанной к той или иной конкретной дисциплине». «Главной педагогической задачей вуза в этих условиях, по мнению автора, становится пробуждение и развитие мышления, а не передача «конкретных знаний», «устаревающих» всё быстрее и быстрее. Автор полагает, что «одним из эффективных инструментов, позволяющих все эти вызовы достойно встретить и преодолеть, являются многопрофильные междисциплинарные образовательные программы, использующие технологии образовательной модели “Artes Liberalis” и получающие всё более широкое распространение в мировом и российском образовательном пространстве».

На форуме выступили с докладами представители Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова.

В докладе Н.К. Гарбовского «Подготовка переводчиков новых поколений: вызовы и перспективы» отмечалось, что современная эпоха характеризуется активным внедрением в жизнь общества постоянно совершенствуемых информационно-коммуникационных технологий, всё более заметным участием искусственного интеллекта в самых разных деятельности человека, а также интернационализацией общественной жизни.

В этих условиях очевидно проявляются новые вызовы не только перед специалистами межъязыковой коммуникации, в первую очередь переводчиками, но и педагогическими работниками, выполняющими задачу по подготовке переводческих кадров нового поколения. В то же время вырисовываются и новые перспективы оптимизации образовательных процессов и разработки новых эффективных образовательных технологий.

Современное информационное пространство, в котором осуществляется межъязыковая коммуникация с переводом, характеризуется понятием Big data — «большие данные». «Большие данные» — метафора, характеризующая диалектический закон перехода количества в качество. Использование цифровых носителей и лавинообразное нарастание объёма информации не только приводит к качественному изменению глобального информационного пространства, его интернационализации, но и предполагает некоторое изменение когнитивных процессов восприятия, интерпретации, категоризации, речевой реализации и передачи информации переводчиком в знаках иной языковой системы.

Проявляющиеся в связи с этим новые вызовы к подготовке переводческих кадров нового поколения можно свести в три группы:

1. Обеспечение эффективного взаимодействия переводчика человека и искусственного интеллекта, способного обеспечивать автоматический перевод.

2. Оптимальная интеграция дидактических принципов, подходов и методических решений, сложившихся в национальных образовательных системах, в интернациональных образовательных парадигмах.

3. Подготовка педагогических кадров нового поколения, способных обеспечивать подготовку переводчиков на основе новых подходов, гармонично сочетающих национальные и интернациональные педагогические схемы, традиционные и новейшие образовательные технологии, собственный опыт практической переводческой деятельности и обширные знания в области педагогики и психологии обучения.

В докладе О.И. Костиковой «Дидактика перевода и лингводидактика: двойники, враги, партнёры?» ставится весьма актуальный для сферы обучения профессиональной переводческой деятельностью вопрос о том, в каких логических отношениях находятся лингводидактика и дидактика перевода.

О взаимосвязи между переводческой деятельностью и владением языком филологи, философы и мастера словесности рассуждали, начиная с Античных времен, но её суть не всем виделась одинаково. Связь «перевод — язык» двойственна: перевод может рассматриваться как упражнение для совершенствования и проверки навыков владения языком и как деятельность, предполагающая использование этих навыков на высоком профессиональном уровне.

Осмысление этой взаимосвязи в лингводидактике происходило в несколько этапов: от первоначального синкретизма к главенству лингвистического подхода, ориентированного на так называемый «грамматический перевод», до полного отрицания перевода в обучении иностранным языкам в эпоху расцвета «коммуникативных» подходов и «прямых» методов.

С другой стороны, тесный характер взаимосвязи «перевод — язык» привёл к ошибочному представлению о сути переводческой профессии и методах её освоения: считалось, что достаточно изучить иностранный язык, чтобы стать переводчиком, в то время как владение родным языком в таких случаях постулировалось а priori. Однако проблемы переводческой интерференции, возникающей даже у естественных билингвов, а также особые компетенции, отличные от сугубо лингвистических, которые необходимо было развивать у профессионалов межъязыковой коммуникации привели к осознанию того, что понятие «обучение языкам» и понятие «обучение переводу» не равнообъёмны.

В каких логических отношениях находятся лингводидактика и дидактика перевода — подчинения, пересечения или дополнительности — всецело зависит от целей и задач обучения, ведь научиться говорить на иностранном языке — это одно, а овладеть профессией, где язык (иностранное и/или родное) — основной инструмент — это совсем другое.

В современных условиях, когда потребность не только в количестве, но и в качестве специалистов межъязыковой коммуникации особенно велика, на педагогических университетах лежит особая ответственность по выработке и внедрению новых, ориентированных на будущее подходов для формирования особых педагогических кадров, способных воспитать таких специалистов,

ориентируясь на потребности рынка, политическую конъюнктуру и технологические инновации.

Форум продемонстрировал глубокую заинтересованность как российских, так и китайских учёных в всесторонних исследованиях проблем современной педагогики в условиях формирования общего образовательного пространства, в котором успех и эффективность могут быть достигнуты только путем гармонизации национальных образовательных систем.

Н.К. Гарбовский

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА»

27 апреля — 2 мая 2018 года в г. Салоники (Греция) Высшая школа перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова при содействии АНО Институт перевода (Российская Федерация), а также Отделения языка, литературы и культуры стран Причерноморского бассейна факультета гуманитарных исследований Фракийского университета имени Демокрита (г. Комотини, Греция) провела VIII Международную научную конференцию «Русский язык и культура в зеркале перевода», посвящённую 200-летию со дня рождения известного русского писателя, публициста переводчика И.С. Тургенева, внёсшего значительный вклад в развитие русской литературы второй половины XIX века.

В этом году в конференции приняло участие более 90 специалистов из 19 стран мира: Австрии, Азербайджана, Армении, Бельгии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Греции, Грузии, Италии, Казахстана, Китая, Ливана, Марокко, Польши, России, Сербии, Турции, Хорватии и Чехии.

На торжественном открытии конференции, которое состоялось 28 апреля 2019 года, с приветственным словом к участникам научного форума обратился директор Высшей школы перевода, член-корреспондент Российской академии образования, профессор Н.К. Гарбовский, который подчеркнул важность проведения подобных научных мероприятий, направленных на распространение и поддержания русского языка и русской литературы за рубежом.

Торжественную церемонию открытия завершила литературно-музыкальная композиция, посвящённая жизни и творчеству И.С. Тургенева, подготовленная студентами и преподавателями факультета. Участники конференции дали высокую оценку выступлению творческого коллектива факультета. По словам Л.Д. Сережиной, проработавшей более 30 лет в Государственном природном и мемориальном музее-заповеднике И.С. Тургенева, творческий коллектив факультета смог очень точно и правдиво воссоздать образы И.С. Тургенева и П. Виардо, передать ту атмосферу, в которой жил и трудился великий русский писатель.

Научную часть конференции открыл доклад директора Высшей школы перевода, профессора Н.К. Гарбовского «Художественный перевод в эпоху “больших данных”». В докладе были поставлены актуальные вопросы современной науки о переводе: «Способны ли большие данные привести к существенным изменениям переводческих технологий, в частности, в области перевода художественных произведений? Какова степень достоверности данных, почерпнутых из Интернета? Какими свойствами должны обладать межъязыковые большие данные, в формировании массы которых участвуют переводчики? Каковы оптимальные решения взаимодействия с разными программами автоматического перевода?» и т.д. Доклад вызвал большой интерес и бурную дискуссию среди участников конференции.

Далее работа конференции велась по следующим направлениям: «Тургенев — переводчик и популяризатор русской литературы на западе». В рамках этой секции с докладами выступили профессор Высшей школы перевода Н.Н. Миронова и Э.Н. Мишкурков, а также профессор Российского государственного гуманитарного университета О.Н. Судакова. Направление «И.С. Тургенев в переводах: история и современность» было представлено докладами Ю.Д. Бурмистровой, В.А. Доманского, Л.Д. Сerezжиной, Э. Харацидиса, М.Н. Есаковой, Ю.Н. Кольцовой, О.И. Костиковой, О.Б. Кафановой и др. Помимо этого, творчеству И.С. Тургенева были посвящены и доклады, сделанные в рамках секций «Образная система у И.С. Тургенева и возможности её интерпретации» (Ю.В. Артемьева, Е.П. Ковалевич, И.П. Томашева, Л.И. Чович, А.И. Селезнева и др.), «Русский менталитет сквозь призму произведений И.С. Тургенева» (Г.Б. Абаева, М.Г. Новикова, М.М. Одесская, Н.В. Пушкарева и др.), «Творческое наследие И.С. Тургенева в культурном пространстве XXI века» (И.Л. Анастасьева, В. Донева, О.Ю. Иванова, Г.Л. Нефагина и др.). Следует отметить, что за дни работы конференции была проделана большая работа по исследованию творчества И.С. Тургенева; значительная часть докладов была посвящена анализу переводов произведений писателя на различные языки мира.

Исследованию и переводам русской литературы на языки мира была посвящена секция «Русская литература в мировом литературном пространстве». В рамках данной секции выступали следующие исследователи: Н.А. Калевич, Цю Ши, М. Костова-Панайотова, Е.Д. Леоненкова, Н.Н. Шестакова и др.

Традиционно большой интерес у участников конференции вызвали доклады, сделанные в рамках научных секций «Наука о переводе в глобальном мире: история и современность» (М.Е. Коров-

кина, М.Г. Метревели, Л.А. Тер-Саркисян, Б. Чович и др.). «Русский язык в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации» (А.Л. Бердичевский, Т.И. Зиновьева, Е.Г. Торсуков, А.Д. Кулик, К.П. Смолина, Сюань Чжиинь, Л.С. Трегубова, Г.М. Литвинова и др.) и «Культурно-антропологические аспекты межъязыковой коммуникации» (Л.И. Богданова, Н.А. Боженкова, Р.К. Боженкова, Ю.А. Вьюнов, М.И. Зверева и др.)

Профессора Высшей школы переводы МГУ имени М.В. Ломоносова Н.Н. Миронова и Ю.А. Вьюнов подвели итог работе секций конференции, отметив широкую проблематику докладов, с которыми выступали исследователи, а также большой интерес участников конференции к темам, затронутым в докладах. Доклады, сделанные в рамках перечисленных секций, каждый раз завершались широкими дискуссиями, что подтверждает актуальность и своевременность поднятых во время работы конференции проблем и вопросов.

Во время закрытия конференции участники выразили огромную благодарность организаторам. В своём выступлении О.Ю. Иванова, профессор Российского нового университета, подчеркнула, что ежегодная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода», а также форум молодых исследователей (преподавателей русского языка и перевода) «Языки. Культуры. Перевод», являются «знаковыми событиями, которые чрезвычайно важны для всех нас: и для переводчиков, и для филологов, и для лингвистов, и для всех тех, кому дороги русская культура и русский язык на всех территориях мира», а Х. Плес, директор Русского центра, преподаватель Краковского педагогического университета имени Комиссии народного образования, отметила, что «благодаря коллективу факультета возможны конференции такого высокого уровня, и именно поэтому каждый год количество участников конференции растёт».

М.Н. Есакова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

С 6 по 9 сентября 2018 года в Москве прошёл V международный конгресс переводчиков художественной литературы, организованный Институтом перевода при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечать). Впервые переводчики произведений русской литературы на языки мира и литературные переводчики зарубежной литературы на русский язык собрались в Москве на конгресс в 2010 г. Тогда число участников конгресса, приехавших из 20 стран, не превышало 150 человек. В 2018 г. их число утроилось. Конгресс стал крупнейшим международным переводческим форумом, рабочим языком которого является русский.

Как отмечалось в приветственном слове программного комитета участникам конгресса, «трудно представить более красноречивое подтверждение того, что идеи, которыми вдохновлён конгресс, составляют основу ценностей переводческого сообщества, обладают живой силой, которая растёт день ото дня».

Укрепление гуманитарных связей, способствование обмену идеями, знаниями и творческими достижениями во все времена играло важную роль — ведь без этого нет взаимопонимания между людьми и народами. А от того, насколько люди способны понять друг друга, зависит мир на планете. Сегодня, когда политика «мягкой силы» оказывается чуть ли не единственным эффективным и безопасным способом ведения международных отношений, это особенно актуально.

В культурной дипломатии, подразумевающей «обмен идеями, информацией, творчеством, языками и другими компонентами культуры между государствами и населяющими их народами с целью укрепления взаимопонимания»¹, художественной литературе отводится существенная роль. Действительно, откуда, как не из художественной литературы, из произведений выдающихся классиков и современных писателей черпаются знания о целой стране,

¹ Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy, in *Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare*, ed. Michael J. Waller (Washington, DC: Institute of World Politics Press, 2009), pp. 74.

интерес к её культуре в целом? И речь в первую очередь о литературе переводной. Переводчики художественной литературы — не только посредники между читателями разных стран, наводящие мосты между языками и культурами, но и ключевые элементы культурной дипломатии. По мнению директора Института перевода Е. Резниченко, «работа переводчика зачастую важнее работы дипломата, потому что перевод какого-то замечательного произведения с одного языка на другой порой помогает очень быстро сблизить народы и страны, чего порой не удаётся дипломатам».

Перевод — один из древнейших видов деятельности. Во все времена перед переводчиками стояла благородная миссия — быть историками, просветителями, миссионерами, писателями, а иногда и писмотворцами. Сегодня многие уповают на переводчиков и как на создателей нового информационного пространства вне политики. Это бесспорно, но является скорее неотъемлемым эффектом выполнения основной задачи литературного переводчика — донести *живое* писательское слово до людей, читающих на разных языках, а «проза поэзии и поэзия прозы» — «столь летучая жидкость, что при переливании из языка в язык всё испаряется» (Джон Денем), так что задача кажется поистине невыполнимой. О том, в какой мере и как осуществляются замыслы переводчика, что теряется и что приобретает в переводе, чем можно жертвовать и какие потери оказываются невозможными и о многих других профессиональных и творческих дидактических и методологических радостях, трудностях, стратегиях и поисках велась дискуссия в течение трёх рабочих дней конгресса.

Организованный Институтом перевода, конгресс собрал вместе переводчиков русской и зарубежной художественной литературы, филологов, литературных агентов и издателей из 56 стран ближнего и дальнего зарубежья и 20 субъектов Российской Федерации. Всего за два дня работы конгресса в 8 секциях было заслушано более 230 докладов.

По традиции, конгресс открылся пленарным заседанием в Большом зале Библиотеки иностранной литературы выступлением заместителя руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимира Григорьева. Свои доклады на пленарном заседании представили: писатель и литературовед Павел Басинский, филолог-лингвист, проректор по науке Института русского языка имени А.С. Пушкина Михаил Осадчий, переводчик русской литературы на французский язык Анн Кольдефи-Фокар, российский критик и литературовед Галина Юзефович. Также о важности конгресса и его основных направлениях рассказал

участникам исполнительный директор Института перевода Евгений Резниченко.

В состав программного комитета вошли эксперты и переводчики, представляющие разные сферы бытования литературного перевода: главные редакторы ведущих литературно-художественных журналов А. Ливергант («Иностранная литература») и И. Барметова («Октябрь»), переводчики, литературоведы и литературные критики Н. Литвинец (программный директор Института перевода) и О. Мязотс (руководитель отдела детской литературы Библиотеки иностранной литературы им. Рудомино), представители ведущих вузов Москвы, осуществляющих подготовку переводчиков И. Гусейнова (МГЛУ), Н. Гарбовский (Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова), Е. Похолкова (МГЛУ), О. Костикова (Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова), В. Конев (МГЛУ). Программный комитет постарался учесть самые разные интересы: работали секции, посвящённые прозе и поэзии («Проза поэзии и поэзия прозы: новое в переводе», «Поэзия прозы и проза поэзии: “золотая середина”»); драматургии («Проза и поэзия театра: переводимость — непереводаемость»); детской литературе («Что и как переводить детям?»); взаимоотношениям переводчика и издателя («Переводчик и издатель: союз или противостояние?»); секретам мастерства и воспитанию подрастающего поколения переводчиков («Переводческая мастерская: “пиррово поражение”?», «Школа молодого переводчика: азы профессии»); проблемам языковой политики и взаимодействия языков в переводе («Вавилонское столпотворение: языки большие и малые»).

В ходе конгресса состоялась встреча с российскими и иностранными писателями: Дж.Г. Лоуэнфельдом (США), А. Литвиной, А. Сорокиной, К. Драгунской, Д. Даниловым, А. Архангельским, Ш. Идиатуллиным, Л. Данилкиным, А. Сальниковым, О. Павловым. Участники конгресса — переводчики отметили, что подобные встречи, где можно познакомиться с литературой последних лет, вдохновляют для дальнейшей работы.

Завершила конгресс торжественная церемония вручения премии READ RUSSIA за лучший перевод с русского языка. В этом году в финал премии вышли 19 переводчиков из 16 стран. Победителями стали четыре переводчика и четыре издательства. В номинации «Классическая русская литература XIX века» награду получила Марта Санчес за «Севастопольские рассказы» Льва Толстого (Испания, издательство Alba). В номинации «Литература XX века» — Анн Кольдефи-Фокар и Женестьева Жоаннэ за «Апрель Семнадцатого» Александра Солженицына (Франция, издательство Fayard). В номи-

нации «Современная русская литература» лауреатом стал Оливер Реди за «Репетиции» Владимира Шарова (Великобритания, издательство Dedalus Europe). В номинации «Поэзия» победил Кирил Кадийски за «Избранное» Федора Тютчева и по совокупности заслуг (Болгария, издательство «Нов Златорог»).

В организации и проведении конгресса приняли самое активное участие волонтеры — студенты Высшей школы перевода Московского университета и Московского государственного лингвистического университета. Обеспечение жизнедеятельности конгресса, сопровождение участников и докладчиков, помощь организационному и программному комитету — в этом состояла их особая роль.

О.И. Костикова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (Москва, 10–12 октября 2018 г.)

VIII Международный конгресс по когнитивной лингвистике «Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире» проходил с 10 по 12 октября 2018 года в городе Москва на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Конгресс был организован факультетом «Высшая школа перевода» МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с Российской ассоциацией лингвистов-когнитологов (РАЛК) и Институтом языкознания РАН. Конгресс проводился при поддержке ректора МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора физико-математических наук, профессора, академика РАН Виктора Антоновича Садовниченко и директора факультета «Высшая школа перевода» МГУ имени М.В. Ломоносова доктора филологических наук, профессора, академика РАО Николая Константиновича Гарбовского.

Международный конгресс собрал более 350 участников — специалистов в области когнитивной и функциональной лингвистики, когнитивной семантики и корпусной лингвистики, по межкультурной коммуникации, когнитивно-сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода. На конференцию приехали 26 учёных из ряда зарубежных стран — Белоруссии, Бельгии, Германии, Дании, Испании, Казахстана, Китая, Латвии, Румынии, Словакии, Украины, Хорватии, Швейцарии, Японии. Участники конгресса также представляли учебные заведения и научно-исследовательские центры Российской Федерации: Астрахани, Архангельска, Барнаула, Бийска, Белгорода, Брянска, Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Ельца, Ижевска, Иркутска, Йошкар-Олы, Казани, Калининграда, Карачаевска, Краснодарска, Красноярска, Кирова, Липецка, Майкопа, Москвы, Нальчика, Нижнего Новгорода, Новодвинска, Новосибирска, Омска, Оренбурга, Орехово-Зуево, Перми, Петропавловска-Камчатского, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Рязани, Самары, Санкт-Петербурга, Саранска, Саратова, Симферополя, Смоленска, Ставрополя, Сыктывкара, Сургута, Тамбова, Таганрога, Твери, Тулы, Тюмени, Уфы, Чебоксар, Челябинска и многих других городов.

В продолжение сложившейся традиции проведения международных научных форумов по когнитивной лингвистике в России, на конгрессе обсуждались актуальные проблемы когнитивной

лингвистики и смежных с нею научных дисциплин. Существенными вопросами для развития языкознания и современной когнитивно-коммуникативной парадигмы лингвистического знания является обсуждение теоретических и методологических проблем, раскрывающих понимание роли человека в осмыслении действительности в речемыслительной деятельности, типологизация человеческого знания, углубление метаязыкового аппарата и методологического инструментария, направленного на разработку методики концептуального моделирования в современной лингвистике.

Вопросы концептуализации и категоризации в лингвокультурологическом и коммуникативном пространстве помогают понять построение разнообразных концептуальных категорий: онтологических категорий и категорий, непосредственно связанных с оценочностью, переосмыслением и перекатегоризацией, обогащающих понимание языковой и концептуальной картин мира. На конгрессе обсуждались проблемы предметно-практической и теоретико-познавательной деятельности людей в процессе когнитивного моделирования и с опорой на корпусные данные. Затрагивались вопросы осмысления ментальных и речевых механизмов в изучении текста и дискурса, а также явления прагматики и полидискурсивности, что даёт возможность показать перспективность развития когнитивного подхода в изучении языка. Особая сфера, где пересекаются явления категоризации и концептуализации, связана с систематизацией типов знания. Обыденное и научное познание мира находит отражение в профессиональной коммуникации и в описании терминологии и терминологических систем. Материалы конгресса свидетельствуют о неуклонно возрастающей роли междисциплинарности как одного из основополагающих принципов антропологических исследований в когнитивной лингвистике. Выявление когнитивных факторов, находящих отражение в сопоставительных исследованиях языков и культур, исторических и социокультурных явлений, представленных в одном или нескольких языках, когнитивных и интерпретационных механизмов, оказывает непосредственное влияние на процесс перевода. Трансфер знания и необходимость учитывать аксиологические составляющие выбора определённых языковых решений под влиянием конкретных событий и ситуаций, а также наличие когнитивных составляющих в лингводидактике и дидактике перевода воплощено в появляющихся новых направлениях когнитивных исследований. Междисциплинарный характер современной когнитивистики проявился в выступлениях по когнитивному моделированию социальных и культурно-исторических

процессов, корпусной лингвистике, когнитивным основам переводческой деятельности, лингводидактики и дидактики перевода, широко представленных в материалах конгресса.

Доклады участников конгресса распределились по следующим направлениям:

1. Теоретические и методологические проблемы современной когнитивной лингвистики.
2. Концептуализация и категоризация в лингвокультурологическом и коммуникативном преломлении.
3. Изучение речевых и ментальных механизмов как средства предметно-практической и теоретико-познавательной деятельности людей.
4. Новые технологии когнитивного моделирования.
5. Когнитивно-лингвистическое моделирование социальных и культурно-исторических процессов.
6. Механизмы, раскрываемые на основе корпусной лингвистики.
7. Когнитивные основы изучения текста и дискурса.
8. Особенности изучения языковых явлений в когнитивной прагматике.
9. Когнитивные аспекты полидискурсивности коммуникативной деятельности человека.
10. Когнитивный подход в изучении профессиональной коммуникации и терминологии.
11. Когнитивно-функциональные особенности сопоставительного изучения языков и культур.
12. Культурно-антропологическая парадигма в науке о переводе: вопросы взаимодействия языков и культур.
13. Когнитивные основания переводческой деятельности.
14. Перевод и трансфер человеческих знаний.
15. Современная когнитивистика в лингводидактике и дидактике перевода.

Существенное тематическое разнообразие свидетельствует о том, что когнитивная лингвистика в качестве научной парадигмы лингвистического знания успешно развивает предшествующие достижения языковедческой науки, а также выявляет свойства языковых явлений, подлежащих дальнейшему изучению и обсуждению для осмысления места когнитивной лингвистики в современной постнеоклассической науке, а также человеческой когниции и коммуникации в современном глобальном мире.

На открытии VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике «Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире» прозвучало приветственное слово от ректора Московского

государственного университета имени М.В. Ломоносова, председателя оргкомитета, академика РАН В.А. Садовниченко.

В рамках научного форума прозвучало 19 пленарных докладов, около 300 секционных докладов, проводились круглый стол и мастер-класс.

Конгресс был открыт пленарным докладом *Дирка Герардтса*, одного из основателей когнитивной лингвистики в Европе, профессора Католического университета г. Лювен (Бельгия), на тему “Paradigm shifts in linguistics” («Смены парадигм в лингвистике»). В нём рассматривалась последовательная смена трех лингвистических парадигм на протяжении XX и XXI вв.: структуралистской, формальной и функционально-когнитивной. Смена парадигм, по мнению учёного, включает процессы деконтекстуализации и реконтекстуализации грамматики: первый имел место при переходе от структурализма к формализму (точнее, к генеративной грамматике), второй — при переходе от последнего к функционально-когнитивной парадигме. Деконтекстуализация, фактически, предполагает рассмотрение грамматических явлений вне дискурсивного контекста использования языка, реконтекстуализация подразумевает обратное, что оказывается чрезвычайно важным в настоящий момент развития языкознания.

Пленарный доклад почетного профессора Женевского университета *Ханелоры Ли-Янке* (Швейцария) “Cognition and Emotion: Ingredients for Better Training” («Когниция и эмоция: составляющие усовершенствованной системы обучения») был посвящён роли когниции и эмоций в лингводидактике и, в частности, в дидактике перевода.

И.А. Краева в своём пленарном докладе «Некоторые особенности лексикографического описания градуальности английских прилагательных» (Россия, МГЛУ) проанализировала базовые концепты, лежащие в основе семантики английских качественных прилагательных, имплицитно выражающих градуальность. Она рассмотрела семантику качественных прилагательных, имплицитно выражающих градуальность, в основе которых находится концептуальная структура, включающая базовый концепт «степень проявления признака».

Доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН *В.З. Демьянков* (Россия) посвятил свой пленарный доклад проблеме соотношения коммуникативного знания, когнитивной и коммуникативной компетенции. Основная мысль докладчика заключалась в том, что коммуникативные знания и когнитивная ком-

петенция входят в состав коммуникативной компетенции, которая не только варьируется от культуры к культуре, но и развивается по ходу конкретного акта общения между коммуникантами.

Пленарный доклад председателя Российской ассоциации лингвистов-когнитологов *Н.Н. Болдырева* (Россия, ТГУ имени Г.Р. Державина) был посвящён переводу как проблеме выбора когнитивных доминант. Перевод рассматривался в докладе как один из видов межкультурной коммуникации и в контексте процессов категоризации и концептуализации, имеющих интерпретирующий характер, так как перевод зависит не только от условий коммуникации, но и от «контекста знаний переводчика». Проанализированные в докладе примеры показали, что переводческие неудачи зачастую обусловлены тем, что переводчик ориентируется преимущественно на лингвистическую доминанту, упуская из виду когнитивные и культурные аспекты межъязыкового посредничества.

Пленарный доклад профессора Свободного университета г. Берлина (Германия) *Анатolia Стефановича* “Thirty Years of Collostructional Analysis” («Тридцать лет коллоструктурного анализа») выявил ряд неизученных областей в грамматике конструкций, которые могут быть успешно исследованы для анализа значения многозначного слова с применением коллокационного анализа и методов корпусной лингвистики. Автор наглядно показал, что набор лексико-грамматических конструкций, в которых используется та или иная лексическая единица, зависит от коммуникативного контекста, словоизменения и словообразования, а также от определённых ассоциаций, возникающих при употреблении лексических единиц в определённых типах текста.

Доклад профессора *Яна Энгберга* из университета г. Орхус (Дания) показал плодотворность фреймового подхода в изучении релевантных структур специального знания, обнаруживаемых в оригиналах и переводах юридических текстов. Автор показал, что изучение специальной коммуникации зависит от интенций и «от глубины и широты их индивидуального знания» коммуникантов, являющихся специалистами или неспециалистами в выбранной области.

Г.Г. Молчанова (Россия, МГУ имени М.В. Ломоносова) посвятила свой пленарный доклад раскрытию смыслообразующей роли концепта *white* в дискурсе переоценки ценностей (soul-searching discourse). Доклад *О.В. Александровой* (Россия, МГУ имени М.В. Ломоносова) был посвящён особенностям терминологии когнитивной лингвистики в контексте смены парадигм научного знания. В пленарном докладе *В.И. Заботкиной* рассматривалась проблема

аксиологической категоризации событий с точки зрения когниции и коммуникации, было установлено, что «аксиологическая категоризация происходит на этапе конструирования ментальной модели и завершается на этапе формирования дискурса».

Чрезвычайно интересный и актуальный материал был представлен в докладе *А.В. Латанова и В.Н. Анисимова* «Движение глаз при чтении неоднозначных придаточных предложений в русском языке». В ходе исследования, имевшего поистине междисциплинарный характер, учёным удалось установить, что глобальная неоднозначность предложений со структурной неопределённостью придаточного определительного женского рода в русском языке разрешается легче, чем локальная неоднозначность. Таким образом, «технология айтрекинга [англ. eye-tracking] позволяет исследовать процессы структурного анализа в режиме реального времени».

Пленарный доклад *Н.К. Рябцевой* был посвящён рассмотрению стиля мышления и коммуникации в межъязыковом и когнитивном аспекте. В докладе *Л.А. Манерко* раскрывается такое направление лингвистики как когнитивное терминоведение на основе антропоцентрического и конструирующего взгляда на терминосистемы и специальный дискурс, где внимание уделяется обыденному и специальному видам знания, процессам категоризации и концептуализации и методам, развиваемым в когнитивной лингвистике и когнитивном терминоведении.

Анализ когнитивно-герменевтических пролегоменов к современной теории и методологии перевода прозвучал в докладе *Э.Н. Мишкурова*. *Н.Б. Гвишиани* посвятила своё выступление рассмотрению типов межъязыковых соответствий в контрастивном сопоставлении в аспекте когнитивно-дискурсивного исследования. *И.В. Зыкова* изложила в своём докладе принципы организации метаязыковой системы лингвокультурологии. Доклад *Н.Н. Мироновой* был посвящён изучению семиотики дискурса как механизма формирования когнитивного пространства литературного произведения.

Пленарный доклад *О.И. Костиковой* затронул проблему когнитивной обработки информации с ономастическим компонентом в устном синхронном переводе. Закрыв конгресс пленарный доклад директора Высшей школы перевода *Н.К. Гарбовского* на тему «Перевод: COGNITIO и COMMUNICATIO в эпоху “больших данных”».

В рамках конгресса также прошёл мастер-класс «Поэтическая ось: От оригинала к переводу. От стиха к музыке», проведённый *Ж. Гуателли-Тедески* (Испания) и *М.Н. Дмитриевской* и привлёкший внимание начинающих и опытных переводчиков.

Центральным событием конгресса стал Круглый стол, посвящённый памяти выдающегося отечественного учёного *Владимира Моисеевича Лейчика*, чьё творческое наследие внесло неоценимый вклад в развитие терминоведения, в частности, в создание когнитивной парадигмы данной области знания. На круглом столе выступили с докладами и воспоминаниями соратники и ученики Владимира Моисеевича, последователи и продолжатели его идей в науке.

Участникам конгресса была представлена насыщенная культурная программа. Она включала экскурсию для русскоязычных и иностранных участников мероприятия по территории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в ходе которой они познакомились с главным зданием университета и музеем землеведения, являющимся самым высоким музеем Европы. Участники посетили оперу Р. Вагнера «Лоэнгрин» в театре «Новая опера» Москвы.

Материалы конгресса опубликованы в тридцать четвёртом выпуске академической серии «Когнитивные исследования языка», имеющей статус рецензируемого научного издания, включенного в перечень ВАК РФ, и индексируемого в РИНЦ.

Плодотворное научное и человеческое общение в ходе конгресса в Московском университете способствовало укреплению сообщества лингвистов-когнитологов России и зарубежных представителей когнитивной науки, позволило выработать перспективные направления дальнейших исследований, результаты которых смогут обсудить участники очередного конгресса, который запланирован на 2019 год в Нижнем Новгороде.

*Л.А. Манерко,
Е.М. Мешкова*

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале
«Вестник Московского университета. Серия 22.
Теория перевода за 2018 год**

	№	Стр.
От редакции. Журналу «Теория перевода» – 10 лет	1	3
Поздравления с юбилеем	1	7
<i>Гу Цзюньлин.</i> Десятилетнее развитие <i>Вестника МГУ. Серия 22. Теория перевода: специфика и перспективы</i>	4	3
Общая теория перевода		
<i>Воюцкая А.А.</i> Процесс принятия решений в переводе: приемлемость и предпочтительность	3	3
<i>Гарбовский Н.К., Костикова О.И.</i> Перевод и общество	1	17
<i>Коровкина М.Е.</i> Об интерпретационных и компетентностных факторах перевода.	3	17
<i>Мишуков Э.Н.</i> Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть III: «интерпретация»)	1	41
Методология перевода		
<i>Александрова Е.М.</i> Гибридная игра как семиотико-людическая модель перевода каламбура: стратегии, тактики, преобразования	2	3
<i>Горшкова В.Е., Павлова Е.В.</i> Антиномии перевода (на материале имён собственных)	1	69
<i>Гу Хонфэй, Гананольская Е.В.</i> Сравнение стратегий перевода профессионального и непрофессионального переводчиков при устном переводе с китайского языка на русский.	2	22
<i>Гу Хонфэй.</i> Об устном переводе с китайского языка на русский на основе интенциональности текста.	4	14
<i>Егорова Ю.В., Труханова Е.В.</i> Трудности перевода: нормально или обычно?	2	50
<i>Марусенко Н.М., Скребцова Т.Г.</i> Как избежать прошлого? (об особенностях перевода романа Дж. Харрис «Джентльмены и игроки» на русский язык)	2	38
<i>Миньяр-Белоручева А.П., Княжинская Е.В.</i> Перевод номенклатурных образований эпохи революций в произведениях английских и американских писателей.	2	62

<i>Моисеенко Д.А.</i> Достижение эквивалентности и адекватности при переводе фразеологизмов в статьях средств массовой информации	3	31
<i>Цзинь Ифан</i> Развитие межъязыковых больших данных и корпуса китайского языка	3	44
<i>Хухуни Г.Т., Осипова А.А.</i> «Неопределённые реалии» и их передача: об одном аспекте диахронического перевода	1	96
<i>Юань Мяосюй.</i> Уступительность в романе Цянь Чжуншу «Осаждённая Крепость» и её выражение в русском переводе	2	73
<i>Лингвистические и культурологические аспекты перевода</i>		
<i>Алиева У.Н. гызы</i> К вопросу о специфических аспектах перевода	3	51
<i>Артемяева Ю.В., Разыграева С.А., Явари Ю.В.</i> Роль языковой личности при переводе реалий в произведениях И.С. Тургенева	4	35
<i>Борисова Л.В., Иванова А.М.</i> Кластер «культурные растения» в языковой картине мира (русско-чувашские параллели)	3	65
<i>Голованцевская М.К.</i> Абстрактное и конкретное в изучении национальных менталитетов	2	97
<i>Жантурина Б.Н.</i> Лингвоколизмы в художественном переводе	3	80
<i>Санчо Инсаути И.</i> Вклад русской литературы в становлении баскской литературной системы: 1956–2017.	4	46
<i>Хуснулина Р.Р.</i> Языковые реалии, их значение в поэтике повести Джона Фаулза «Элидюк»	3	92
<i>Лингводидактика и дидактика перевода</i>		
<i>Ветчинова М.Н.</i> Перевод как метод обучения иностранному языку (из истории методики перевода XIX в)	3	104
<i>Торсуков Е.Г., Авуза А.А.</i> Формы суггестии как средство оптимизации учебного процесса	2	118
<i>Юе Жуйин</i> Теоретические основы методики обучения устному переводу в Китае	3	111
<i>Вопросы терминологии</i>		
<i>Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.</i> Путь к дискурсивному терминоведению (к 90-летию В.М. Лейчика)	4	78
<i>Иконникова В.А.</i> Теория терминологического знака В.М. Лейчика и исследование лингвокультурологической составляющей отраслевых терминологий	4	93
<i>Какзанова Е.М.</i> Терминообразующие потенции разноязычных минералогических эпонимов в свете когнитивного терминоведения	4	107
<i>Новодранова В.Ф., Манерко Л.А.</i> В.М. Лейчик: жизненный и научный путь филолога, терминоведа и специалиста по переводу	4	124
<i>Сложеникина Ю.В., Зайцева А.С.</i> Категоризация действительности в специальной картине мира	4	137
<i>Сорокина Э.А.</i> Проблемы анализа неоднословных терминов	4	150

История перевода и переводческих учений

<i>Алевич А.В.</i> Перевод с прозы в двухъ отдѣленіяхъ и пяти пѣсняхъ: «Потерянный рай» Елизаветы Жадовской	2	86
<i>Цю Ши.</i> История переводов повести «Чёрный монах» А.П. Чехова в Китае в XX веке	4	23

Рецензии

<i>Ощепкова В.В.</i> Перевод и переводы: история и современность. Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Коллек- тивная монография. М: ФЛИНТА, 2018 100 с.	3	131
---	---	-----

Хроника научной жизни

<i>Гарбовский Н.К.</i> Китайско-российский педагогический форум «Один пояс — один путь». Сиань 21–23 октября 2018.	4	159
<i>Есакова М.Н.</i> VIII Международная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода»	4	165
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н.</i> Международный молодёжный образовательный форум «Языки, культуры, перевод	3	128
<i>Костикова О.И.</i> Литературный перевод как средство культурной дипломатии	4	168
<i>Манерко Л.А., Мешкова Е.М.</i> Международный конгресс по когни- тивной лингвистике, Москва, МГУ 10–12 октября 2018 г.	4	172

Памяти

Катарина Райс (1923–2018)	3	124
-------------------------------------	---	-----

Аннотации статей, опубликованных в журнале <i>Вестник МГУ.</i> <i>Серия 22. Теория перевода</i> в 2013–2017 гг.	1	109
--	---	-----

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Бальо Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуроев Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кёён**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, док-

тор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovsky, Nikolai K., Editor-in-Chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awais, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Alexeeva, Irina S., Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium);

Belsky, Yevgeniy V., Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy);

Gorshkova, Vera Ye., Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Isolahti, Nina B., School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Koltsova, Yulia N., Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Lee-Jahnke, Hannelore, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Marusenko, Mikhail N., Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mishkurov, Edward N., Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia);

Pan, Yong-Kyo, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Forstner, Martin, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Eleferios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece);

Holzer, Peter, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia);

Schmitt, Peter A., Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

– необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

– текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

– *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

– необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

– наличие списка ключевых слов после аннотации на русском и английском языках;

– *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

– *примечания* в виде постраничных сносок. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [Там же: 128] для русскоязычных источников или [ibid.: 123] для иноязычных источников;

– *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (In Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты:

vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *О. В. Кокорева*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус,
к. 1150. *Тел.:* 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 06.03.2019. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 0,0. Тираж экз. Изд. № 11 060. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074—6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2018. №4. С. 1—184.